

Владимир Партолин

**Повесть
дохронных лет**

Владимир Иванович Партолин

Повесть дохронных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70564729

SelfPub; 2024

Аннотация

Описываемые события получили начало на острове Новая Земля. Незадолго до "мягкой" третьей мировой войны акватория острова была обнесена "стеной", а поселения укрыты "мисками" – куполами оберегавшими от океанской стужи. Штормом к берегу с посёлками Отрадное, Мирный и Быково прибило японский сухогруз, перевозивший игровые комплексы "PO TU". "Игрушки" Япония подарила школам, ученики которых впоследствии заняли ключевые посты в колониях Марса.

Владимир Партолин

Повесть дохронных лет

Салават Хизатуллин ответил:

– На проводе, слушаю.

– Закончила правку, будет время, прочти. Файл под именем «pdl». Франц рассказывает о случае в скульптурной мастерской, о наших потутошних приключениях. Помнишь? Текст не меняла, орфографию и пунктуацию оставила. Так, в сюжет немного «красок» добавила.

– Не высыпаясь, куда спешишь?

– От Франца есть что?

– Я бы сразу позвонил.

– Ты предлагал участие, соавторство и информацию.

– Вычитаю, потру что секретное, может, поправлю местами и утром сброшу тексты. Записи-ком Франца и его подчинённых.

– Пока.

– Целую.

Хизатуллин подключил служебный компьютер к домашнему, нашёл поисковиком и открыл файл с именем «pdl».

Читал с монитора – не любил воспроизведение текстов электронным голосом.

Покрышкин

(в соавторстве с женой, сестрой и другом)

Повесть дохронных лет

За завтраком отец объявил о покупке мне вертолѐта.

Мама и сестра Катька восторга не проявили: не впервой слышали, давно в том разуверились. Я же возликовал, наконец-то, будет у меня «парубок». Вертолѐт называли так поукраински ещё с той поры на Малой Земле, когда парни в этих двухместных, двухвинтовых вертушках слетались с подругами в центр на танцы. Оттого пошла традиция: старшеклассник, заполучив парубка, в первый полѐт непременно брал подружку, если не имелась – одноклассницу. Обещал отец подарить мне не «стрекозку школьника», одноместную с одним винтом вертушку, с потолком полѐта не намного выше крыш, да к тому же с бортовым автопилотом не дававшим сойти с маршрута «дом-школа и обратно», а подержанный «Ми-Жи48», настоящую машину. Сошлись в цене с продавцом давно, но из-за моих «неуд» по поведению в школе и

приводов в милицейский участок сделка откладывалась. И вот, случилось!

Покупал отец «Ми-Жи48» потому, что в летние каникулы сестре Катьке исполнялось двенадцать лет, и мне, уже десятикласснику, позволялось возить её в школу.

* * *

Пара зоологии была итоговой в году, назначена в скульптурной мастерской. Потому, что утром до уроков кто-то принёс в школу гусениц и до звонка втихаря нашпиговал ими парты в зооклассе, технички теперь выискивали и вылавливали. В мастерской ученикам предстояло вылепить из пластилина любимое млекопитающее и рассказать о нём.

Зоологичка Маргарита Астафьевна, – она в школе учительница новая, молодая, с материка приехала в конце последней четверти учебного года – на ходу поприветствовав учеников, прошла к своему месту, грациозно взбежала по приступкам кафедры, сунула в дверной приёмник личную пласткарту, сказала: «Приступайте. Первый час лепим, на втором рассказываем». И пропала с глаз, сев в кресло. Прозвучал щелчок выключателя мегафона. Учителя, бывало, забывали это сделать, тогда класс наслаждался их бурчанием в нос, позёвыванием, кряхтением, а то и похрапыванием. Зоологичка же страховалась: из утробы учительской кафедры через мегафон мог быть слышен голос ведущей телевизионной программы, компьютер работал в режиме приёма телевещания. Было это нарушением, но Маргарита Астафьевна

не пропускала ни одного выпуска передачи «Новое в вязании крючком». Программа шла по пятницам, и как раз в часы её уроков зоологии. Для мальчишек этот день – чёрный день: учительница не покидала кафедры – по мегафону излагала тему урока, не отрываясь от телевизора и вязания. Отвечать домашнее задание не вызывала, чем очень расстраивала пацанов. В другие дни недели ответы у доски она любила послушать от «камчатки». Прохаживаясь между рядами, иногда подсаживалась на краешек скамейки, и этого мальчишки ждали с замиранием сердца, очередь вытерпев, чтобы на зоологии одному занять пустующую в классе парту. Сегодня пятница была омрачена ещё и тем, что учительница пришла в школу в костюме с длинной по щиколотки юбкой, а её ноги, обычно затянутые в светлые прозрачные колготки, для мальчишек были объектом самого пристального внимания на уроке. Так что, сегодня за скульптурные станки пацаны уселись понурыми. Девчонки же – те, кому удачно посчастливилось надеть дома коротенькие юбочки, – усаживаясь на табуреты, поворотились к «камчатке» вполборота и закинули ногу за ногу.

Занятия изобразительным искусством я не любил, скульптуру – ненавидел: мутило от запаха пластилина. Кроме того, я считал, от пластилина появлялись на руках бородавки. Моим достижением в ваянии была ёлочка, которую я слепил в четвёртом классе и после скульптурную мастерскую не посещал. Сачкануть и сегодня никак не мог: «неуд» и штраф по

поведению заработаю, и не видать мне тогда парубка. Но и прибавления бородавок не хотелось – особенно, сейчас весной. Нашёл выход: прихватил в мастерскую рукавицы «утеплённые стрелковые Армейские», дядей Францем, офицером, мне подаренные. Зимой провалялись в парте, надевал только в лютые уж морозы. В весну, позднюю даже, носить приходилось: бородавки на руках высыпали, прятал. Пацанам «армейки» нравились: расцветка ткани «флора», под камуфляж. Обменяться предлагали, я отказывал, вот пригодились.

Лепить в рукавицах – укол от одноклассников не обещаться, ждал, пока класс не опустеет. До звонка справившись с заданием, ученики ушли в буфет, и я, весь час промечтавший о вожденной вертушке, достал спрятанные за пояс под жилетку «армейки».

Посмотрел время на настенных часах – как повешенных однажды в кризисный год на место портрета российского президента, так и тикавших по сей день над плазмой рисовальной доской. До звонка оставалось семь минут.

Смочив рукавицы в ванночке с водой, снял с брикета скульптурного пластилина обёртку и, разминая брусок на дощечке, перебирал в памяти, какое млекопитающее моё любимое. Нравились птицы. В доме держал двух соколов, пока не подарили сестре Катке Гошу. Этот презренный попка сжил со свету «братию», а после и бойцового ворона, которого я позаимствовал у друга Доцента – попугая наказать и сестре отомстить. Ворона я бы слепил, но он – птица. В Мос-

ковском зоопарке видел жирафа – понравился. Цвет пластилина охра – как раз под масть окраса его шкуры. Но не успеть мне за семь минут вылепить длинноногое и длинношеее животное. В «армейках» на меху, четырьмя пальцами, да ещё с моими способностями в ваянии.

Покрутив головой, посмотрел, кого и как вылепили другие. На станках слон, лев, пантера, кит, хомячок. Ага, и жираф есть. Очень здорово сделан. Изабелла за этим станком сидела – её работа. Слепи и я жирафа, класс непременно потребовал бы рассказывать о нём меня, потому что Изабелла у доски отвечала всегда минуту, не более. Надо что-нибудь неприметное, невзрачное выбрать. Хомяк есть, зайца что ли? Облом, и этот есть. Тогда кролика. Не пойдёт: сочтут за зайца и, если не меня вызовут о нём рассказать, то дополнить непременно. И ёжик есть! В клубочке: скатан из пластилина шарик и утыкан иголками для крепления на мольберт рисовальной бумаги. Глашка-головастая прикололась... Суслика?.. Слеплен. Мышь?.. Тоже. Скунса. В пролёте: два штуки – на станках близнецов Керима и Мазепы Карамазовых. Всю мелкоту разобрали. Остаётся медведя... И этот есть! Два... нет – три даже! Вчера, в утренних новостях передавали, на хутор у Быково пробрался и оленя зарезал. Так что, по косолапому вызовут, к бабке не ходи, и по закону подлости – меня. Может быть... носорога? Или бегемота?

Взвесив все за и против, выбрал бегемота: у носорога на деталь больше – рог. А рассказывать, если вызовут, что про

зайца, что про носорога, что про бегемота – всё одно нечего: зоологию я не учил; о птицах проходили – прочёл.

У бегемота, рассуждал я, есть туловище, четыре ноги, голова... Что ещё? Хвост... У всех есть, вот какой он у бегемота, вопрос. Голова – с глазами, ушами, клыками. На ногах – когти... Или копыта?.. Деталей лепить немало. А что, если показать бегемота в воде, по шею под водой, одна голова видна? Раскатать по дощечке пластилин блинчиком – изобразить так водоём; из воды голова торчит, с глазами, ушами и клыками. И не надо тебе ни туловища, ни ног, ни хвоста.

Хороша задумка, но не про нас, поостыл я. Пацаны согласятся с тем, что блинчик этот – водоём, в нём бегемот бултыхается. Куда им деваться, мне кулак только под станком показать – закивают. Девчонки – эти потребуют доказать, что глаза и уши над водой – бегемота под водой. Докажу, если только снизу дощечки – под водой – вылеплю всего бегемота: туловище, ноги, хвост... А, если пьёт по брюхо в воде, осенило меня. Пожалуй, выход. Целых четыре детали лепить не надо – ноги. Ни черта не помню, с пальцами эти ноги или с копытами. А может быть, и вовсе с лапами перепончатыми – бегемот в воде же водится.

Довольный идеей, я принялся за работу.

Итак, к водоёму добавляется бегемот по брюхо в воде. Пластилин на дощечке в блинчик раскатать, – проще простого. Туловище без ног слепить – гениальная идея! Минус четыре ноги – неведомо, с пальцами, с копытами, с перепон-

ками. Запросто. Носорогов рог святая в рукавицах стрелка из «мосинки» – в двухпалках – оно потрудней станется.

Размятый брусок скатал в цилиндр, скульптурным стеклом срезал кусок и размазал по дощечке – вода есть. Голова у бегемота... крупная. Прикинул, эдак одна четверть туловища. Не помнил, какая шея – заметная, нет. Решил, если не помню, – маловыраженная, практически без шеи. Отрезал от цилиндра было пятую часть, но, поприкинув, отрезал шестую часть: голова даже в пятую показалась всё же крупноватой. Шею не лепил: ну, не помню у бегемота шею – за ушами сразу загривок, под пастью грудь. Хвост и уши никак не получались, пришлось-таки снять рукавицы – эх, не ленись-заводись бородавки.

Составить всё в единое целое, и есть – любимое млекопитающее: бегемот.

Туловище положил посреди воды, с одной стороны приладил голову, с другой хвост. Оценил творение и остался недовольным: на ёлочку пресловутую чем-то похоже, только срубленную, на боку лежащую в снегу. Хвост – обрубком ствола. Обмял, тоньше сделал, укоротил и свернул колечком – подсмотрел, как у свиньи на соседнем станке. Воодушевлённый, пошёл дальше: наметил стеклом пасть – закрытую: пьёт сквозь зубы. Клыки не лепил: помнил, что они необычные, тупые, будто спиленные. Но сколько их там в пасти? Да и вылепить их, потруднее будет рога носорога, даже без «армеек», всеми пальцами. Морда в целом смутила: казалось

бегемот мой – с плотно закрытой, очерченной стеклом пастью – улыбался до ушей. Но не исправляя, вокруг только нижней челюсти наделал концентрических выборков: круги по воде расходятся.

Осталось только уши приделать, как прозвенел звонок с урока.

– Продолжай, продолжай, Франц, – включила мегафон Маргарита Астафьевна.

Я поспешил спрятать рукавицы под столешницу станка, но зоологичка из кафедры не показалась. То, что я один остался в мастерской, видела в мониторе, да и дежурная по классу от девчонок Марго, покидая мастерскую последней, доложила: «Маргарита Астафьевна! Закончили лепить. Франц Курт один остаётся. Он, похоже, никак не вспомнит своё любимое млекопитающее. Свою поделку поставлю на стеллаж, а остальные пусть мальчишки соберут – китов-слонов таскать мне, женщине, не под силу».

Марго у нас в классе за юродивую, но назвать её так никто не решался. Была замкнутой, дружбы ни с кем не водила, девчонки, даже мальчишки, её сторонились и побаивались. Круглая отличница, списывать ни кому не давала. В мастерской сидела за последним станком сзади меня, я не оборачивался посмотреть кого лепила, а проходила мимо по проходу неслышно – я не успел спрятать бегемота. Свою поделку, укрытую на дощечке тряпицей, она поставила на верхнюю полку стеллажа и ушла, по пути располосовав ногтем одного

из скунсов.

Приладил уши. Поправил, чуть приплюснув, два шарика перед ушами – глаза. Вот теперь бегемот, заключил я, дивясь тому, что вроде как получилось. Во всяком случае, ничего общего с ёлкой. На медведя в речке – это да – смахивает. Эх, надо было носорога лепить: у него рог.

Встал и направился к выходу, но меня остановили.

– Кончил, Франц? – высунулась из кафедры учительница. – Позови, пожалуйста, дежурных. Передай им мою просьбу собрать поделки с мест и составить на полках стеллажа.

– Хорошо, Маргарита Астафьевна, – пообещал я кафедре.

И тут меня осенило накрыть, по примеру Марго, своё творение тряпицей и самому отнести к стеллажу, где оставить на верхней полке. Займу место повыше, глядишь, и пронесёт – очередь рассказать про любимое млекопитающее к звонку с урока до меня не дойдёт.

Неплох был расчёт, но не удался: зоологичка, в кафедре по лесенке взбежавшая и выглянувшая из-за графина, остановила меня у стеллажа вопросом:

– Что за животное у тебя, Франц?

Учительница спрашивала, мельком бросив на меня взгляд поверх очков. Тут же опустила голову и сникла в утробе кафедры – видимо, что-то интересное показывали в телепрограмме. Снова высунулась, подняла вязание ближе к глазам и колдовала крючком с мохеровой ниткой, в уголке губ в усердии кончик языка высунув. Ждала мой ответ.

Челюсть вислая, нос с горбинкой, глаза слишком широко посажены – чуть ли не на висках. Фигура – да, но лицом не Мэрилин. И ноги, наверное, «без коленок», ляжки грузноватые – поэтому-то юбки короткие не носит. Вообще полноватая. Нет, не Монро, заключил я, и ответил:

– Бегемот.

– Бегемот? – оторвалась от вязания, очки подняла на лоб Маргарита Астафьевна, – Сними тряпочку... А, в воде по брюхо.

– Пьёт... В пруду, – подтвердил я догадку зоологички.

– В пруду?... А, в Московском зоопарке видел.

– Да, – соврал я. В Московском зоопарке я, четырёхлетний карапуз проездом на Сталинградщину к бабушкам, видел только обезьян, а на жирафа внимание обратил потому только, что у того шея была длинной, и он норовил через отгородку забрать у меня банан. Обезьяны меня тогда увлекли, но Стас Запрудный вылепил орангутанга, а слепи я, например, шимпанзе, староста убедил бы всех, что и у меня орангутанг. Запросто подставил бы, свалив из мастерской по каким-нибудь им придуманным неотложным общественным делам.

Чтобы ни у кого не возникло сомнения в том, что моя поделка действительно бегемот – ни медведь, ни обезьяна, ни поросёнок, – заколкой значка в углу пруда начертал по пластилиновой воде:

БЕГЕМОТ

Чуток поразмыслив, дополнил:

В ПРУДУ

И на конце, предвидя ёрничание Глашки-головастой, поставил:

И положил творение рук моих на верхнюю полку стеллажа – рядом с поделкой Марго. Хотел было посмотреть, кто там укрыт, но передумал. И тут... ещё одна гениальная мысль! Взял и подсунул дощечку под тряпицу... к любимому животному Марго. Укрыл, спрятал бегемота. Юродивая, дура, выделилась, первой и вызовет. Мою поделку обнаружат, но не подумают на меня, ни кто в мастерской не видел, кого я лепил. Прежде чем я «армейки» достал, в буфет умотались. А и видели бы, потребовали бы Марго у доски выступить – кулаки бы показал, и делов всех. Зоологичка видела, но мельком – кончиком языка в углу рта и спицами крутить не бросив. Понадеялся, забыла. Повезёт, не вызовет после рассказа Марго, а та о том, что касалось «живности», уже в младших классах на природоведении, могла протараторить всё время урока. Наверняка, корову слепила, о «бурёнке» насочиняет. Вряд ли, после доклада Марго Маргарита Астафьевна рискнёт предложить и мне, тому, кто у неё одни «тройки» получал, рассказать о любимце.

Свою тряпицу, чуть влажную, сложил и сунул в нагрудный карман жилетки – в туалете пальцы от пластилина отмыть и

вытереть насухо.

* * *

Дежурных я нашёл в туалете, одни там ошивались.

Вырывая друг у друга какой-то – со спин мне от умывальников не было видно – предмет, ёрзая коленями по кафелю пола и локтями по граниту подоконника, они что-то высматривали в окне. Развлекались, как оказалось: окно выходило на школьный огород, где на грядках, присев на корточки, копались девчонки. Те, что в буфет не пошли фигуру блюда.

Я передал просьбу учительницы, и дежурные нехотя встали. Со словами «Батый жертвует» Стас Запрудный совал мне бинокль, но взять я отказался. Предложение исходило от классного авторитета Салавата Хизатуллина по прозвищу Батый, а с ним у меня после уроков предстояла разборка в «Полярнике». Поединок на кулаках.

Инцидент случился утром. На уроке я переправил Запрудному записку с просьбой зарезервировать на школьной вертолётной площадке место для «Ми-Жи48». В переменку староста объявил о событии, и меня окружили с поздравлениями. Подошла и Ленка Жёлудь. Первая красавица класса уселась на край моей парты с заявлением во всеуслышание:

– Я не прочь свою «стрекозку» поставить на прикол, а в школу летать с тобой в парубке.

А это, если соглашусь, от дома крюк проделывать – керосин жечь. По мне эта кукла – тьфу, и растереть. В шестом классе, девчонка старшеклассница с соседнего хутора уез-

жала жить на материк, я, затаившись на пирсе за ящиками, провожал её на посадке в атомоход и клялся: «Ты у меня первая и последняя любовь». После ни одна сердца моего не встревожила. Но сейчас, чёрт меня дёрнул. От радости выше крыши: в классе все мальчишки уже имели парубков, кроме меня, друга Доцента, да близнецов Карамазовых. С «сожалением» сославшись на то, что возить в школу придётся сестру, отказал. Не столько опасаясь возмущения Ленки, сколько подколок Батя со Стасом, тут же предложил с ней первой на стену полететь. Удовлетворённая красавица слезла с парты и ушла в коридоры школы «крутить головы» старшеклассникам, а я выслушал упрёк Доцента: ему пообещал взять в первый полёт – как отцепное за его замученного Гошей бойцового ворона. Чтобы как-то загладить неловкость, ляпнул:

– Э-э, дружок, да ты летать боишься. Только со мной и осмелишься?

Меня ещё окружали с поздравлениями, слышали – друг и обиделся. А на уроке перед зоологией Запрудный переслал мне записку с вызовом на дуэль. Я подумал Доцент жаждет разборки, оказалось – Батый.

Хизатуллин явно был сильнее меня. Ниже ростом, зато значительно шире в кости, потому и весом намного больше моего. Квадратные плечи, голова молотом, бычья шея, грудь и живот не обхватишь, ноги мастодонтовые, а руки непропорционально длинные, почти до колен, с кулаками огро-

менными. С него – с натуры – приди мне в мастерской и такая гениальная мысль, бегемота можно было лепить. Батый сидел за крайним в последнем ряду станком, где и полагалось дежурному по классу, пыхтел, там разминая в своих «булках» пластилин. Стас время от времени к нему оборачивался, советовал что-то. На пальцах левой руки Батья – четыре золотых кольца, на пальцах правой – четыре перстня-печатки. В ухе – серьга, какие встарь носили то ли цыгане, то ли татары. Второго уха нет, место изуродованное шрамами за виском скрывал старинным массивным наушником, в бакелитовый корпус которого вмонтирован сотовфон. Хизатуллин второгодник, в восьмом классе оставили на второй год. В моём девятом был избран «классным авторитетом», тогда как на эту роль прочили меня. Поединок с ним предстоял непростой, но все же в победе я не сомневался: приехавший погостить в отпуск дядя – офицер-вэдэвэшник – обучил, и не просто «приёмчиками» владеть. В активе у меня уже был одиннадцатиклассник по комплекции и силе Батью не уступавший.

Я дал согласие сразиться, начертав в записке под текстом:

Покрьшкин, Батый вызывает тебя на разборку

и подписью:

Плохиш

Лаконичное:

Устраивает

И подписался:

Покрышкин

Покрышкин – я, а Плохиш – Стас Запрудный. Он подписал вызов, как секундант Салавата Хизатуллина, Батыя.

На перемене я подошёл к Плохишу уточнить время и место дуэли (как думал я), тот в удивлении округлил глаза:

– Я не съехал с горки? На вот, прочти внимательно. – Стас сказал, достал из кармана и развернул у моего лица записку с вызовом.

Я прочёл:

Покрышкин, Батый вызывает тебя на разборку у Полярника.

Плохиш

Прочёл и мою приписку:

Устраивает

Покрышкин

Сразу понял, в чём дело. Опростоволосился! Будь я щепетильно грамотным, как Глашка-головастая, заметил бы, что в переданной мне записке на конце слова «разборку» точка не стояла. Прежде чем написать своё «Устраивает», потребовал бы её проставить, – не остался бы облапошенным. Ведь сначала в записке под «разборкой» имелась в виду дуэль в виртуале, то есть – поединок смоделированный противниками на компьютере. Разборка же у «Полярника» – драка в реале, вживую. Прознает про то отец, парубка мне в очередной раз не видать. А откажешься, зачислят в трусы. Что оставалось делать? С показной самоуверенностью разрезал ногтем

листок записки надвое и заявил:

– Батый и ты знаете, мне все одно, где и как побеждать.

Ни дуэли в виртуале, ни разборки у «Полярника» меж мной и Батыем не было, но столкновение давно назревало. Началось с того, что в подтягивании на перекладине я оказался впереди. Не на уроке физкультуры – здесь Батый легко, с ухмылочкой выполнял норму и не более – а как-то на самопальном школьном соревновании после уроков. Участвовали и ученики старших классов. Я уступил только двум двенадцатиклассникам, Батый же, как ни старался, как ни пыжился – без ухмылочки – остался в хвосте. Это ему, классному авторитету, не понравилось. Сегодня Ленка Жёлудь номер отколола, а Батый за ней, все знали, приударял, с ней первой полетел в парубке на стену. После возил в школу осень и зиму. С весны прекратил, но не приревновать ни в его правилах. Да и не хотел упустить возможности лишний раз показать, что не Покрышкин, а он Батый достоин признания лидерства в классе.

Славился Батый своими победами как раз в разборках у «Полярника» – на его счёту их было за три десятка. На моём – восемь только поединков, три последних стали причиной переноса отцом покупки вертолётa. Сегодня мне оставалось уповать на то, что Батый не успеет – я уложу его сразу – оставить на мне синяков от перстней-печаток. Но верняком всё же было лечь на первой минуте самому, пропустив удар под дых, и пролежать в нокауте, чтобы не возобновлять дра-

ку. Проиграть классному авторитету, такому «бегемоту» – оно не зазорно. Но уж когда заполучу вертушку, найду повод затребовать реванша. Я даже на хитрость, чтобы не заподозрили меня в уловке, пошёл: подобрал с пола записку, две её половинки склеил с обратной стороны скотчем, под своим «Согласен» вписал «Дерусь без секунданта», и вручил Запрудному. Теперь по правилам в случае моей победы Стас, как секундант поверженного противника, мог схлопотать моим джебом в челюсть. Но желал я другого: во-первых, этим продемонстрировал свою уверенность в успехе; во-вторых, уменьшалась опасность придания драке огласки, потому как по правилам только секундант в случае тяжёлого исхода мог остановить поединок и вызвать неотложку. Медсестрой в одной из «карет» работала моя мама.

Отказавшись от бинокля, я попросил Стаса задержаться на секунду.

– Плохиш! Ты знаешь, из-за разборок вживую у меня уже не раз срывалась покупка парубка, поэтому, чтобы синяков на морде не осталось, я предлагаю драться без рук – одними ногами со связанными за спиной руками. И бить только ниже шеи.

Предложение такое явно мне обеспечивало преимущества. Все знали, насколько силен я как раз в приёмах ногами, тогда как у Батыя коронкой были мощные хуки в ближнем бою с последующим захватом руками головы противника и ударом лбом тому по уху.

Изумлённый, Стас попросил уточнить:

– Я не съехал с горки? Правильно тебя понял, Покрышкин? Драться со связанными руками, одними ногами, и по лицу не бить?

Я утвердительно кивнул.

Стас выплюнул в писсуар ириску и бросился догонять Салавата. Был он, сколько помнил этого толстяка, по натуре добродушным малым. Наши родители хутора свои построили по соседству, но не знавались особо, мы же дружили, пока в классе не появился второгодник Батый. Среди сверстников слыл Запрудный пацаном смекалистым, но был неповоротлив, толст, постоянно что-то ел (если не жевал ириску), в драке – неспособным одолеть противника слабее себя. За все эти качества вкупе его и прозвали Плохишом.

* * *

Я вернулся к окну. Две неразлучные подружки Изабелла и Дама пололи в стороне от одноклассниц, на другом конце грядок. Изабелла за что-то отчитывала Даму, утирая той платком слёзы. Если бы не так близко под окнами школы присели, видел бы их трусики. Изабелла, почувствовав, что подсматривают, подняла взгляд. Не знаю, успел ли я отскочить, спрятаться за стену. В замешательстве по новой помочился в писсуар, ещё раз промыл от пластилина пальцы и вытер тряпичкой насухо.

Направился было на выход из туалета, но навстречу из коридора объявились Батый с Плохишом.

– Батый принимает твой ультиматум. Но с поправочкой, – остановил меня староста.

– Это не ультиматум, а предложение, – уточнил я. – И какая же поправочка?

– Благородная дуэль.

Неужели Батый струсил драться вживую, поразился я. «Благородная дуэль» – виртуальный поединок на шпагах; дуэлянты по классике сходились облачёнными в «имитативный костюм» – мушкетёрский, – сидя у себя по домам за компьютером.

– Дуэль не на шпагах, – выдержав паузу, продолжил Плохиш, – а на условиях твоего ультиматума. Ногами будете фехтовать. Руки связаны за спиной. В лицо, шею и грудь не колоть. Последнее условие, Покрышкин, справедливое: будь у Батыя ноги сложенными пропорционально рукам, были бы одной длины с твоими костылями. Так что, колоть только в живот и ниже.

Говорил Плохиш, взор сосредоточив на чём-то поверх меня. Со сцепленными на заду руками он раз за разом поднимал своё грузное тело на носки и опускал на пятки, отчего живот его сотрясало, а сам он рисковал завалиться спиной в писсуар. По случаю неординарности события и значимости своего в нём участия ириску не жевал, хотя, как позже выяснилось, во рту держал.

Обрадованный такому повороту дела, я тут же согласился, на что Батый не преминул позлорадствовать: вытащил из

пачки сигарету, прилепил её к губе и процедил сквозь зубы:

– Сдрейфил драться у «Полярника». Я бы мог от тебя потребовать такого расклада: ноги связаны, дерёмся на одних кулаках, пусть даже в лицо не метя. А руки мои, как подметил Стас, одной длины с твоими костылями. Но не предлагаю. И знаешь, почему? У тебя, с твоими приёмчиками при любом раскладе больше шансов меня сделать. Признаю. А связанным по рукам проиграть тебе мне будет не зазорно. Колоть, извини, буду в пах – выше не дотянусь.

Батый говорил и похлопывал Плохиша по плечу. Тот, все ещё вставившийся глазами в потолок, продолжавший вставать на носки и бить пятками по полу, предусмотрительно прекратил это дело. Обернувшись сплюнул ириску в писсуар, включил сотофон и назвал номер. Ответили ему не сразу, только дожевав, проглотив и отрыгнув:

– Ы-эй! Что надо? Пожрать не дашь спокойно?

Я узнал голос Истребителя – двенадцатиклассника и командера моделаторов, организовывавших виртуальные разборки, поединки мушкетёров. Жил он раньше в Быково, но с лета родители отстроили хутор ближе к моему Отрадному. Прозвище Истребитель он получил за победы в частых, поговаривали, разборках у «Полярника». Надо отметить, «Полярник» – название бывших клубов отдыха молодёжи в трёх посёлках Отрадное, Мирный и Быково. В былые времена на их задворках проводились драки после танцев, позже строения были отданы под склады поселковым сель-

по. Прослышав о том, что в его новой школе – Отрадновской – учится ещё один Истребитель, вызвался разрешить ситуацию по-пацански. Я в запале предложил разборку у «Поляряника» – думал вживую проучить нахала. Тогда-то и испытал горечь первого поражения, которого никак не ожидал: был соперник намного ниже ростом, с виду хлипковат телом, но, как оказалось на поверку, жилист и невероятно юрок – скрутил болевым приёмом самбиста, я стойку каратиста не успел принять. И мне дали другое прозвище – «Покрышкин». Полагал, по аналогии Истребитель – Покрышкин (герой-лётчик ВОВ), но, оказалось, придумали прозвище одноклассницы, и совсем из других соображений. Я не уточнял из каких – сам догадался. Как и уроки изобразительного искусства с четвёртого класса, физкультуру в бассейне я после пары уроков в восьмом сачковал. Выходил из воды, мальчишки, подсучиваемые Батыем и Плохишом, кричали: «Девчонки, смотрите, какие у истребка нашего плавки клёвые! Эй, не жмут?!»

– Извини за назойливость, уважаемый командер. Приятного тебе аппетита. Плохиш на связи.

– Ультиматум Покрышкина, – Истребитель от чего-то откусил и говорил зычно хрумкая, – принят решением десяти голосов против одного... Моего. Включили в репертуар этой ночи. Посмеёмся. – С полминуты хрумкал и закончил: – Всё.

Стас выключил сотовый телефон с облегчением: Истребитель имел обыкновение абонента вызывать на «благородную дуэль», в которых неизменно побеждал, причём, выставляя

противника в смешном свете: например, шпагой, прежде чем заколоть, обрезал перевязь под плащом, срезал перья на шляпе, кружева на отворотах голенищ мушкетёрских сапог или пряжки с бантами на носках.

Бросил в рот ириску и заспешил:

– Пошли, Батый. До конца перерыва осталось двадцать минут, а нам пообедать успеть надо. Зверюшек соберём после. Тигра твоего подправлю. Извини, скульптор из тебя никакой: твоими «булками» не животину лепить, червяков только катать.

Хизатуллин отлепил от губы сигарету, заложил её за наушник и двинулся вразвалку на выход. А мне ничего не оставалось, как время до урока провести в туалете. Хотелось есть, но в буфет не пошёл. Избегал встречи с Истребителем: моя идея драться только на ногах и не бить в лицо, так ловко выданная Запрудным за мой ультиматум, теперь мне казалась если не смешной, то дурно пахнущей. Батыю свою короткую ногу под большим животом не поднять – так, чтобы скрестилась с моим «костылём», длинным. Метить будет в пах, а это самое слабое у меня место.

В карманах джинсов нашёл жвачку, обёртку с пластинки снял да и выбросил всё в унитаз – нефиг аппетит разжигать.

Отёр со штанин грязь, набрызганную Каткой, когда утром в школьный автобус садились. Тряпицу промыл под краном и, выкрутив, сложив конвертиком, сунул в карман жилетки. Подошёл к окну. Грядки пустовали.

Что, думал, расскажу о бегемоте. Где водится? В Африке. Чем питается? Водорослями, должно быть. Есть клыки, но не хищник, клыки – тупые. Такими, возможно, рыбёшку какую с водорослями перемальвует. Не охотник, точно. Ну, размножается, ясно чем – не икрой. В пруд загнал... бегемот в морской или пресной воде водится? «Морская корова»... так ещё называют бегемота, значит, водится в море... в устье рек впадающих в море, вот. А хитро я с прудом придумал: под водой у моего «любимца» не только ног, гениталий не будет видно. О! Вспомнил, ступни у бегемота слоновьи – с ногтями толстенными. Что ещё рассказать? Вот медведь – он лапу сосёт, а бегемот... ногти грызёт. Негусто, но по ходу ещё что вспомню... или придумаю. Или вот, Батья спрошу, кто у него тигр – самец или самка, он, конечно, ответит, что мужского полу, тут я и отхохмарю. Письку своему «любимцу» он, наверняка, не приделал, вот я и уточню. Не окажется на месте письки, обзову тигра донжуаном в прошлом, потерявшим в брачных играх своё достоинство. А то – «Где водятся, чем питаются, как размножаются». Зоологичка улыбнётся. Я у неё зубы ещё не видел – такие же, наверное, лошадиные, как и лицо.

Далась мне эта Мэрилин недоделанная, возмутился я на себя, но, рисуя пальцем на стекле рожицы, до звонка думал об этой, – чего уж там, и на лицо, – красивой женщине. В школе, где учителя одни мужчины кроме неё и завуча, даже малышня «теряла голову»: на переменках, неуклюже пока-

зывая, что и им туда же надо, гурьбой провожала по коридору до двери учительской.

Ей неполных двадцать один год, общеобразовательную школу закончила за семь лет, пединститут за три года, но не это в ней восхитило, когда завуч представляла классу. Девчонок – великолепная юбка из красного мохера, в тяжёлую складку, длиной по щиколотки. И сегодня на ней эта юбка. Мальчишек – фигура. Прозвали Мэрилин Монро. Дали ей это прозвище знаменитой киноактрисы и все влюбились. Я в зооклассе сидел в середине среднего ряда, она на «камчатку» от кафедры по ступенькам подымалась, не пялился на её ноги. Боялся, вызовет к доске, а тогда ведь вставать из-за парты надо, и идти к той доске – по проходу между рядами, навстречу взорам, отнюдь не в твои глаза уставленным. На каждом уроке возбуждался. Пацаны, курили на перемене, этим бахвалились, я же помалкивал, пока не заполучил Батыеву подколку:

– Часом не болен, Покрышкин? На зоологии у всех полная активация. Встают, как штыки. А что ж у тебя?

Плохиш смеялся:

– Да нормально у него всё. Брюки широкие и френч в день зоологии, почему, думаете, надевает? Может быть, у него болезнь Пейрони, потому стесняется.

Я бы потребовал сатисфакции, но не сделал этого. Вызов на разборку у «Полярника» отпадал по известной причине, а вызов на «благородную дуэль» по правилам требовалось

обосновать, предъявить аргументы в пользу своей правоты. Я рассудительно предугадал действия по этому поводу Хизатуллина и Запрудного: потребовали бы на зоологии продемонстрировать открыто насколько я прав. К тому же я не знал что за недуг такой – болезнь Пейрони.

Каждый раз урок зоологии ожидал с предчувствием, если не беды, то позора на мою голову. Я паниковал, когда Мэрилин Монро с «камчатки» возвращалась к кафедре и, случилось, присаживалась на пустующее место моей парты. Ох, тогда... Под боком облако тёплого мохера – от чего всего жгло и в холод бросало. Если бы в эту минуту вызвала к доске, не пошёл бы, даже не встал бы с места ответить. Парубком не подняли бы. В этот урок, вошла в мастерскую, я от станка только привстал, бросив взгляды по сторонам. Ругал себя: на радостях дома за завтраком забыл, что сегодня зоология, собираясь в школу, надел не брюки с френчем, а джинсы с жилеткой.

Со звонком на урок я подивился тому, что из пацанов никто не прибежал в туалет покурить.

* * *

В мастерскую я пришёл первым. В дверях налетел на Батю, обращавшегося к кафедре:

– Маргарита Астафьевна, схожу, приведу. Запоздают, составляй потом протоколы на всех.

Уставился в меня и ждал, когда я ему проход уступлю.

Такая инициатива, исходившая от классного авторитета,

была невиданной: опуститься до того, чтобы выполнять прямые обязанности дежурного – пойти собирать учеников на урок! Я рот от удивления открыл, и проход уступил попятясь назад. Мэрилин Монро из кафедры выглянула, тоже изумилась.

Смущённый, через мастерскую к своему станку я пошёл напрямик, ногами на пути сдвигая табуреты. Инцидент в дверях – ладно, свидетелем был бы один Плохиш, но виде-ла и зоологичка. Она, оторопев, взгляд перевела в сторону Запрудного у стеллажа. Плохиш, склонившись над нижней полкой, что-то там, сопя и чавкая ириской, поправлял. У меня идея возникла: пока не пришли в мастерскую ученики, повернуть к стеллажу и дать пендаля по толстому заду. Но ведь заверещит, как баба, учительницу из кафедры подымит, и та возьмёт и вызовет к доске рассказать о бегемоте. Обломился.

Плохиш зашёл за стеллаж и там с чем-то возился, на меня внимания не обратил.

Я не садился, стоял у станка и старался разглядеть всё, что расставлено на полках. На средней – кит, кашалот, баран, оба скунса, лев, хомячок одного размера с кашалотом. На нижней – олень, корова, черепаха, орангутанг, ёжик и всё какая-то мелочь – белки-черепашки. Животных на верхней полке мне не было видно. Моё предположение, что поместят медведей на нижней полке, не оправдалось. Но, подумал, так даже и лучше: на верхней полке топтыжек целых три – от-

влекут внимание от поделки под тряпицей... с вороной Марго и моим бегемотом.

Прошло несколько минут, ни ученики, ни Батый не появлялись.

Я следил за сменой цифр электронных часов на доскплее. Эту плазовую доску – с экраном во всю стену позади станков – в скульптурной мастерской установили в рождественские каникулы. Подарили её ученикам острова Новая Земля ученики Курильских островов. Теперь, сидя за станками, оборудованными графическими станциями, новоземельцы чиркали по планшету электронным карандашом, и всё, ими нарисованное, интерактивно отображалось в «окнах» на экране. В последней четверти уроков скульптуры в девятом классе не было, но проводились в мастерской уроки пения, потому как в музыкальном классе орган ремонтировали. В первый же урок учитель музыки, понятное дело, спрятался со своим баяном в кафедре, и мы дружно опробовали новшество. Как зафиксировал архив-менеджер доскплея (о нём тогда ничего не знали), по показаниям которого нас наказали нехилыми штрафами, слово из трёх букв было написано одиннадцатью учениками, а это число большее, чем мальчишек в классе.

Плохиш оставался у стеллажа, стоял, загораживая собой среднюю и нижнюю полки, сосал ириску, смотрел на меня и ухмылялся.

Гад! Что как, зародилось у меня подозрение, бегемота моего обнаружил, ведь, наверняка, поинтересовался, что там

тряпицей укрыто? Взял да и переложил на полку ниже. Бегемота, конечно, не тронул – поостерегся, потому, как не знает чей, кто вылепил: из мастерской, слепив на скорую руку своего орангутанга, ушёл первым. Хорошо, если спрятал поделку юродивой за хомячком, размером ничуть не меньше вороны с бегемотом. Видел, грызуна Доцент сваял, у Глашки-головастой за коробку с булавками выменял её брикет пластилина. Решил подойти к стеллажу удостовериться, но тут отворилась входная дверь и в мастерскую заглянули Ленка Жёлудь и кто-то из пацанов – не узнал кто, снизу под её коленями выглядывал, с патлами на лице. Разом приложили пальцы к губам, – показывали Плохишу, молчи мол. Пришлось сесть за станок. Стасу показал кулак.

Первыми в мастерскую вошли Ленка и Глашка-головастая, за ними Изабелла. За руку она втащила за собой Даму. Шли к стеллажу все тихо, на цыпочках. Учительница в кафедре не слышала, наверное, в телевизоре ведущая программы рассказывала под джазовые опусы, и вообще внутри огромной «дубовой тумбы» – как в танке. А не видела потому, наверное, что сразу отключила в мониторе «окно» с видом на помещение мастерской, иначе не выглядывала бы раз от разу. Кстати, отец рассказывал, кафедра та не обычная «профессорская» что в аудиториях вузов, а настоящая трибуна для докладчиков на собраниях, ораторов по случаю торжеств. Завезли те трибуны на остров когда-то впрок – для новоземельных клубов. Хранили в спортзале отрадновского

«Полярника», а когда клубы позакрывали, трибуны отдали, как и клубы, на баланс поселковым сельпо. Мэр Отрадного господин Вандевельде нашёл тем трибунам применение: роздал по школам на замену столам учительским. Учителя, те, по давнему уже обычаю – для них табу – за свои столы в классах не садились. Не рисковали, кнопок-невидимок в седушке стула опасаясь. «Танками» же просто осчастливлены были. Прятались. Примечательны трибуны ещё и тем, что имели входную дверцу с системой идентификации личности: отпереть и войти мог не всякий; забраться верхом – тоже, препятствовало силовое поле. Спросил отца, к чему такая защита. Объяснил: желающих выступить с трибуны было столько, что перед каждым собранием – в клубах – проводилась кампания по избранию оратора, на личность которого и оформлялся допуск. Сейчас учителя в трибуне – в «танке» – хранили классные журналы, методички, оставляли на проверку компьютеру контрольные, в персональных отсеках под кафедральной полкой с графином воды и стаканом держали личные вещи. Маргарита Астафьевна, например, оставляла вязание, в «танке» другого класса её ожидало другое. Ну и, разумеется, смотрели, как и она, телепередачи. Футбол в обязательном порядке, потому как учителя в поселковых школах в основном мужчины – бывшие строители, потерявшие работу в кризис. Тумба высокая, если не сказать высокая, войти в неё – подняться по приступкам метрового подиума прежде надо. И внутри имеются приступки лесен-

кой, по которым, чтобы изложить тему урока – стоя за полкой с графином и стаканом перед балюстрадой точёных из морёного дуба колонок – учителю взойти требовалось, ещё на метра полтора. Ну, а не слушали ученики урок, а то и обстрелять «жмутками» из трубочек норовили, забирал с полки графин со стаканом, сбегал вниз по лесенке, садился в кресло, включал силовое поле, врубал мегафон и продолжал излагать урок. Вот такие у нас в школах Отрадного, Мирного и Быково были учительские кафедры.

Конезубая, подслеповатая, ещё и глуховатая, злорадно подумал я о зоологичке выглянувшей из «танка», и принялся вяло хлопать входившим в мастерскую. И прекратил «оvacию» с предчувствием неладного: девчонки не повернули по своим рядам на места за станками, а миновав стороной кафедру подошли к стеллажу. Плохиш их встретил, присев в глубоком реверансе, с руками указующими на полки и подобострастной миной на лице. Ириску не жевал.

Ленка и Глашка прыснули со смеху. Направляясь по местам «постреливали» глазами на меня, шептались. Дама у стеллажа покраснела, и пока Изабелла тащила её к станку, руки держала у пылающего лица, подхватив с плеча ко рту косу. Морковка варёная, позлорадствовал я и ещё больше забеспокоился, да что там такова, в чём сыр бор. На меня взгляда не подняла. Она – голландка с синими глазами и необыкновенно рыжими волосами, заплетёнными в косу толстую и пушистую. Маме моей очень нравилась. Высокая,

тонкокостная, но с виду не хрупкая, наоборот, как говорят, «всё на месте» – уже сложившаяся девушка. Вот только брови и ресницы были белёсыми, даже не рыжими, чего стеснялась, а с недавних пор применяла косметику: брови и ресницы подводила тушью, «рыжинки» на щёках сводила тоновым кремом. А сегодня, я заметил, и губы помадой подвела. Умело, но излишне броско: ярко-красной – к рыжим волосам не шла. Её отец господин Вандевельде – мэр Отрадного и директор школы по совместительству. С моим отцом крепко дружили, меня и Даму с младенчества прочили в жениха и невесту. Она бегала за мной, тогда как я никаких особенных чувств к ней не питал. Когда пригласил Ленку первой полететь со мной в парубке, вспыхнула лицом и выскочила из класса. За это, видимо, и отчитывала её на грядках Изабелла. В мастерскую заплаканную, без туши на ресницах и без помады на губах привела. Усаживаясь на табурет, Дама достала заткнутый в рукав свитера носовой платок. Юбка у неё ниже колена, кашемировая. Она, Изабелла да Марго одни в классе не связали короткие из мохера, а им, ещё Ленке да Глашке-головастой, только ноги и демонстрировать.

Оставив Даму, Изабелла шла ко мне. Половицы поскрипывали под её немалым весом. Как и Салават Хизатуллин, Изабелла Баба старше всех в классе на два года. Дочь беглых от революции на родине эфиопов, она отличалась рельефными, прямо как у мужчины-атлета, мышцами рук и ног, и была одного роста со мной. Занималась бодибилдингом, причём

в секции с парнями старших классов.

Пнув ногой по невинному предмету оборудования мастерской скульптурному станку, эфиопка проговорила, обдавая горячим с запахом чеснока дыханием:

– Покрышкин, ты негодяй! За Даму, за её слезы, я тебя сделаю! Вживую.

Угрозу эту осуществить с любимым в классе ей – раз плюнуть. Со мной разве что, да с Батыем потягалась бы. На родине занималась боксом, побила на ринге сына диктатора, почему и пришлось родителям бежать из страны. Последние два года была чемпионом Малой Земли и Ненецкого национального округа на материке. Плохиш тёмные очки месяц среди зимы носил. По глазу ему она съездила здесь в скульптурной мастерской. Запрудный ползал по полу в поисках якобы оброненного им электронного карандаша, встал с колен у станка эфиопки с утверждением, обращённым к Батыю: «Я выиграл: цвета кофе – в тон кожи». И получил в глаз.

Ничего себе! Да что же там такое, возмутился я про себя. К стеллажу, узнать, наконец, что за дела. Встал, но Изабелла толкнула меня в грудь, да так, что на табурет плюхнулся, чуть на пол не опрокинулся спиной, станок позади не дал.

– Да какого черта?! – вспылил я, теперь уже в голос.

Встал рывком, но и вторую мою попытку пойти к стеллажу пресекли: Изабелла удержала за грудки. Два, не скажешь что девичьи, кулака с жатыми в них полами моей джинсо-

вой жилетки подпёрли мне подбородок. Белки глаз на тёмном лице в гневе горят, толстые губы раздвинулись, обнажили крупные белые зубы в оскале заключённые в кроваво-красные дёсны. Врежет, ожидал я, и в попытке предупредить удар, схватил эфиопку за запястья.

– Франц, немедленно отпусти Изабеллу! – прокричала Маргарита Астафьевна. Она выглянула из «танка» – заметила учеников, а услышала угрозу эфиопки, поднялась по ступенькам выше. В замешательстве стояла видной по грудь над балюстрадой между графином и стаканом, с вязанием под подбородком.

Тогда я, желая показать, что мои действия были непровольными, и нет у меня намерений сопротивляться девочке, отпустил её запястья и развёл свои руки широко в стороны. Дурачась, помахивал ими как крылышками. Того, что сделает Изабелла, даже вообразить себе не мог. Эфиопка притянула меня к себе и... впилась в мои губы крепким поцелуем.

Растерялся я так, что по-прежнему помахивал руками, а в попытке сесть, повис в мёртвой хватке.

«Уу-уу!» – разнеслось по мастерской.

В стычке с Изабеллой я не заметил, когда вошли и сгрудились у двери остальные одноклассники.

– Раз... два... три... четыре... пять... шесть, – отсчитывали с мест Ленка и Глашка-головастая.

– Изабелла, девочка, да что ж ты делаешь? – негромко,

чуть-ли не шёпотом вопрошала Маргарита Астафьевна.

Прежде чем оторвать свои губы от моих, эта девочка усадила меня на табурет, пнув коленом под живот. От умопомрачительной боли в паху, «порхать» я прекратил, но рук не опустил.

– Чтоб помнил. Я тебя предупредила, – процедила Изабелла сквозь зубы и сделала напоследок зычный выдох мне в нос. Потом, удерживая мою голову за косичку, достала из кармана юбки большой клетчатый носовой платок и размазала им мне по лицу слезы и сопли. Я эту заботу принял покорно, с по-прежнему разведёнными в стороны руками: боялся, что от боли закричу и ухвачу тот член моего тела, что в бассейне с трудом умещался в «клёвых плавках».

Заложив платок мне за ворот косоворотки, Изабелла ушла на место позади станка Дамы. Я, чтобы не лились слезы, крепко зажмурил глаза. Поднялся с табурета, помнится, рук так и не опустив. Только согнул в локтях, и, как птица подраненная, стоял – ни туда, ни сюда. Не знаю, что бы я с этой дылдой сделал – к черту наказание, штраф, фиг с ним с парубком, – если бы платок, эфиопкой носимый сморкаться в частую у неё простуду, оказался нечистым. И не «пожар» в паху. Поцелуй тебе не забуду, пригрозил сквозь зубы, вытащил платок из-за ворота и сунул под столешницу станка к «армейкам». Осторожненько, преодолевая боль, сел.

Сквозь землю хотелось провалиться: так надо мной ещё не потешались. Лицо горело, косичка, чувствовал, вот-вот

расплетётся, а на губах ощутил привкус сладкого и горьковатого. Ещё и солоноватого. Прокусила губу. В дверях – здесь собрался уже весь класс – смеялись и шушукались.

– Утри лицо. – Дама протягивала мне платок.

Я не взял, торопливо утёрся рукавом косоворотки. Дама вспыхнула и метнулась на место.

– Сладка... помада? – услышал я Батыя.

На рукаве оставались красные и черные пятна: платок Изабеллы оказался вымазанным в тушь и помаду Дамы.

Я выхватил из жилетки тряпицу и торопливо растёр пятна в одно большое рыжее. Класс заулюлюкал.

– Изабелла! Франц! Дети! – Не могла найтись, что дальше предпринять Маргарита Астафьевна. Опустив от подбородка на грудь вязание, она поднялась выше на последнюю ступеньку. Казалось, готова была ступить на полку перед балюстрадой, стать между графином и стаканом и спрыгнуть на пол – броситься разнимать нас. – Франц, сядь! – потребовала решительно. – Изабелла, я так полагаю, ты Франца не целовала, а укусила... За это тоже штраф.

* * *

Здесь необходимо сделать отступление – разъяснить картину, для чего окунёмся в историю событий восьмилетней давности. Но сначала о местах Новой Земли, где я жил и происходили события моих воспоминаний.

Началось всё с того, что к стене Колизея, неподалёку от Быково, прибился японский транспорт, команда в сильней-

ший шторм перебралась на подводную лодку. Груз судна – «РО ТУ»: компьютерные игровые комплексы «виртуальных снов». Япония, страна богатая, официально подарила транспорт с грузом жителям поселков Быково, Отрадное и Мирный. Атомоход мэры продали, а сбыть и компьютеры посчитали неловким, потому роздали «игрушки» по семьям.

Сны на «РО ТУ» можно было заказывать с каким-либо определённым сценарием, сон в локальной сети смотреть коллективно, целым классом, к примеру. Сценарий писался на конкурсном условии анонимности – потому сюжетная линия всем в «общаке» (обиходное название кооперативного сна) было сюрпризом. Увлеклись очень, во всяком случае, директора и завучи школ жили спокойно, потому, как проказничать ученики на уроках и переменках перестали. По-вально – на уроках и переменках – сценарии строчили.

Все бы хорошо, но в стране разразился экономический кризис, отчего возведение «Ограды» вокруг по берегам Новой земли заморозили. Строители не могли сидеть без дела. Ловом рыбы, охотой, сбором грибов и ягод тогда ещё занимались на досуге – в охотку, а выращивать помидоры и огурцы и не помышляли. Короче, после как учительниц в школах, продавщиц в сельпо, воспитательниц в детских садиках, официанток в ресторанах заменили мужчинами, и всем мест не хватило, «Ограда» мало-помалу начала приобретать схожесть с древним стадионом «Колизей», что в Риме. Хуторяне обзаводились «мискаами». Глядя на них, и мэры при-

нялись накрывать посёлки куполами. «Рулил» и заправлял всем господин Вандевельде.

Вынимать ППТ-генераторы из сот оказалось делом не таким уж и простым, не всякий из бывших монтажников брался. Ночью вдоль стены на вертолёт летать – не то что днём. Да и в копеечку обходилось: керосин заправиться купи, муляжи ППТ-генераторов взамен снятому оборудованию сделай. Словом, мэрам, устроившим негласное соревнование по накрытию своих поселков куполами, деньги требовались. Вырученные за японский атомоход использовать было нельзя, так как лежали средства в банке на целевом вкладе «на пропитание, и только». Идея, как заполучить бабки, пришла мэру господину Вандевельде: он придумал нарушения из «Правил и распорядка школьной жизни» наяву осовременить похождениями «по ту», то бишь – если и нарушать ныне учениками правила и распорядок, то... в виртуальных снах. А за нарушения этих же правил и распорядка вне виртуала, то есть вживую – штраф в казну мэрий. Причём, дело понятное, налом: бывшему монтажнику, ныне расхитителю госсобственности, запустившему винты вертолёта подняться стену покоцать, предписание на уплату штрафа в кабину не сунешь.

Скоро сходкой общественности трёх посёлков драки в реале запретили. Так же были запрещены и наказывались штрафами списывание домашних заданий, опоздание на уроки, непослушание учителям, и т.д. и т.п.

Протокол о нарушении составлялся на месте «классным авторитетом» (в классе) или «комиссаром-наблюдателем» – тем же моделатором (на переменках, в буфете, на дискотеках). Комиссию из одиннадцати комиссаров-наблюдателей, завуча, директора школы возглавлял мэр. Комиссары назначали размер штрафа соответственно таксе, завучем увеличивался вдвое, директором – втрое, мэром – возводился в четвёртую степень с приставочкой на конце цифири нуля.

Также были запрещены вживую неблаговидные проступки взрослых, как-то: сбор недозревших ягод и червивых грибов, отлов рыбы незарегистрированными мэрией неводами, отстрел ласточек (гадивших на зеркала солнечных батарей и кулера ПпТ-генераторов), злоупотребление спиртными напитками, непристойное поведение в семье, физическое наказание детей, мат в общественных местах. Теперь родитель мог только создать виртуальную сцену наказания (заказывал сыну: не всякому родителю «РО ТУ» по зубам), чтобы вечером у телевизора за стаканом хорошего огуречного сока посмотреть, как ходит виртуальный ремешок по виртуальным же мягким местам чада. С тяжким привыканием папашами к новшеству – огуречный сок, как выяснилось, провоцировал рвение к воспитанию отпрыска вживую – денег в казне посёлков прибавлялось и прибавлялось.

А скоро господин Вандевельде организовал чемпионат «боев без правил». Поединки в потутошных имитативных костюмах получили в школьной среде более точное название

– «разборка», потому как дрались с применением летально-го оружия. В моей, например, последней разборке мы с противником мерились удачей в закладке фугасов. Побоища типа братва на братву пресекались, как провоцирующие коллективистскую рознь – тогда, когда в «трудную годину экономического спада и препирательств преемника Президента с Думой требовалось сплочение всего народа».

Пожелавшим участвовать в чемпионате, нужна была сущая малость: купить лицензию и вносить взносы небольшие. Но, в зависимости от местоположения в рейтинге участников и по результатам чемпионата набегали проценты, и немалые – для неудачников. Непосредственно участвовать в разборках могли только те, кто обладал комплексом виртуальных снов «PO TU». Созерцать же поединки в виртуале, быть болельщиком могли все желающие, имевшие персональный «НР» с имитативным костюмом и возможностью подключения к локальной сети «PO TU». Сидели на зрительских трибунах – болели. В реале, как и дуэлянты, – спали. «Входной билет» по цене был равен штрафу по таксе «за списывание вживую домашнего задания». Когда же появился ещё один жанр «по ту» – «групповуха» (технически схожий с жанром «общак»), казна мэрий пополнялась на зависть местному коммерческому банку. «Групповуха» имела свою специфику – непосредственно участвовали в действе только двое спящих. В пресечение участия втроём или несколькими парами моделаторы установили защиту, которую, конечно же,

хакеры взламывали. Но завучам и директорам школ шалости такие – манна небесная: уединения парочек по углам школы прекратились. Ученикам, у кого увлечением оставалась учёба, разрешалось за «входной билет» посещать «групповуху» инкогнито. Поначалу было перевоплощались в образ там какой божьей коровки, жучка, паучка, бабочки, например, и присутствовали – для собственного, так сказать, расширения познаний в том, в чём парочка упражнялась. Случалось, парочка замечала «шпиёна» – прихлопывали. Потому, прикидывались чаще уже неодушевлёнными предметами – бутылкой газировки, наушниками, плеером, веслом, прочим ширпотребом. Уловку раскусили – вёсла, наушники, плеера выкидывали за борт лодки или вертушки. В общем, парочки выкручивались пока дело не дошло до перхоти: попробуй, определи, которая из перхотинок не твоя и не партнёра, а «ботаник» в ней таится, соглядатай.

Групповухи, разборки! Не заснять и не толкнуть такое «кино»! Зачем старшеклассники так жаждали заполучить парубка? Девчонок катать, за стеной Колизея резвиться над океаном? Не только. Чтобы переправлять воздушным путём в курортные города Новой Земли «кино» на дисках ПЗУ-ГГФ. В курортный сезон сыновья и дочери посельчан зарабатывали на этом больше своих родителей. Господин Ван-девельде, мудрый мэр и директор школы, контрабандистов родителям не выдал, вылазки в курортные города привёл к чёткой системе. Каждый коммерческий вылет инструктиро-

вал, самолично проводил техосмотр вертолётов. В дальние районы приходилось лететь через стену – так ближе; потому-то необходим был мощный вертолёт, а не ученическая «стрекозка». Мэр обложил контрабандистов мздой в местный бюджет, и, знай, расширял на пришкольных вертолётных площадках число посадочных мест. Феномен выдачи детьми родителям «заработной платы» объяснял тем, что банк – японский, добросовестный, на вклад «на пропитание, и только» проценты вкладчикам начисляет немалые и справно. И все же основной прирост казне давали налоги... с доходов контрабанды.

А теперь, конкретно, о разборке у «Полярника».

Скоро выяснение отношений виртуально для неудачников стало не таким интересным, как поначалу. Разборки они называли пошлыми, а «благородные дуэли» – для детишек. Неудачников, как водится, большинство. Среди учеников они, как правило, не «перхоть» какая, а мальчишки видные, сильные. В стычках за углом школы после уроков – победители как правило. Как же, футболисты, бейсболисты да регбисты. Таким не пристало соглашаться с поражением во сне. И драки наяву – вживую – возобновились, и случались теперь чаще прежнего. В казну мэрий прибывало с хорошим темпом. Господин Вандевельде постановил следить за тем, чтобы приводы в милицию оформлялись протоколами на штраф по таксе – сорок злотых за факт драки вживую, и по злотому за синяк и ссадину. Но скоро под давлением япон-

ской общественности разборки у «Полярника» милиция вынуждена была пресекать. И дело здесь отнюдь не в альтруизме японцев, просто на их рынки «видео» начало проникать наше «кино». А составило оно конкуренцию даже роликам с участием известных и знаменитых гетер. В нашем «кино» миловались парочки, украшенные юшками под носами: девчонки тоже не редко дрались, тоже вживую, будут они на дискотеке дожидаться ночного сна. Ну, а когда критично для рейтинга снизились просмотры соревнований по борьбе сумо, чуть скандал не возник. Хитрые сумоисты нашлись: на входе в соревновательный зал тебе входной билет обменивают на диск ПЗУ-ГГФ. Одним словом, чтобы не пускаться во все тяжкие от феномена общественно-социальной жизни Отрадного, Мирного и Быково, заострю только внимание на том, что с того времени штрафы за нарушения – и учеников и родителей – мэры увеличивали во сто крат. Разорительные, они били по карману. Особенно весной: когда фермы продукции ещё не дают; рыба – нереститься; охотиться – не хочется (грязь, топко); ягод и грибов – нет. Поэтому-то разборки у «Полярника» стали редкими и проводились тайно.

Вот вкратце об образе жизни моей и моих сверстников на Новой Земле. В нашу взрослую жизнь увлечение виртуальными снами привнесло свои плоды: многие из старших наших братьев и сестёр – они ещё успели до Хрона – стали знаменитыми и видными военными, бизнесменами, спортсменами, деятелями культуры, искусства и литературы. Некото-

рые приобрели зависимость: остались закоренелыми почитателями походов «по ту».

* * *

Теперь вернёмся в скульптурную мастерскую, где я сижу на табурете и морщусь от боли в паху.

Напомнив Изабелле, что не только за поцелуи, но и за покусывания установлен штраф, зоологичка обернулась к классному авторитету. Она ещё не знала, насколько богаты отрядновские эфиопы: им что поцеловала, что укусила – штраф заплатить, хоть какой без разницы. Но Батый, шептавшийся с Плохишом у стеллажа, никак не отреагировал: он к этому времени норму в два протокола уже выполнил, «мараться» третьим не желал. На такую халтуру классных авторитетов мэр и директор школы господин Вандевельде закрывал глаза – чтобы не обдирать до нитки своих избирателей. Потери в злотых компенсировал, создав обширную сеть «науськивателей» из учеников других школ – из числа потенциальных кандидатов в классные авторитеты. Мэры мешками тягали ему наличку.

– Все по местам и начнём урок! – облегчённо сказала Маргарита Астафьевна, несколько спустилась по ступенькам, мне видной осталась по шею.

Выстоять! Выстоять! Не сорваться, заставлял я себя. В первый свой полёт приглашу тебя, Изабелла Баба. Только согласись, и обмочишь свои трусики цвета кофе.

Прежде чем рассестись по местам, девчонки и мальчишки

подходили к стеллажу. Батый и Плохиш, стоя по сторонам в позе приглашающего реверанса, вторили друг дружке:

– Плиз.

– Плиииз.

Девчонки прыскали со смеху, мальчишки шли к своим станкам, косясь на меня. С опаской поглядывали: мне, Покрышкину, не пристало спуска им давать, боялись даже не драки у «Полярника», а виртуальной разборки, той же «благородной дуэли» – ни одному из них со мной не совладать, а значит, рейтинг их падал бы, проценты взносов набегали бы.

С бегемота моего потешаются, терялся тем временем я в догадках. Так он на верхней полке, укрыт тряпицей с поделкой Марго. А что как Запрудный обнаружил, вытащил из-под тряпицы и переставил на среднюю полку, с чего-то на ней смеются? Так, вроде, похож на бегемота. У самих-то как вышло? Ленка черепаху лепила, так это ж умора – лепёшка с шестью хвостиками. А ёжик Глашкин? Рукоять приделать, – расчёска массажная. Или Батыев тигр. Червяк с ногами и наклепанными лентами, изображающими, надо полагать, тигровые полосы на шкуре. Жираф эфиопки, да скунсы Карима и Мазепы – одни только на жирафа и скунсов похожи. Ну, ещё Доктора хомячок реалистичен, хоть и огромен невообразимо.

– Да что ж это такое?! Прямо вертеп какой-то устроили! Быстренько рассаживайтесь! – негодовала Маргарита Астафьевна. Она отложила вязанье и, хлопая в ладоши, призы-

вала учеников к порядку. – Есть не совсем удачные, даже смешные, но не настолько же! И требуется от вас, в конечном счёте, рассказ о любимом млекопитающем, фигурка из пластилина – только иллюстрация к нему. Расскажите что за вид, каков подвид, где водится, чем питается, как размножается.

– Во-во! У Покрышкина иллюстрация самая показательная и выразительная, с него и начнём, – убеждал её Батый.

– Покрышкин? Это кто? – Маргарите Астафьевне не в новинку то, что в школе учеников и учителей называют по прозвищам, но ещё не все их помнила.

– Франц Курт. Уже достоин кунсткамеры Петра Великого. Что за фигня, к чему это он о кунсткамере? Там есть бегемоты заспиртованные? – повернулся я к Салавату.

– Франц?.. Он бегемота вылепил... Очень интересное животное, и рассказ послушать о нём полезно тем более, что тему об этом млекопитающем вы пропустили.

Выбрал! Олух, обругал я себя. Носорога надо было слепить. Или медведя. Рассказал бы про вчерашний случай в Быково или сказку «Три медведя».

– Кстати, получился бегемот очень реалистичным. А в кунсткамере Петра Великого, Хизатуллин, выставлены совсем не поделки простых животных, а...

– Так Батый о том, – перебил учительницу Плохиш, снял обёртку и бросил в рот ириску. – Диковины там выставлены, у Франца имеется такое.

Класс выдал вторую порцию улюлюканья – явно, в мою честь.

– Тише! Тише! – стучала по графину вязальным крючком Маргарита Астафьевна.

Доцент, последним проходивший мимо на «камчатку», проронил на ходу:

– Ты это зря, Франц.

Со смутной догадкой я ринулся к стеллажу, но успел пробежать только четверть расстояния, как вдруг:

– Что за шум, а драки нет?!

Директор! За рост, голос, за то, что до конца уроков в школе прогуливался у склада сельпо, господину ВанDEVельде дали прозвище Квартальный. У меня в семье его запросто звали Ваней и Дядей Ваней. Мэром называла одна Катька, и в случае только, когда за чаепитием, забирая у меня ананас с куском торта, заграбастывала и порцию гостя, обращаясь с елейной констатацией: «Господин мэр, я тут собираю «застольные роскошества» в пользу бедных. Безработным. Вы же им не откажете, они же избиратели, ваш электорат».

Я задом попятился к станку и сел на табурет. Позыркал по сторонам. На меня не смотрели, внимание всех приковывал Квартальный.

Лажанулся ты, Покрышкин, смеялся я над собой. Ретировка задом к табурету разве что уступит крылышкам херувимчика, изображённого тобой, когда эфиопка целовала.

Квартальный стоял в проёме входа, в мастерскую не вхо-

дил – видимо, кого-то поджидал.

Мальчишки притихли. А те немногие из девчонок, кому посчастливилось надеть длинные юбки, на всякий случай натянули их ниже коленок, те же, кто только что светил бёдрами под юбочками, крутанулись на табуретах и спрятали ноги под столешницами станков. Батый с Плохишем отменили свои стойки. Первый поспешно заправил под наушник сигарету, а второй, бросив в рот ириску, начал деловито поправлять на стеллаже пластилиновые фигурки. Маргарита Астафьевна, не отрывая испуганного взгляда от директора, шарилла руками под полкой кафедры – вязание прятала.

– Вера Павловна, отпустите господина Курта... Мы ждём, – обратился Квартальный в коридор к учительнице из соседней химической лаборатории.

Отец. За завтраком после объявления купить мне вертолёт сказал, что сегодня в школу зайдёт, вспомнил я. В химлаборатории идёт урок класса сестры Катьки – «проныры, пройдохи и безобразницы» по словам дяди Франца: за её проделки чаще моего вызывали отца в школу и штрафовали.

Прокушенная губа! Спыхватился я. Опухла как назло. Проял её зубами, но та от этого вздулась ещё больше.

Квартальный, посторонясь, пропустил гостя вперёд. Смущённый таким к нему вниманием отец вошёл, пригнувшись под дверную притолоку, повернулся и пригласил войти директора. Раскланивались, друг дружку приглашая первому пройти к кафедре. Оба – могучие великаны, лицами похожи

очень. Голубые глаза, завитые по моде пшеничные усы под большим прямым носом, рот волевых очертаний, ямочка на подбородке, прямые ниспадающие до плеч соломенные волосы. Люди несведущие считали их братьями-близнецами. В молодости они работали бригадирами монтажников, познакомились, схлестнувшись в соревновании по армреслингу. Длилась тяжба на руках чуть ли не четверть часа – ни голландец, ни российский немец не могли одержать победы. Растаскивали их силами бригад. С тех пор подружились. Да так крепко! Мне с Дамой талдычат, что дети от нас пойдут такие же здоровые и красивые, как дедовья. Ну да, красивые, только пусть попробуют сначала нас поженить, злопыхал на это я. Дама же не противилась, папашам выражала согласие, и, видя моё безразличие к ней, как-то попросила Портоса и та на дискотеке, отбивая со мной стэп, излила мне чаяния подруги.

Дядю Ваню отрядновцы отличали по шляпе – в тридцать лет он начал лысеть. А отца моего по берестяным лаптям, носил на хуторе под «миской», в доме, в парнике и под «миской» посёлка, лето не снимал. Оригиналом в этом не был, Хизатуллин-старший, отец Салавата, владелец ресторана «Эх, тачанка!» первым подал пример. Интерьер ресторана он оформил в этническом стиле, весь персонал кухни и официанты носили лапти, на входе посетителей встречал метрдотель в лаптях же.

Ученики встали из-за станков в почтительном привет-

ствии. Отец и им поклонился. Вспомнив, видимо, что в мастерской должен быть и учитель, поспешил поклониться и ему. Получилось – «танку»: Маргарита Астафьевна за секунду до этого исчезла в нём, вязание подальше прятала.

Я видел, в замешательстве от своей неловкости отец тербил пальцами мочку уха, а это у него – от сильного недовольства или волнения. Без сомнений, что-то Катька нахимичила, и протокол составили на сумму приличную. А у него на ферме дела не ладились: оптовики заключали все меньше и меньше контрактов, оставались неоплаченными банковские кредиты. Моих актёрских «заработных плат» поправить положение не хватало. Вот купит парубка, стану и купцом, впятеро больше начну зарабатывать.

Директор оставил отца и поспешил к кафедре. Встал на приступок у основания трибуны, должно быть, сделанной для удобства техничкам бронзу герба Российской Федерации протирать и полировать. Вытянулся, став на носки, – даже с высоты своего роста он не мог видеть кто внутри. И... лицом зарылся в причёску Маргариты Астафьевны, взбежавшей по ступенькам. Зоологичка от неожиданности присела, пропала в «танке» и снова объявилась, отстраняясь назад от застывшего в испуге директора.

– З-здравствуйте.

– З-здрасте, – смутился Дядя Ваня, и всё же, подпрыгнув, заглянул внутрь кафедры. – Смотрите футбол?

– Я... в-выключила телевизор.

– Вы подменяете учителя изобразительных искусств? Он же здоров, – опустил директор с носков.

– Н-нет... учителя пения. Вы меня растрепали, – поправляла зоологичка причёску.

– Извиняюсь. Вадим Аграфенович репетирует с хором ветеранов стройки. Неделю не будет. А ключей от класса пения, как водится, не оставил. За орган боится.

Директор вернулся к отцу, и сзади за плечи выдвинул его вперёд.

– Дети, мы с господином Куртом пришли спросить, понравились ли вам помидоры и огурцы? Папа Франца выращивает и поставляет эти овощи к школьному столу.

Тут же не замедлило: «Вкусные», «Побольше бы», «Ещё хотим».

– Поблагодарите господина Курта, – призвал директор учеников, приглашая отца на выход.

Ещё громче и с большим энтузиазмом, от класса зазвучало: «Побольше бы бОльших», «И капусты надо бы», «Всё съедем».

Директор и отец вышли из мастерской.

Я встал и подошёл к стеллажу с полной уверенностью в том, что мой бегемот стараниями Плохиша перекочевал с верхней полки на среднюю. Так и есть. Лежит рядышком с кашалотом. Но что это?! Бегемот лишился ушей, глаз и хвоста! Теперь больше походило на кашалота! Только вода с кругами и выдавала, что моё это творение. Причём, расхо-

дились круги теперь не у пасти, а от всего туловища. И не пасть вовсе это уже: наведённая по пластилину стеклом канавка горизонтальная смазана, её заменила – проделанная определённо чьим-то ногтем – вертикальная бороздка. В довершение всего, начертанное мной по воде «БЕГЕМОТ В ПРУДУ.» тоже смазано и заменено на:

ЛЮБИМЕЦ ДАМЫ

Поборов оторопь, я лихорадочно искал тигра Батыя, которого Плохиш намеревался поправить. Нашёл на верхней полке в кругу жирафа и скунсов. «Червяк» оставался всё тем же «полосатым червяком с ногами».

Что-то подкатило к кадыку, в прокушенной губе запульсировала кровь и с прежней силой заболело в паху.

Класс замер.

– Франц, ты хочешь рассказать о бегемоте? – неуверенно спросила Маргарита Астафьевна, подивившись моей инициативе. – Только не больше пяти минут. У нас тут есть не менее интересные млекопитающие: жираф, черепаха, медведь. Жаль носорога никто не вылепил. С него бы начали – потому, как тема тоже пропущена.

– Во-во, пусть расскажет. У него бегемот ба-а-альшой, кра-а-асивый.

Плохиш подхватил, случая блеснуть познаниями не упускал:

– Семейство бегемотовые – бегемот, или гиппопотам. Хи-ппо-по-тамус ам-фи-биус. Арабы называют его «речным

буйволом», но более точно этого неуклюжего великана называли древние египтяне – «речная свинья», поклонялись ему как животному священному. Особенный интерес у них вызывало соревнование самцов в брачных играх. Хвостом раскидывают помет на дальность. Если победитель не выявится, становятся друг перед другом и разевают пасти, кто насколько сможет шире. И только когда и в этом соревновании претендент на гарем не выявится, у бегемотов начинаются обычные у самцов других видов бои, часто с трагическим исходом.

– Запрудный, ты самое интересное рассказал, что Францу останется? – остановила Плохиша учительница.

– Так тож о бегемоте «египетском», пусть о своём расскажет, – вмешался Батый.

Хизатуллина с Запрудным я видел плохо: то что-то, что подкатило к кадыку, поднялось выше и теперь застило мне глаза. Рассчитывали, брошусь и сомну пластилин, а я не стану, просчитались.

Я повернулся к классу. Все уставились на меня, никто не отвлекался. Только Дама одна сидела с опущенной головой, да Изабелла сзади что-то чиркала электронным карандашом по планшету. Глянул на доскплей, под строчками «И КАПУСТЫ НАДО БЫ!», «ВСЁ СЪЕДИМ!!» появилось:

ЗАЦЕЛЮЮ ДО СМЕРТИ!!!

Ну, гады! Вы сейчас у меня эту вашу «поправочку» сожрёте, распаялся я, поверотясь к Батью и Плохишу. О па-

рубке я уже не помнил, а угроза эфиопки не колыхала.

– Ну же, Франц, начинай, – совсем неуверенно потребовала Маргарита Астафьевна: она почувствовала или по моему и класса поведению поняла, что здесь что-то не так.

– Покажи красавца, расскажи, – поддержал учительницу Батый. Он и Плохиш стояли по сторонам стеллажа в прежних позах – с широко расставленными ногами. Только руки их теперь не были заведены назад, оба ногтями одной чистили от пластилина под ногтями другой.

Один прыжок, и я ухватил Батыя за грудки. Тот как будто ждал этого: нисколько не сопротивляясь и оставаясь с широко расставленными ногами, повис в моей хватке. Руки развёл в стороны и помахивал ими, – в точности, как это проделывал я в объятьях Изабеллы. Ещё Батый зажмурил, в томности закатив в потолок, глаза и вытянул трубочкой такие же толстые, как у эфиопки, губы.

Класс хохотал.

– Мальчики, прекратите! – кричала Маргарита Астафьевна.

Я растерялся: от классного авторитета ожидал совсем иной реакции. Поборол же замешательство действием для всех неожиданным, для меня спонтанным. Впился Батыю в губы.

Класс ахнул.

– Раз... два... три, – начала Ленка.

– Четыре... пять, – подхватила Глашка-головастая.

– Хизатуллин! Курт! – кричала Маргарита Астафьевна. Зоологичка стояла на верхней трибунной ступеньке, и, казалось, теперь точно переступит балюстраду и спрыгнет вниз под герб разнимать нас.

Ощувив под зубом соль крови Батыя, я с силой оттолкнул его от себя. Продолжая взмахивать руками, теперь в попытке устоять, классный авторитет полетел спиной в доску. Ударился об неё головой, и на пол к ногам упала сигарета – выпала из-за наушника. Оставаясь припечатанным к рисунку «кружочек, скобка, скобка, точка, точка, запятая – вышла рожица кривая», Батый мгновенно поправил наушник, сползший и обнаживший безобразные шрамы в месте отсутствующего уха. После картинно оттолкнулся затылком от доски и не спеша снял пиджак, встряхнул за плечики и постелил перед собой. Ступив на меловые отпечатки «кривой рожицы», слизнул с губы кровь и языком провёл по золотым печаткам на пальцах собранных в кулак. Медленно, – похоже, не рисуясь, а всерьёз, – принял стойку боксёра.

Класс замер.

Я отпрянул назад. Такого поворота событий не ожидал: драка вживую! В школе! Но скоро овладел собой.

Плевать, смирился я с теперь уже неизбежной потерей парубка.

Левую ногу оставил чуть впереди, а на правой всем телом подался назад. Выпрямил указательный с безымянным пальцы одной руки и указательный другой, остальные подсобрал

в кулаки и эффективно с большой амплитудой в движениях выставил перед собой у лица. Получилось, будто из ружья – пальцы: целик и мушка – целюсь в Батюга. И со стороны казалось, что стою я на правой ноге, а на самом деле, вес моего тела остался сосредоточенным на левой – в том секрет моей боевой стойки. Обучил меня ей инструктор рукопашного боя российских воздушно-десантных войск майор Франц Курт, мой дядя. Обычно принимал я её уже в пылу драки, чтобы уловку не раскусили, но сейчас спешил вырубить противника враз.

Класс охнул: назревала драка вживую! В школе. Такого досель не случалось.

Батюга что? У него отец – владелец ресторанов в курортных городах Новой Земли. А вот мне Покрышкину с отцом-фермером придётся несладко.

Ожидание – противник с нападением медлил – меня отрезвило, и я подумал всё обратить в потеху: ринется Батюга, развернусь на «толчковой» – пропущу гору мышц и жира. Пару-тройку станков сметёт.

– Ни с места!!

Голос Квартального у меня за спиной.

Глазом не моргнул, отец уже дышал мне в ухо: «Катюга натворила, ещё и ты».

И съездил затрещину.

Я успел присесть ниже, но зря это сделал: пальцами только чиркнув мне по затылку, отец стоял с кулаком у своего уха

– так слушают жужжание спойманной мухи.

Но ни одного смешка. В классе все будто языки проглотили, вдохнули и не дышали.

Директор схватил отца за руку:

– Господин Курт, я вас па-аа-пра-ашу! – И добавил тихо: – Ты же не будешь здесь, Гена.

Отец попытался вырваться, потом сник с покорным:

– Ладно, Ваня... Извини.

Отпущенный, отец отошёл в сторону, мочки его ушей горели.

Я запаниковал. Присел в своей коронной стойке, а услышал требование Квартального «ни с места» и нырнул по-боксёрски под замах отца... так и остался стоять в застывшей позе, будто парализованный. Такое со мной однажды уже произошло, но тогда случилось во время отработки приёма кунг-фу в спарке с дядей Францем, а сейчас на виду у всего класса. «Успокоиться, расслабиться и встать», – дал я себе команду. Но ноги мои не выпрямились, и рук я не опустил.

Батый, тот сразу послушался Квартального: в стойке боксёра – с кулаками перед собой – нагнулся и поднял пиджак. Отряхивая, отступил назад. Сигарета лежала под плазовой доской прислонённой к плинтусу, наступить не получалось – заслонил ботинками, став в неловкую и смешную для классного авторитета шестую позицию танцовщика. Штраф ему – ерунда, но курильщиков господин Вандегельде к контрабандным рейсам не допускал.

Отойдя от меня ближе к отцу, директор обратился к классу:

– Та-ааак! Разберёмся!.. Выкладывайте, что здесь у вас стряслось?

– Мы л-лепили, – выглянула из-за балюстрады кафедры Марина Астафьевна. Не говорила, лепетала.

– Л-лепили, – передразнил директор. – Так вы кого, учителя пения или всё же учителя скульптуры подменяете?

– У нас пара з-зоологии. М-мастерская свободна, разрешения у завуча я спросила.

– И что лепили?

– Я д-дала задание за первый урок вылепить любимое млекопитающее... медведя, тигра... белку там...

– Хизатуллин и Курт позировали?

– На втором часе, – вместо урока пения, – расскажут... о любимом млекопитающем, – объяснялась взволнованно учительница.

– Сейчас, как я понимаю, второй урок... Хизатуллин с Куртом рассказывали... изображали, я так понял, брачные танцы... самцов?

– Они дрались, – отец с его прямодушием и врождённой честностью сталинградского пионера не мог смолчать.

– Ну да, поцапались. Не бегемотов же изображали, те пасти разевают, меряются у кого зев больше, – согласился с другом Дядя Ваня и обратился к зоологичке: – Вы случаем в хоре ветеранов не поёте? Передайте органисту нашему от

меня привет.

– Не пою, мне медведь на уши наступил, – успокоилась и налила из графина в стакан воды Мэрилин Монро, но не выпила. Наверняка знала, что ветераны стройки в хор собирались отнюдь не пить, а пить – дегустировать по заверениям стариков – «огуречный сок». Стаканы себе наполняли прямо из аппарата – под песни трио из учителей пения наших поселковых школ. А когда отпускали их, те ещё долго по домам «отмачивались», и спали с баянами.

– Ладно, лепили, – согласился смущённый своей бестактностью Квартальный.

– Они дрались! Вживую, – настаивал отец.

Что он делает. Что он себе думает. У меня холодело внутри. Директор поморщился как от зубной боли и повернулся ко мне:

– Франц, ты не путаешь насекомое с млекопитающим? Богомола изображаешь? В кого целимся? Да стань ты по-человечески!

Я опустил руки и выпрямил ноги, только «мушка» с «целиком» не послушались – засунул в карманы.

– Салават и Франц дрались из-за бегемота, – не унимался отец, указывая директору на доскплей.

Какой-то гад под строчками «И КАПУСТЫ НАДО БЫ», «ВСЁ СЪЕДИМ», «ЗАЦЕЛУЮ ДОСМЕРТИ!!!» написал:
ДРАЛИСЬ ИЗ-ЗА БЕГЕМОТА

Из-за какого такого бегемота? – повернулся директор к

учительнице.

– У Курта любимое млекопитающее – бегемот. Хизатуллин, Запрудный, покажите!

Я прикусил пораненную губу, в паху заныло.

Однако на просьбу учительницы Батый и Плохиш отреагировать не спешили. Стас как-то неопределённо повёл рукой в сторону стеллажа и произнёс:

– Вот.

А Салават подтвердил:

– Ага.

– Я не вижу этого зверя, – заявил директор после беглого осмотра полок. – Франц, где бегемот?

Указать ему на... пенис, хорошо хоть фаллосом из воды не торчит, мелькнула у меня шальная мысль. А глянул на среднюю полку стеллажа, оторопел: место рядом с кашалотом пустовало! Где?! Пропал! Но только «мушка» и «целик» у меня в карманах разокаменели, как увидел-таки поделку – теперь на нижней полке. Моего «бегемота» снова укрывала тряпица скрывавшая поделку Марго.

– Есть! Есть бегемот! Дежурные сейчас покажут, – заторопилась Маргарита Астафьевна. – Запрудной, на нижней полке,ними тряпочку, может быть, под ней?

Ну, вот кто тебя, Мэрилин недоделанная, тянул за язык. Лошадь! «Мушка» и «целик» в карманах невольно подались к паху.

И Плохиш сплеховал: послушно снял тряпицу.

Все устали на пластилиновую ворону из пластилина чёрного, не охристого цвета, обычного для скульптурного. На другое – у птичьих ног – казалось, внимания не обращали. А было на что: под вороной возлежал мой «бегемот». Беру в кавычки: потому, что после чьей-то правки моя поделка уже даже на медведя в речке не походила – на пенис отрока, что спиной, раскинув руки по воде, лежал нагишом на пляже в морской прилив. Но такое, питал я надежду, виделось только мне одному.

Батый оставался на месте сигарету прикрывать, Плохиш принялся перекладывать зачем-то фигурки со средней полки на верхнюю.

Тем временем, директор, тоже, как и ученики, несколько оторопел, но вида не подав, отметил у меня и у Батыея кровь на губах. Сокрушённо – он, догадывался я, считал, что была лишь попытка начать драку, – спросил:

– Уже... дрались?

– Нет-нет! – поспешно вступилась Маргарита Астафьевна.

– А кровь? На губах у обоих... Франц, дрались?

– Да... Не успели, – признался я неопределённо.

– Правда? – проявил надежду директор. – Франц, отчего кровь на губах?

Я молчал.

– Салават, ты ответь.

Батый молчал.

Тогда господин Вандевельде поднял глаза на доскплей.

Ну, какая сволочь написала?! Под строчкой «ДРАЛИСЬ ИЗ-ЗА БЕГЕМОТА» появилась новая:

И ЦЕЛОВАЛИСЬ

Забыл, гад, что архив-менеджер выдаст мне с какого станка писали. Я обрадовался идеи, как вычислить доносчика и постарался запомнить, кто из пацанов за каким станком сидит. Подумал, что могли это сделать и девчонки, и приметил, где сидят Изабелла, Ленка, Глашка-головастая и Марго. Птичка её – может быть, не ворона, а ворон. По любому, птица. «Белая ворона», хоть и чёрная вся, среди зверья, предположил я, с подспудным подозрением на какой-то подвох со стороны юродивой.

– Целовались?!

Директор не поразился, он – испугался. Ладно, драка, так ещё это напасть – мальчишки целовались, в школе, вживую. Два ЧП! Три с Катькиным! Если признать, что все три происшествия имели место быть, его другу и нашему с сестрой отцу грозило серьёзным в сумме штрафом. А этого допустить Дядя Ваня не мог.

Отец пялился на доскплей и мял пылающие мочки

Маргарита Астафьевна подхватила стакан и выпила воды одним духом.

Ученики, наконец, поняли, откуда директор черпает информацию. Пацаны крутили головами и немедленно поднимали ладони подальше от планшетов с электронными каран-

дашами – показывали мне и Батью, что не их это рук дело. Девчонки, обтягивавшие под столешницами станков мохеровые юбочки, и те торопились показать ладошки.

Испугался и доносчик: стал вытирать свою писанину. Да перестарался в спешке – выдал себя: маркер-снимка, уничтожив на экране строчки «И ЦЕЛОВАЛИСЬ», «ДРАЛИСЬ ИЗ-ЗА БЕГЕМОТА», налез на «И КАПУСТЫ НАДО БЫ». Потёр три на конце буквы, осталось:

И КАПУСТЫ НАД

Любитель капусты всем известен, каждую осень услаждал наши уши, хрумкая кочерыжками прямо на уроках; к нему, хрумкая головками чеснока, присоединялась Изабелла. Такой подянки от Доцента я не ожидал. Он, вспомнил я, неделю, когда испытывали доскплей, болел, потому мог не знать об архиве-менеджере. Конечно, заложил меня не в отместку за пропажу бойцового ворона, и не за сегодняшнюю обиду – он, все знали, влюблён в Даму Вандевельде. За рыжую, если не мстил, то вступился.

– Вы что-то хотите сказать? – отреагировал на лес рук директор. Руки опустились. – Не хотите. Тогда, кто староста?

– Запрудный! – позвала Маргарита Астафьевна, она наливала из графина второй стакан.

– Я-я... – не сразу отозвался Плохиш. Он стоял позади стеллажа, с ответом директору я повернулся на его голос и успел заметить, как резко отдёрнул от верхней полки руки.

– Курт с Хизатуллиным... – посмотрел директор на меня

и Батья. – Вымолвить даже противно... Целовались?

– Кусались. – Стас вышел из-за стеллажа и, потупившись, шарил у себя по карманам.

– Вот. Кусались, – повернулся директор к Маргарите Астафьевне. – У нас такое случается. Вы учительница молодая, можете не знать.

– Ну... я не знаю... Кусались, – спохватившись, подтвердила Маргарита Астафьевна.

– Ай-я-яй, – пожурил виновников Квартальный и повернулся к классу с вопросом: – Что за угроза «зацелую до смерти»? Чья?

– Об зубы мои Франц поранился, а я об его, – вклинился Салават, всё ещё стоявший у плазовой доски в шестой, для него затруднительной, позиции, немного даже плечами и руками балансировал – не танцор.

– Староста, и вы Маргарита Астафьевна, так было дело? Кто дежурные? – дал здесь маху Дядя Ваня.

Плохиш, энергично начав жевать ириску, закивал головой. Учительница кивнула, и вдруг, высунувшись из кафедры в полкорпуса, принялась безотчётно вязать у груди. Того, что заметил вязание, Квартальный вида не подал.

– Я, Жёлудь, Запрудный и Хизатуллин дежурные, – поднялась с места Марго.

– Сядь, Сумаркова, – скосил глаза на Марго директор и потребовал от Батья: – Хизатуллин, а ну-ка повернись. – Когда же тот нехотя показал «рожицу» на пиджаке со спины,

безапелляционно, твёрдо заключил: – Дрались!

Конечно, теперь тебе, Дядя Ваня, больше хочется верить в драку, чем в то, что я и Хизатуллин целовались: штраф за первое меньший, пришла мне в голову догадка. Но ох, как тебе, Дядя Ваня, не хочется верить вообще ни в первое, ни во второе. За Катькины проказы, теперь ещё и за мои, тебе придётся не хило так оштрафовать Ганса Курта – поставить друга в шаге от банкротства.

– Моя угроза! – поднялась с места Изабелла.

– Целовала и покусала, – подхватила Глашка. Головастая.

– Стоп! – поднял обе руки директор и спокойно потребовал: – Изабелла Баба, сядь... После урока классный авторитет составит на тебя протокол: целовала мальчика вживую. В школе, в классе, у всех на виду.

Признал поцелуй Изабеллы – пытается тем самым замять мою и Батыя стычку. Дядя Ваня сиял, прикинув, наверное: Баба целовала – Франц сопротивлялся. Вон губа прокушена. А это в корне меняет картину: эфиопам платить штраф.

В подтверждение моей догадки, проронив, «Покончили с этим», директор, чтобы внимание всех переключить на другое, резко повернулся ко мне и сурово потребовал:

– Франц, покажи, наконец, бегемота!

Въехал! Вспомнил о бегемоте! Лучше б ты, Дядя Ваня, обратил всех внимание на ворону, «белую», птицу среди зверья.

– Запрудный, Хизатуллин! Ну, что же вы? – немедленно

вступила Маргарита Астафьевна и обратилась к отцу:

– Господин Курт, у вашего сына определённые способности к скульптурному творчеству – с заданием он справился блестяще. Его бегемот не только реалистичен и художественно выразителен, но ещё и композиция интересна, даже сюжетная канва прослеживается.

Во чешет! Бегемоту пить захотелось, зашёл в пруд и пьёт: и вся сюжетная канва. Сейчас у тебя очки-то запотеют, прикинул я развитие событий. И такое охватило безразличие к происходящему, что, скрестив руки на груди, с безучастным ко всему видом стал разглядывать портреты по стенам. Я не боялся грядущего наказания, – разберутся, драки не случилось и не целовались, – я боялся сгореть со стыда, когда Дядя Ваня увидит какого бегемота вылепил «женишок».

– Вот бегемот, – Стаса голос.

Я не повернулся к нему, всё ещё соревновался в гляделки с Леонардо да Винчи.

– Вы что, за идиота меня держите! Какой это бегемот! Где хваленый реализм и выразительность?

Заговорщицки подмигнув великому скульптору, я повернулся к Запрудному. Тот держал... тигра. Выдавал Батыеву поделку за мою – тигра за бегемота!

С благодарностью за находчивость в попытке спасти меня, промелькнула досада на то, что не мог Плохиш выбрать из фигурок более подходящую на бегемота. Но, окинув взглядом полки стеллажа, согласился с выбором Стаса. Разве что, ещё

кит сошёл бы за бегемота в пруду, будь у него уши. Ещё, пожалуй, медведь – если бы лежал в воде на брюхе, но все трое мишек сидели на пнях по-человечески и сосали лапу.

– Я что, тигра от бегемота не отличу?! Я с вами в цацанки играть не намерен. Я... хочу... видеть... бегемота!

В «полосатом червяке с ногами» директор признал тигра, а что если в моей поделке признает бегемота – умышленно. Я неплохо знал Дядю Ваню, он не отец прямодушный – хитроват. Катька, та вообще держала Дядю Ваню за шулера. Согласится с тем, что ему демонстрируют бегемота и не согласится с мнением зоологички насчёт моих достижений в художественном творчестве – вызовет тем полемику и под шумок окончательно замнёт ЧП. Прекрасно ведь понимает, что в классе и бровью не поведут на эту уловку.

– Извините, я перепутал, – поспешил успокоить директора Плохищ, – здесь бегемот. Под вороной. Бегемот купается. В пруду.

И нехотя показал на «белую ворону», в меня стрельнув обречённым взглядом. Я не заметил, когда он ворону с бегемотом переставил на верхнюю полку. Молодец! С мест от станков «любимец» мой теперь виден не во всей своей красе.

Однако у Квартального рост изрядный.

Вдруг Стас повернулся к стеллажу, согнулся к нижней полке... и замер... зашёлся в кашле. Выпучив глаза на Батя, начал бить большим пальцем через плечо себе в спину. Зная, что тот не может прийти на помощь – сигарету за-

крывает – сам приблизился, и Салават принялся хлопать ладонью по указанному месту. Довольно ощутимо ударил кулаком и изо рта подавившегося выпала на пол ириска. Для Квартального спектакль: в классе знали, что разыграно. Плохиш за партой якобы давился, срывался с места к отвечающему у доски Батью и, пока тот ему хлопал по спине, подсказывал или передавал шпаргалку.

Запрудный откашлялся и оба резко развернулись к классу с возгласом:

– Ап!

Салават прятал за спину тигра, а Стас в вытянутой руке демонстрировал мою поделку, бегемота. Подмигнул мне.

И они, догадался я, раскусили Квартального, поняли, к чему тот клонит. Так только можно было объяснить импровизационную сцену с подменой пластилиновых фигурок.

– Артисты, – восхитилась учительница.

– Фокусники, – уточнил и похлопал в ладоши директор.

– Пройдохи, – не согласился отец.

А за станками на всех нашло безудержное веселье: хлопали, топали, писали на доскплее «БИС» и «БРАВО».

Что на меня нашло?! Я всё испортил!

Подскочил к Плохишу, выхватил у него поделку, решительно подошёл к директору и установил дощечку на свои четыре пальца, ему поближе.

– Аля-гоп, – не удержался.

Лицо Квартального мрачнело, голубые глаза синели. Он

не знал, как ему поступить. Вроде замял ЧП. Какие там поцелуи – у мальчишек. И драки не было. Баба поцеловала Франца. Протокол составят – родители штраф заплатят, эфиопам не убудет. А если даже дело к драке шло, – не успели, только покусались, за что тоже штраф установлен. Мелочь. И вот тебе на! «Бегемот».

– Финита ля комедия, – заключил я. Повернулся было отойти, но директор остановил за плечо. Шевелил губами... Читал. Я глянул на угол дощечки и сам прочёл:

ЮБИМЕЦ ДАМЫ

В шёпоте директора отчётливо разобрал «Любимец Дамы». Стас попытался стереть, но верхняя полка стеллажа ему не по росту, потому-то потёр «воду» не совсем в том где надо. Промаяхнулся Акела. И я вынес приговор своему злоключению:

– И апофеоз с наказанием!

«Стамеску» (так называл Даму, когда ещё не была сложившейся девушкой, а была худой, угловатой девчонкой выше меня ростом) свою ты, Дядя Ваня, в обиду никому не дашь. Держи карман шире, казначей мэрии. Тебе, Батый, – работка: попробуй сформулировать заключение протокола – это тебе не на списывание домашнего задания крапать.

Смирившись с неизбежностью, я попытался вырваться, но директор плечо не отпустил. Тогда я протянул в поклоне дощечку ближе, под самое лицо – дарю, дескать. «Держи сам, – приказал мне шёпотом и добавил: – Отец всыплет, я добав-

лю». Отпустил моё плечо и отклонился от поделки далеко назад – я так понял, оценить произведение. Покрутил дощечку на моих пальцах – рассмотрел со всех сторон.

– И это бегемот?.. Где хвалёные достоинства – реалистичность и выразительность?

У меня разыграло на душе!

– А мне нравится. Не совсем реализм, конечно. Стиль здесь – скорее «суровый стиль», в чём-то перекликается с «сюрреализмом». А, впрочем, – «примитивизм», – тут же за директором высказал своё мнение Плохиш.

– Я бы так не слепил, – поддержал Батый.

– Животное по брюхо в воде. Пьёт в пруду Московского зоопарка. Видите, концентрические круги по воде у пасти, – воодушевлено поясняла Маргарита Астафьевна.

«Из пруда воду пьёт!», «Похож!», «Точно похож!», «Ну нормально!», «А бегемот и гиппопотам – это одно и то же?» – поддерживали Стаса, Батыея и зоологичку от класса.

– Ну, если таков тигр... корова... вот такая... Кит хорош, но волн океанских не хватает. Ёжик – авангардистский, и не плох! Ворона – симпатичная... Молоком питалась, не из яйца вылупилась?.. А это, надо полагать, черепаха... То... – Дядя Ваня повернулся ко мне, – с большой натяжкой можно согласиться с тем, что вот это... бегемот. Стоит... То есть, лежит... То есть воду пьёт! В пруду... Ни о реалистичности, ни о выразительности здесь, конечно, говорить не приходится, несмотря даже на наличие кругов по воде. Соглашусь с

Запрудным: «суровый стиль», больше «примитивизм», «сюром» отдаёт.

Я облегчено опустил дощечку, и Дядя Ваня примял поля шляпы вниз, – так всегда проделывал, когда затея ему удавалась.

Но рано было ему и мне обольщаться. Отец встрял!

Стоял, молчал, теребил себе мочки. Сыну повезло, сухим из воды выходил. Друг выправил положение, да чего уж там – выручил. Спас от штрафов, а он! Всё угробил, заявив:

– Эти пройдохи издеваются над тобой, Ваня! Да ты посмотри, какой же это бегемот? Какой сюр, какой примитивизм – натурализм чистой воды.

– Бегемот, – заскрежетал зубами Дядя Ваня. – Нет, ты посмотри на эти иголки, это иголки ёжика? А медведи? Лапы сосут, а то не узнал бы. А скунсы эти? Кто слепил?.. Карамазовы. Похожи. Ну, жирафа ни с кем не спутаешь. Хомяка тоже... огромен, думаю, слона лепили, да хобот не успели, хомяком оставили. Вот так и Франц, не успел вылепить глаза и уши своему бегемоту, время на круги по воде потратил.

Отец послушал друга, махнул рукой и обратился ко мне:

– Вот что сын, если ты сейчас же не убедишь меня в том, что действительно вылепил бегемота, я заявляю перед господином Вандевельде и твоими товарищами, вертолёта ты все лето не получишь. Парубка я купил, стоит на площадке.

У меня там же, где выиграло, потом оборвалось, снова выиграло. Купил! Не дожидаясь конца месяца. Наверное,

владелец пригрозил продать... Ладно, в конце концов, лепил я бегемота, а к поправочкам в облике я не причастен, не моих рук дело. И меня понесло:

– Да, слепил я бегемота... Нет у него ног. Вот. Бегемот – инвалид... В былом артист Одесского цирка, воздушный гимнаст. Уникальное было млекопитающее, перенёс уникальнейшую операцию: ему, чтобы мог ухватиться за трапецию и канат, вместо... копыт на передних ногах пришили кисти шимпанзе, а на задних стопы орангутанга. Однажды он репетировал ночью, один на арене. Цирковой сторож был глуховат, потому ничего не услышал, не оказал первой помощи, не вызвал «скорую». Бегемот к своему несчастью сорвался с трапеции. Пролежал на арене всю пятницу, в цирке как на грех выходные перед гастролями начались. Промучился субботу и воскресенье, ещё день и ночь, весь вторник до среды. Началась гангрена, и бедный гимнаст в четверг лишился конечностей. Глаза, они выскочили из орбит ещё при падении, от удара об арену. А уши ему откусил жираф в Московском зоопарке, когда был ещё гигопотамчиком, в детстве. В воде не видно, – он и этого... письки лишился. А... семенные мешочки ему вырезали сразу, как начал тренировки под куполом – мешали рассчитать и исполнить сальто-мортале. Пасть зашили, дырочку вот оставили – шланг вставить кормить. Цирк обанкротился.

Я вернулся к стеллажу, положил бегемота-инвалида рядом с китом и, отметив краем глаза оторопелость отца и Дя-

ди Вани, уставился в стену – на портрет лукавого Леонардо.

Тишину и напряжение в мастерской прервали Батый с Плохишом. Первый шмыгнул носом, второй к этому добавил:

– Ну, кто бы так интересно рассказал о любимом млекопитающем?! Артист цирка! Воздушный гимнаст! Умел рассчитать сальто-мортале! Одессит! Маргарита Астафьевна, это шедевр. Десять баллов.

– Да что ты такое говоришь, Запрудный? Почему инвалид? Я же видела, всё у бегемота было цело. И глаза, и уши. Без ног – так, я сразу поняла, по брюхо в водоёме... И пасть не защитой была. Он пил: круги по воде у головы шли, – выразила удивление Маргарита Астафьевна.

Надев очки, она пропала в кафедре, отворила дверку, сбегала по приступкам и поспешила к стеллажу. Шла быстро, красиво – Мэрилин Монро! А дошла – стояла, чуть присев. Края юбки уложились по полу. И, как я и предвидел, очки у неё запотели.

– Все они... и учительница тоже, издеваются над нами, Ваня! Какой гимнаст! Какой одессит! Цирк нам тут устраивают. Какой это бегемот?! Вот посмотри, рядом кит, так у него все на месте... Дыхательного отверстия на голове нет, но хвост, плавники на местах, – настаивал на своём отец.

Дядя Ваня на это молчал – его моя небылица устраивала. Поскрежетав зубами, повернулся к другу и попытался его унять.

– Да успокойтесь, господин Курт!

– Нет, подожди, Ваня! – не соглашался отец.

– Нет, ты подожди, Гена. Если с трапеции упал, инвалидность получил, – похож ведь. Ну, пусть это будет... бегемотом-инвалидом. С определением «сюрреализма» не соглашусь, очень показательный образчик «сурового стиля», – просил друга директор.

– И, если о реализме говорить. Хорошо, допустим, – не успел глаза и уши вылепить, время на круги по воде истратил. Где хвост? – требовал разъяснений отец.

– Ушиб – ампутировали, – с жаром объяснил Плохиш.

– Тогда, где заднепроходное отверстие?

– С хвостом ампутировали.

– Хвост отрезали, отверстие вырезали, – с не меньшим жаром помогая Плохищу, пояснил Батый.

– Маленькое отверстие, если присмотреться, там осталось. Заросло, кормили ведь через раз, гимнаст лёгким должен быть. Хотя, по нему не скажешь... но это он опух от удара об арену и от сытой лёжки в больнице, – утверждал и пояснял Плохиш.

Отец подошёл к стеллажу – поближе посмотреть, склонился над дощечкой... и увидел надпись.

Дядя Ваня тут же поспешил стать ближе к отцу, я отошёл, уступая директору место.

Марго захихикала.

Отец прочёл, не выпрямляясь в рост, поднял голову и ско-

сил глаза в поисках желанной невестки.

Кто-то что-то обронил на пол. Марго прекратила хихикать.

Дама вскочила с места, и, сдерживая рыдания, метнулась к выходу, Изабелла бросилась следом.

Отец выпрямился:

– Господин директор, проводите меня с сыном в ваш кабинет.

– У меня ремонт, ты же видел. Обои сейчас меняют, не выпроваживать же рабочих, – пытался остановить отца Дядя Ваня. – Гена, а бегемотом-инвалидом забинтованным после операции, глаза, уши, ноздри под бинтами, – признать согласишься? – ухватился он в отчаянии за сомнительную идею: друг мог и рассердиться, что и случилось.

– Ладно, господин Вандегельде, я хотел по-хорошему.

Отец расстегнул пиджак и вытащил из брюк за пряжку, отнеся руку далеко в сторону, ремень.

В мастерской и без того была тишина, теперь она стала гробовой.

– Постой, постой! – опомнившись, останавливал отца Дядя Ваня. Подскочил к нему, стоял, загораживая от класса спиной, и тихо шептал: – Что, здесь? Вживую? Ты Катькин штраф, один, с трудом потянешь.

– Господин Вандегельде, выпроводите всех отсюда, – спокойно старался просить отец. Ремень в руках и тяжёлый исподлобья взгляд на меня сами за себя говорили – мне оста-

ваться на месте.

– Хорошо, господин Курт, только не спешите, – обречённо согласился директор и повернулся к классу с приказом: – Все отправляйтесь в актовЫй зал! – Расстегнул пиджак, ослабил, распустив узел галстука, ворот рубашки и сдвинул на затылок шляпу. Его бледное с капельками проступившего пота лицо в нимбе широких белых полей выражало покорность, если не судьбе, то требованию незадачливого – безмозглого, чего уж там – друга.

– Господин Вандевельде, выслушайте меня, пожалуйста, – попросил директора Батый.

– Не сейчас, Хизатуллин. Вечером я зайду к вам.

– Но, господин Вандевельде! Я хочу сказать, что этот... артист цирка, на самом деле бегемот; что...

– Ну, ну! – словно за соломинку ухватившись, поторапливал директор Салавата.

– Вот, смотрите! – вмешался Стас. – Из кусочка пластилина отщипнутого от исполосованного Марго скунса он поспешно дополнял мою поделку. – Это глазки... Ушки... А это хвост. Заднепроходное отверстие... углубим. Чем не бегемот? Пьёт воду... Ноздрей нет! Действительно, какой тут реализм? Примитивисты такой оплошности не допускали. – Плохиш ногтём мизинца проковырял ноздри. – Пасть расшивать я не буду. Теперь, все это у...бираем. – Стас проворно смазал всё, что налепил. И, проделывая указующий жест обеими руками на то, что случилось (а остался – «беге-

мот», углублённое заднепроходное отверстие и оставшиеся ноздри несколько его не изменили), заявил: – Бегемот-инвалид! Упал с трапеции. Сальто-мортале на этот раз, в пятницу, должно быть, с числом тринадцатое, не рассчитал. Я в цирке у тётки в Архангельске был, так там воздушные гимнастки под куполом номер на такой высоте проделывали, без бинокля ни фига не разглядеть. Упасть с такой высоты, да об арену! У бедняги, наверняка мозги из пасти брызнули.

Дядя Ваня приминал шляпе поля, но победный его настрой остановил отец.

– Хватит! Запрудный – этот не издевается, он смеётся над нами! Ты понял, Ваня, про какие это он мозги? Хва-атит! Я просил выпроводить всех вон! Распорядитесь, господин директор.

С последними словами отец сложил ремень вдвое, резко свёл и развёл руки. Хлопнуло – громко, так что сам испугался. За станками замерли, Батый схватился за наушник, Плохиш открыл рот, Мэрилин Монро присела, Марго захихикала.

Отец, увидев такую реакцию, смущённо опустил ремень.

Ему неловко стало, возмущался я. Неловко будет протокол подписывать со штрафом за непотребное изображение полового органа. И после, когда Дядя Ваня втолкует, что всё делал, чтобы избежать этого.

– Салават, вечером у вас дома поговорим, – обронил Батью директор, поднял поля шляпы, и повторился к классу: –

Отправляйтесь в актовЫй зал!

Батый и Плохиш бросились к нему и наперебой что-то тихо втолковывали, доказывали, директор слушал и кивал. Нахлобучил шляпу на лоб, примял ей поля и, раздвинув руками мальчишек на стороны от себя, быстро направился к классной доске. Нагнулся и поднял сигарету.

– Чья?!

– Моя. – Маргарита Астафьевна поставила на полку к графину стакан, поправила очки.

Директор повернулся на голос:

– Ваша?

– Да. В перерыв, просматривала фигурки, обронила из пачки.

– Вы курите не дамские? – Директор прятал сигарету в кулаке.

– «Лим», – учительница налила и выпила третий стакан воды. Спустя годы узнаю, в графине была вовсе не вода, огуречный сок. Учитель пения проставился учителю изобразительного искусства за то, что тот уступал скульптурную мастерскую, спас орган.

– Действительно, «Лим», – рассмотрел директор сигарету. Спросил вкрадчиво, – Вы все фигурки осмотрели?

– Все на станках, кроме поделки Сумарковой. Тряпка на пластине мокрая, я сигаретой хотела приподнять, посмотреть, да вошли дежурные. Уронила сигарету, отфутболила за кафедру.

– Доложите Вере Павловне, и протоколы мне на стол. Второй штраф за то, что вязали на уроке, а третий за просмотр телевидения. Проводите детей в актовЫй зал.

– Маргарита Астафьевна, не покидайте мастерской, пожалуйста, – попросил отец учительницу.

Тонущая со словами директора в кафедре, зоологичка на просьбу отца вынырнула, как поплавок при клёве. Челюсть у неё отвисла, и я увидел зубы – все нижние. Хорошие зубы: без червоточинки и пломб.

Мы остались вчетвером. Маргарита Астафьевна, выпроводив учеников из мастерской, заняла своё место в кафедре, директор с отцом стояли у стеллажа, я же отошёл к своему станку. Ремнём мой родитель наказывал меня давно, в том, что отстегает сейчас в присутствии учительницы и директора – в школе – я сомневался: сумма штрафа за Катькину «химию», моё «художество» и за его рукоприкладство была разительной, для отца – разорительной. Но он потребовал:

– Спускай штаны!

– Гана, опомнись! – Дядя Ваня попросил отца голосом с интонацией выражавшим полную безнадёгу: переубедить Ганса Курта даже ему, другу, не всегда удавалось.

Спускать штаны! Да если бы знал, что творишь! Если бы знал, зачем мне нужен «парубок»! Небось, согласился бы признать в пластилиновом пенисе – бегемота, артиста цирка, одессита. Не бежал бы ему в задницу смотреть.

Я и не подумал выполнить требование. Уставился на Лео-

нардо.

Отец подошёл и огрел ремнём мне по плечу.

– Спускай штаны, я сказал!

Таким разъярённым я его не помнил.

– Да на!!

С нутряным бешенством отодрал я левой рукой заклёпку, правой распустил молнию и спустил джинсы на пол.

И тут меня снова парализовало!

Не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой, я видел:

Округлились за очками глаза, и тут же отвела взгляд на графин со стаканом Маргарита Астафьевна. Уронил к долу руки с ремнём отец. Подавив вскрик, нахлобучил на глаза шляпу Дядя Ваня. За стёклами окон появлялись одна за другой и тут же пропадали головы одноклассников.

Когда джинсы уже лежали на полу, я вспомнил, что на мне нет плавок! Утром я их снял потому, что джинсы – с фланелью, носить в тёплые уже дни было жарковато. Ведь мог же надеть другие – демисезонные! Нет, эти зимние напялил. Форсил: на штанинах нитками мулине вышиты боевые вертолёты.

Поза у меня – дурацкая, а видок – закачаешься. Джинсы на ботинках, под жилеткой – косоворотка, мне не по росту коротковатая. Вкруг меня картина всё поглощающего ступора, напоминала знаменитую театральную сцену: «К нам приехал ревизор».

Отец с директором – остолбеневшие; Мэрилин Монро в

«танке» – только что была и утонула; за стеклом в окнах – головы пацанов и девчонок, попеременно, то появлялись, то пропадали с виду. Все с лицами – я таких не видел.

Что мне оставалось делать? Ни рукой, ни головой не шевельнуть. Скосил глаза на стену с портретами непревзойдённых мастеров ваяния. Не все из них, творивших до Леонардо да Винчи, доходили до полной степени реализма в обнажённой натуре – пенис мужикам фиговым листком прикрывали.

Не заметил, когда, как со мной рядом оказалась Маргарита Астафьевна: вдруг отметил, что Леонардо ухмыляется сквозь пух копны её белокурых волос. Она стояла чуть справа и спереди. Что говорила, не слышал, но только по тому, каким был её глаз и как открывался и закрывался рот, понял – сердитое. Она отчитывала отца и директора! Вот это поворот!

Вдруг почувствовал, что меня что-то щекочет по животу и ногам.

Маргарита Астафьевна, придерживая юбку, закрывала подолом мой срам! Высказывая отцу и директору что-то резкое, подёргивала подолом вверх-вниз. Елозила юбкой! Казалось, я слышу треск трущегося мохера о кожу головы моего «бегемота». Живому, вживую!

В панике, я попытался сесть, но удалось только пальцы – «целик» и «мушка» – выпрямить. И почувствовал, понял, что поздно. Закрыв глаза... и увидел самого себя со стороны, от кафедры, от окон: подол юбки поднимается всё выше

и выше, и мои голые бёдра, вновь пожаром охваченный болезненный пах и... «бегемот»... выставляются всем напоказ.

Я провалился в обморок, но успел заметить: Мэрилин Монро, оборвав свои негодования на полуслове, поворачивает голову (вижу оба теперь её глаза и все зубы открытого рта), поднимает на лоб очки. Юбку... опускает...

...Протокол с заключением: «...эксгибиционизм – непристойное поведение с разоблачением от одежд и демонстрацией полового органа» (наказуем штрафом в размере 20-ти минимальных заработных плат) составили и подписали, как только привели меня в чувство. Вместо классного авторитета Салавата Хизатуллина, как лица косвенно причастного к инциденту, расписался классный староста Запрудный Стас. От комиссаров-наблюдателей – Истребитель. Завуч школы, расписываясь, удвоила штраф; директор школы росчерком подкрепил своим коэффициентом; он же, как мэр Отрадного, «подбил бабки»: сумму штрафа возвёл в положенную степень 4.

Дядя Ваня под шумок моего обморока попытался замять «дело» отца, но завуч Чеснокова Вера Павловна напомнила про грех наказания детей вживую и протокол составить настояла.

Продаст вертушку, сокрушённо заключил я, видя с какими округлившимися глазами отец ставил свою закорючку на документах.

* * *

Домой летели в парубке. На полпути отец предложил пересесть на пилотское место, но я отказался, сделав вид, что люблюсь «мискаами» хуторов. В школе на вертолётной площадке, запуская двигатель, сообщив, что Хизатуллин и Запрудный во всём ему признались, отец извинился. Я буркнул что-то невнятное. Мной овладело безразличие к происшедшему и к предстоящим тяготам от позора. Зато вертушка у меня есть. На подлёте к дому согласился, и мы поменялись местами.

Посадив вертолёт и заглушив двигатель, я попросил разрешения остаться в машине. Отец кивнул, достал из бардачка книжечку пилотского удостоверения, протянул мне со словами:

– Я был не прав, сын. Прости, ещё раз. Ну, а ей я сейчас задам. Она-то уж никак не отвертится.

Угрожал отец Катьке.

Сестра встречала нас. Заходя на посадочный вираж, я увидел её под фонарём сеней. Помахав нам рукой, пробежала по переходу под миску с посадочной площадкой и ангаром, где включила кнопку развода половинок купола, хотя сделать это мы могли сами с дистанционного пульта вертолёта. Катька вернулась в сени, где, сидя на подоконнике с развёрнутой книгой, осталась поджидать нас.

Отец запустил руку за лацкан пиджака... Увидев, что протоколов два, сунул обратно, из другого кармана вытащил лист сложенный вчетверо. Протокол на Катьку, понял я.

Свернул в трубочку, поспешно похлопал меня по плечу в знак окончательного примирения и вылез наружу. Из брючного кармана достал рулон поясного ремня, по мне так и не походившего, и быстро зашагал по гулкому переходу. Бедная Катька, пожалел я сестру.

Понюхал кожу обложки пилотского удостоверения. Развернул. Оформлено на моё имя. Сбылась мечта идиота, поздравил я себя.

Положив документы на место, выпрыгнул из машины и направился к переходу. Под аркой остановился, обернулся и окинул взглядом парубка с расстояния. Вернулся и провёл рукой по дверке кабины. Лакокрасочное покрытие толщиной в полсантиметра, армировано густо пронизывающими нитями из титана. Похоже на мохер юбки зоологички. Высокой ценой ты мне досталась, вертушка, вздохнул я и погладил машину в месте плавного перехода с хвоста на кабину. Смутился: изгиб напомнил зад Мэрилин Монро. И поспешил в переход: в джинсах с фланелью под разогревшимся от солнца куполом ангара жарко, даже без плавок.

В переходе из сеней поднял с пола книгу. Катька от отца когти рвала, выронила. На обложке название: «Партитуры фортепьянных концертов Брамса». Полистал. Одни ноты. Что Катька читала? В нотах ни бельмеса. Хотя понятно, папе очки втирала – показывала, что приняла подарок Ханса (мальчишка на рождество ей подарил, она ему – пряник, самый подарок толстяку) Значит, натворила чего-то неорди-

нарного, и протокол составлен со штрафом немалым.

Захлопнул книгу и сел на подоконник.

Я люблю сестру. Проныра, пройдоха и безобразница – мало сказать, она у меня необыкновенная. Конечно, моя любовь никак не проявлялась, больше сказать, я её скрывал и внешне выказывал всякое безразличие, даже, случалось, проявлял мальчишескую неуважительность и грубость. Возраст у меня был такой. Она в долгу не оставалась. А в Рождество так просто достала. Тогда же спровоцировала сору отца с Дядей Ваней. Пять месяцев после те друг другу открыто выражали неприязнь. Запили. Весь посёлок переживал. И из-за какой дури! Расскажу. Это отступление нескучное.

В семьях друзей дети рождались в один год. До меня с Дамой – два сына у Куртов и две дочери у ВанDEVельдов. Женились, вышли замуж, развелись, женаты и замужем по другому разу, но ни от первых, ни от вторых браков детей до сих пор не имели. Друзья же хотели себе внуков, и обоюдной мечтой у них было иметь их непременно от своих пожившихся отпрысков. После меня с Дамой у ВанDEVельдов первых появился ребёнок – мальчик Ханс. Боялись, что и у Куртов четвертым ребёнком будет сын, но все обошлось – родилась Катька. Хотя... какое там обошлось.

Поначалу всё было как бы гладко. На глазах у родителей. Катька сидит с Хансом за столом рядышком, такая тихая, заботливая, беспрестанно воркует: «Хансик, съешь жаркого, попробуй тортика – я маме помогала тушить и печь». Ну,

прямо невеста и будущая примерная, любящая жена. Друзья налюбоваться не могли, пока в прошлое Рождество не застали их наедине. Ханс на коленях лбом касался пола. Головой, руками и плечами, пристроив под животом, закрывал скрипку. Катька стояла над мальчишкой и лупила его ногами по спине. Требовала клятвы не жениться на ней. Ханс просил: «Меня убей, скрипку пожалей».

А в последний рождественский праздник друзья окончательно поняли, что с Катькой и Хансом «фонтана» не будет.

У праздничного стола дарили подарки. Разворачивали свёртки, открывали коробки, демонстрировали всем и складывали под ёлку. Дядя Ваня другу вручил одну из своих новых шляп сделанных ему на заказ в Англии, отец – галстук от Дома Кроля. Госпожа Вандевельде и мама обменялись подарками «втёмную»: свёртки не разворачивали и под ёлкой не оставили. Наехавшие погостить мои старшие братья и дочери Вандевельдов с мужьями и жёнами, обменялись коробочками, традиционно: «бабам – кулоны, мужикам – запонки». Дядя Франц старику-соседу преподнёс полковничью каракулевую папаху: чеченец, зимами приезжавший с юга проведать сына и внуков, в прошлое Рождество намекнул на такой именно ему подарок. Вот ветки вёз шальту – со старинных времён известный кинжал чеченцев и ингушей, но... принёс под ёлку бутыль чачи: с грузином, попутчиком в купе поезда, обменялся. Майор восторженно пообещал следующим разом подарить папаху «генеральскую» – с намёком за-

получить ещё бутылку «амброзии». Поздравляли друг дружку и приглашённые друзья, коллеги по работе, соседи, их приезжие родственники и дети. Гостей у Вандевельдов набралось с полроты.

Катка преподнесла Хансу большой пряник в коробке, тот ей – издание в дорогом переплёте с тиснением золотом: «Партитуры фортепьянных концертов Брамса». У нас же с Дамой вышел, насмешивший всех, казус. Она мне каждый год дарила «Конструктор» – коробку с пластмассовыми деталями вертолёт, и напрашивалась после вместе склеить модельку. Я ей – кукол. И этим разом выбирал в магазине «Барби» «худышку», но... купил в «Конструкторе»... вертолёт. А чтоб, не приставала, не напрашивалась склеить модельку. К тому же, уж очень мне понравилась новейшая боевая машина. Модель вертолёт – действующая, с дистанционным управлением, целиком из металла, пластика и триплекса, кустарной – не штамповка – вьетнамских мастеров работы. Все деньги спустил. Второй экземпляр не помешал бы: надеялся, Дама попросится помочь склеить и оставит мне вертушку. Свою склеил и опробовал, вертолёт круг вокруг фонтана в зимнем саду облетел и сломался.

Дама первой дарила. Сняв ленточку, открыла коробку, показала всем содержимое – «Ми77(троглодит), уже склеенная моделька (мне в отместку, понял я). Поцеловала и положила подарок под ёлку. Что мне оставалось делать? Снял крышку со своей коробки и положил под ёлку второго «троглодита».

Лежат подарки – где её, где мой? Я сообразил запомнить, не перепутать: моя коробка слева, модель в ней сломана.

Под общий смех подняли шампанское и кока-колу, выпили и Дядя Франц, собрав гостей в ручеёк, увлёк всех из квартиры попрыгать по лестничным площадкам и пролётам. Дама в суматохе, стрельнув глазами по сторонам, вторично меня поцеловала, но уже не в щёку, а в губы. Я, смущённый, в ручеёк не стал, остался в квартире.

Это был второй её такой поцелуй. Как-то а школьной дискотеке пригласила меня на «замирающее танго», и украдкой, так же зыркнув по сторонам, разметав свои пушистые волосы по нашим плечам, неловко, облизав мне нос, нашла мои губы. Зардевшийся, я вырвался и оставил её одну посреди зала. Испугался, пацаны заметят и засмеют. Это теперь я перегнал, а тогда Дама была «Стамеской» – выше меня ростом. Сейчас у ёлки поцеловала умело, просунув мне в зубы язычок. Я бы подивился, если бы не забеспокоился: на мне смокинг – брюки свободные, пиджак расстегнут. Прикрылся крышкой от подарочной коробки...

Остались и отец с Дядей Ваней – разлить по «первыепятьграмм». И тут случилось: мэр сел... на пряник, Катькин подарок Хансу, оставленный ею не под ёлкой, а на стуле, на который и уселся мэр против графина с «граммами». Бросились спасать подарок. Откинули крышку коробки, пряник – в блин по дну, повидло – по стенкам. Что делать? Приняли свои по «первыепятьграмм», пальцами подхватили повидло.

Отец закусил, а Дядя Ваня задержался.

– Здесь что-то написано, – склонился он над оборотной стороной крышки. – Франц, подай нож.

– Поздравление. Может не стоит читать? – предупредительно высказался отец. Как в воду глядел.

Я счистил ножом с картона кремовую помадку, читать вслух начал, да осёкся на первой фразе: две первые буквы в словах были заглавными. Первая «В» выведена синим фломастером – явно подставлена в тексте, написанном шариковой ручкой, синей же.

Было:

Жизни я тебе не дам.

Стало:

В Жизни я тебе не дам.

Понятно: Катька, упившись колой, внесла правочку в свой поздравительный Хансу текст. Коробку вернуть под ёлку не удосужилась, оставила на стуле, несомненно специально – чтоб уселись на неё.

Я прочёл:

– Жизни я тебе не дам.

– Читай дальше, – потребовал, нахмурившись и потянув поля шляпы на лоб, Дядя Ваня. Подставленную «В» он заметил.

– Читай, читай. – Отец, посчитав, что прочитанное только начало фразы или строфа стиха, потянулся за графином разлить «вторыепятграмм».

Я, стараясь не прыснуть со смеху, продолжил:

– Если женишься на мне, в первую же брачную ночь яйца отщемлю. Лучше поклянись не просить моей руки.

– Стоп! – «врубился», отец. Отставив графин, спросил: – Там так и написано?

– Написано прописью, коряво – должно быть, не Катькиной рукой, она ведь у нас каллиграф, – попытался я выгородить сестру.

Отец и дядя Ваня, привстав, полезли носами в крышку, но я, не прочитавший ещё текст ниже, интуитивно опасаясь худшего, отстранился с вопросом:

– Постскрипtum зачитывать?

Друзья сели. Дядя Ваня молчал, а отец – обречённо (и он, понял я, заметил-таки подставленную «В»), судя потому что оставил в покое свои мочки и потянулся за «граммами» – проронил:

– Всё читай.

Я прочёл, но дождавшись наполнения рюмок:

– P.S. В тесто этого пряника я пописала.

Друзья прятали глаза под полями белых шляп, а опомнившись, спросили оба сразу:

– Где подарок Ханса!

Я вспомнил, Катька, задолго до конца размена подарками, одна уговорившая бутылку колы, раскрыла, захлопнула книгу и тут же показала Хансу большой палец: одобрила. Подивился ещё, Катьке понравилась книга с фортепьянными кон-

центами – в нотах ни бельмеса, к классической музыке никакой тяги.

Книга, как и ожидалось, оказалась на стуле, на котором Катька, пока Дядя Франц собирал ручеёк, пробавлялась пирожными со стола. Я подхватил увесистый «талмуд», отёр от крема и оливье, подал Дяде Ване.

Раскрыл отец, опередив, выхватив книгу у друга.

Под обложкой лежал лист с нотными линейками, поперёк которых – крупная надпись чем-то красным:

К Л Я Н У С Ъ!!!

Ниже чёрной гелью:

НЕ ЖЕНЮСЬ НА ТЕБЕ

И приписка:

Буду очень признателен, если книгу вернёшь: ни чем другим не подвернулось тебя одарить, гадюка. Ты ею будешь! Вырасту, закончу консерваторию, руки, ноги тебе пообломаю.

Отец приблизил слово «клянусь» к носу, дал понюхать Дяде Ване.

Вошёл старик-чеченец. Тяжело дышал, папаха «генеральская» на глазах – великоватой ему оказалась. С порога большим пальцем сотрясал в пол – налейте мол. Я, один понявший жест, подал ему рюмку водки.

Занюхать Дядя Ваня подсунул чеченцу клятвенный лист.

– Кровью написано, – заключил старик авторитетно и из бутылки с чачей, метнувшись к ёлке, налил в три фужера...

За стол папаши, когда ручеёк вернулся в квартиру, уже не сели.

Хватились господ Вандевельде и Курта посреди ночи. Я рассказал дяде Францу, что произошло, тот, не на шутку забеспокоившись, бросился к телефону названивать. Мама и госпожа Вандевельде, примерявшие свои подарки в спальне, прибежали и сразу обратили всех внимание на «талмуд» и коробку с пряником, так непредусмотрительно оставленных папашами на столе. Дядя Франц в медвытрезвителе даже справился, а когда у дежурного по мэрии допытывался, мама забрала трубку и набрала номер своей «неотложки». Никто ничего не знал.

Дядя Франц попросил напомнить номер ресторана, но его опередили: метрдотель, рассыпаясь в извинениях (мама включила функцию «громкая связь»), пригласил прийти в заведение спешно:

– Господа мэр и Курт заявили с чеченцем и чачей. Старик поднял от ударных барабанщика и сам теперь барабанит. Очень, извиняюсь, много выпили. Ссорятся. Посетители поражены.

– Что?! Поражены? Чем?! Как?!

– Говорю, должно быть, с майором Францем Куртом. Мой сын под вашим началом срочную отслужил, остался на сверхсрочную, очень я вам благодарен, здесь скорее всего спился бы, или, ещё что хуже, женился, и наверняка бы спился. А так – под присягой, знаю, у вас в «вэдэвэ» не забалуешь.

– Да погодите вы с «вэдэвэ». Посетители поражены, чем, как.

– Господ Вандевельде и Курта, извиняюсь, ссорой. Пока те только кричат, толкаются, но, похоже, всё к рукопашной идёт.

– Все посетители живы! – облегчённо оповестил майор столпившихся у телефона гостей.

Мамаши первыми бросились в ресторан, гости следом. На бегу гомонили:

– Они ссорятся?

– Не может быть!

– Ой, я не верю!

– Прежде рак на горе свиснет.

– У суслика кит родится.

Бежали гурьбой, наперегонки, не одевшись, – благо был ресторан с домом мэра под одной «миской».

Зал переполнен. Но посетители не за столами. Одни, и музыканты с открытыми ртами, стояли у эстрады и слушали соло чеченца на ударных. Другие столпились у центральной кабинки, в которой за столиком сидят господа Вандевельде и Курт. Как огурчики, не скажешь что пьяные. И точно ссорятся! Что-то там себе рычат.

Узнав Вандевельдов и Куртов, все почтительно уступали семьям лучшие у эстрады и в кабинках места.

Я не мог различить кто отец кто Дядя Ваня. Пиджаки на спинках стульев, сорочки растёгнуты, оба в шляпах по гла-

за нахлобученных, и с галстуками распушенными на потных шеях. Дама бегала глазами с одного на другого. Похоже, и мамыши не узнавали: не поднялись в кабинку, стояли в растерянности. Разве что детишки-чеченцы не сомневались в том кто их сосед. Одни толкались, старший из мальчиков убеждал:

– Мэр тот, что слева! Дядю Курта положит.

Другие отпихивались, «малявка» из девчонок – с белокурыми кучеряшками среди детишек чёрненьких и по годам взрослее – не соглашалась:

– Тот, что справа! Это ещё посмотрим, кто кого положит. Фермеры, они подюжей, пожилистей мэров будут.

Да отец с матерью их определились: он поддержал одних, она других. Насчёт того, кто верх одержит, проявляли единодушие с «малявкой»:

– Фермер одолеет мэра.

Ну, не иначе: отец снять урожай в парниках частенько занимал чеченцев.

Давненько мы не видели папаш в сцепке, последний раз сеанс армреслинга они демонстрировали лет семь назад. Я отметил, сейчас руки их с закатанными рукавами выше локтя не с теми бугристыми бицепсами, с какими тогда были.

Этот раз по сторонам стола стоят метрдотель и официант, первый с хронометра отслеживает время и у плеча держит фонарик, луч которого направлен на ручищи соперников в мёртвой хватке; второй держит в обнимку подарочную бу-

тыль. «Дуэльная» чача разлита в небольшие из толстого хрустала стопки. В сцепке правые руки, в левых эти самые стопки – держат «амброзию» с готовностью стартовать. Локти подняты выше оттопыренных мизинцев.

Мамаши, наконец, решаются: взбегают по приступкам в кабинку. Мужья жёнам ноль внимания.

Рефери выключает фонарик – соперники разрывают сцепку и руки выкидывают высоко вверх. Одновременно кидают, будто солю в топку, чачу в рот. Крякают и занюхивают дном стопки.

Рефери торжественно оповещает:

– Восемьнадцатыепятьграмм!

Синхронность в движениях изумительно полная: чачу – одним духом, и тут же, не мешкая, пустую стопку – под бутылку официанту, и – в сцепку. Рукой, освободившейся осторожно так... нашаривают стопарик соперника, уже наполненный из бутылки. Рефери наводит луч на сцепку и снова отслеживает время. Папаши, кряхтя и пыхтя, рычат:

– Доченьке, Леночке моей... пацана давай!

– Будет ей пацан... Я стараюсь!

– Наша берёт! – прыгали, хлопали в ладоши детишки и их мать.

– Наша возьмёт! – вторили им отец с «бандой малявки».

Картина ясна: в Катке с Хансом папаши разуверились окончательно, видимо, не слишком-то питали надежды насчёт меня с Дамой, но у Куртов подрастала двухлетняя Ле-

ночка, тогда как у Вандевельдов все ещё только надеялись на семейное прибавление.

Попытки наших мамаш урезонить мужей успехом не увенчались: чача из бутылки убывала, сцепка раз за разом менялась. Официант устал держать бутылку и разливать содержимое – руки дрожали, ноги подкашивались. И мы с Дамой нашли, как им всем помочь. Не сговариваясь, направляемые каким-то наитьем, взялись за руки, поднялись в кабинку и, став так, чтобы нас могли видеть сразу оба соперника, слились в долгом поцелуе.

Рефери навёл фонарик на нас – папаши, посчитав, что наступила переменка сцепки, чачу – в «топку». А заметили меня с Дамой, поперхнулись и разразились кашлем.

– Не... рано... ли? – задыхался Дядя Ваня.

– В самый... раз! – Свой кашель отец запил глотком из бутылки, вырванной из рук официанта. После повернулся к окну кабины и обратился к присутствующим:

– Хотите, фокус покажу?

Снял и сунул маме в руки шляпу, приложился к бутылке изрядным глотком, сполз со стула на пол, улёгся на спину и за пять секунд уснул. Во сне вдыхал через нос, выдыхал через открытый рот – чача с бульканьем поднималась и опала меж зубами фонтанчиком гейзера. Зрелище, я вам скажу, ещё то: и отталкивающее и завораживающее.

Мамаши, суетясь, упрекали друг дружку в том, что не успели упредить представление, остановить фокусника. На

свадебном пиршестве друзей (застолье они устроили одно на обе свои свадьбы) в этом же ресторане (тогда ещё рабочей столовой) фокусника, изображавшего из себя фонтан, попытались разбудить, тот захлебнулся и после буйствовал в невменяемом состоянии. В последующие от года к году демонстрации уже не трогали, предпочитая дать «фонтану» отоспаться. Уже лет десять минуло с последней демонстрации, потому-то мамы и потеряли бдительность.

Не заметили, когда заснул и мэр. Он всхрапывал, сидя за столом лицом в натруженные руки. И мы стали свидетелями ещё одного фокуса: шляпа у Дяди Вани свалилась с головы – соломенные волосы (волосы!) веером постелились по зелёной скатерти. Ни какой лысины!

Дама легонько тормошила мэра за плечо, мне стало неловко за своего отца, но «закрыть фонтан» не пускала мама. Нашёлся метрдотель: отложив фонарик, он взял у официанта полотенце-салфетку, скрутил кульком и острием опустил в фонтанчик – чача впиталась.

Отец проснулся. А принялся помогать Даме, тормошить мэра, увидел волосы. Захлопал глазами:

– Парик, что ли?

– Давно сделал подсадку волос с затылка, но шляпу по-прежнему носит – привык, – ответила за мужа госпожа Вандевельде.

– От друга скрывал! – возмутился отец. – Шляпу носил! В мэрии, в школе, во всех присутственных местах не снимал.

Мэр, словом, – далёк от народа.

Мэр, покорно подставляя жене голову под шляпу, дружелюбно согласился:

– Я как посадку сделал, тебе показал. Шляпу в парилке – дело в бане было – снял, ты посмотрел пьяными глазами и плюнул. Я догадался, ты посчитал, что увидел себя в зеркале. Ей-богу, было дело. А народ мне близок, не ври. Выбирает. Новая Земля не Москва.

– Ладно, Ваня, пойдём на воздух. И не слишком ты надейся... у моего отпрыска, целовались, я никакой страсти не отметил. Так что, старайся.

– Сделаем, Гена, – пообещал мэр фермеру.

Дядя Ваня позволил вести себя под руки. Вдруг высвободился, вернулся в кабинку, шире раздвинул шторы и снял с поклоном шляпу – поблагодарил посетителей ресторана за внимание.

– Показал близость к народу, – съязвил отец.

– Покажи и ты фокус, – совала «малявка» колоду карт мэру.

Тут подоспел, сбегавший домой за кителем, дядя Франц. В форме майора воздушно-десантных войск он стал по центру танцевальной площадки, вытянул в сторону руку и командовал:

– В строй, шеренгами по четверо... становись!

Первой под руку офицера стала Катька, рядом «малявка». Не замешкались и все гости мэра. В суматохе в строй зате-

сали тройку посетителей.

– Равняйся!

Посетители, удирая к своим столикам, расстроили шеренги.

– Сомкнись! Где аксакал?

Чеченца привёл барабанщик. С обожанием смотрел старику в рот, возвращая тому папаху и забирая свои барабанные палочки. Братья, прогнав Катьку с «малявкой» в хвост строя к детям, подхватили «солиста» под руки.

– Равняйся!.. Смирно!.. Шагом... арш! Запевай!

Под «Славянку» и овации посетителей ресторана мы вышли под купол.

Счастливый метрдотель у выхода напутствовал пожеланиями светлого Рождества. Он, старый, с начала строительства «Ограды» работал поваром, и помнил знаменитую свадьбу друзей, после какой рабочую столовую и сделали рестораном, завезя на смену в щепу разнесённым столам и стульям, оконным занавескам, дорогую мебель и бархатные шторы.

* * *

Отец ошибался: целуясь с Дамой, страсть я испытал, мы ещё и дома уединились, когда гости пили, закусывали и танцевали. После выпили по бокалу шартреза – Катька нам им «спрайт» разбавила – и разыграли ссору в споре, где, чей подарок.

– Мой «троглодит» в той коробке, что справа.

– Нет, мой! Франц, я заметила, твой слева.

– А пойдём, проверим. Оба склеены, проведём лётные испытания.

– А пойдём. Тот, что не взлетит, твой.

Катька, ясное дело, проследила мои в зимнем саду опробования вертушек, – продала, зараза.

В зимнем саду коробки не сразу распаковали – целовались. Катька – шпионила, спойв, – и застучала. С воплем «жених и невеста» понеслась к гостям. Я к тому времени переоделся в джинсы и сорочку навыпуск, но все же не решился сорваться следом за Дамой, зардевшейся и сорвавшейся к поджидавшей её за колонной Изабелле. Остался сидеть у фонтана под фикусом. Скоро объявилась Катька, она тащила за руку упирившегося Ханса. Я им обнаружить себя пока дать не мог – все ещё «болело», повторить ещё раз спасительное сокрытие греха с помощью коробки от «троглодита» не рискнул. Не проканал бы: наверняка Катька знала про мои «художества» в скульптурной мастерской, во всех подробностях. Метнулся под антресоль и затаился за кадками с фикусами и пальмами.

Остановилась сестра как раз напротив меня и роденовской скульптуры «Весна» по центру фонтана, и я заподозрил, знает, что я здесь, где-то прячусь. И с Хансом сюда вернулась неспроста. Кашлянул, но даже если бы и крикнул, она не отреагировала бы, сослалась бы на шум воды в фонтане.

Ну, проказница! Вытерла тыльной стороной ладошки мальчишке губы – себе нет – и, поцеловав взасос, умчалась

к гостям. А днём – отоспавшись, я пришёл в зимний сад за забытыми «троглодитами» – застал здесь Ханса одного. Он, обняв, прижав к груди под подбородком книгу, не отрывался от мраморных тел юной пары, целующейся под падающими на них струйками воды. Крепче прижимал книгу и в мечтах прикрывал глаза. Завидев меня, вспыхнул лицом. Сунул за чем-то мне в руки «Брамса», попросил «Не рассказывай Гадюке» и, нырнув в пальмовые заросли, неуклюже натыкаясь на кадки, убежал.

Коробок с вертолётками я на месте не нашёл. Зашёл к Катюшке отдать «Брамса». Сестра лежала в кровати и обтирала ладошки занавесью балдахина.

– Суженый забыл, – протянул я ей книгу.

Катюшка зевнула, пропела «Вот спасибо-хорошо, положите на трюмо» и накрылась одеялом с головой.

Я хотел бросить книгу на коврик на полу, к тапочкам, но коврика на месте не оказалось, а тапочки обнаружил на тумбочке рядом с пустой коробкой из-под пряника.

– Не стошнит? Ты же в тесто пряника помочилась, – бросил книгу я на одеяло с крошками. – Вернула Хансу книгу и забрала свой пряник?

Катюшка вытянула из-под одеяла руки, потянулась и огрызнулась:

– Какое тесто? В лавке за углом школы купила.

Икнув, отпила из бутылки, из которой поила меня с Дамой шартрезом.

– Не чача, вместо шартреза? – съехидничал я.

– Гоша, фас! – вяло приказала сестра попугаю и снова накрылась с головой.

В углу, куда меня загнал попугай, я, отбиваясь от птицы, обнаружил мой и Дамы подарки, без коробок. Поспешил в зимний сад испытать и оставить себе исправную модель, так на удивление обе полетели. Вернулся в комнату Катьки, та посапывала в постели, и Гоша в клетке тоже спал. Под ковриком за платяным шкафом нашёл обе коробки, отвёртку, плоскогубцы и кое-какие внутренности «троглодитов», выпотрошенных сестрой. Лишними оказались.

* * *

В мае к всеобщей радости госпожа Вандевельде забеременела и папаши помирились. Переполоху было! Я подозреваю, ещё и ссорой расстроенный, отец откладывал покупку мне вертолёта. Теперь вот, когда парубок у меня есть, мои, отца и Катькины штрафы могли обернуться если не продажей вертушки, то экономией на керосине. С этим невесёлым предвидением я встал с подоконника и направился к себе. По пути через зимний сад спрятал «Брамса» за кадкой с пальмой – подумал, пусть поищет.

К ужину в столовую я не спустился. Заперся у себя в спальне, включил старенькую магнитоу, лежал на тахте и смотрел в потолок. Думал о том, что дела мои из ряда вон плохи.

И ждал.

Не долго.

В дверь постучали. Выдержав паузу, я убавил громкость магнитолаы и прислушался. За дверью скулили:

– Фра, это я... Твоя сестрёнка несчастная... Фра, слышишь? А?

Явилась – не запылилась.

– Фра... Ну, так ты слышишь? Я знаю, ты там: громкость убавлял, – звала Катька жалобным голоском.

Ругал себя за оплошность: не сбавлял бы громкость, постояла-постояла, подумала бы, что меня нет в спальне, что я в своём «закутке» наверху, и ушла бы восвояси. А теперь не отстанет. Оставила бы ты меня сегодня в покое, «сестрёнка несчастная».

– Я тоже к ужину не спускалась. Знаешь, я решила четыре дня за стол не садиться, ничего не есть: столько раз папа в меня своим лаптем попал. Ремнём хотел отстегать, да Цезарь, молоток, вырвал и уволок. Спряталась в парнике. Залезла в кадку, крышку надвинула, а папа, представляешь, разыскивая меня в огуречнике, включил подачу воды – думал, не найдёт, так хоть польёт грядки. Я бы выстояла, дыша через отверстие – в доске крышки есть сучок пустой, – так Гоша, балда, продал. Он охотился в парнике. Вода набралась до краёв кадки, эта продажная шкура уселась на крышку рядом с дыркой, и давай глотку драть: «Катькатолстаякатькатолстая». Откроешь, увидишь, как губы мне исклевал, гад. Хочешь сэндвич? Твой любимый, мамино приготовления

– с телятиной... Спаржей и артишоками – я украсила. Аромат стоит – закачаешься. Булка – «французская», и длина её... пока ещё больше папиного лаптя. Возьми, не то съем, – предлагала Катька с полным ртом.

Жалко, что не двадцать раз, и лаптем – ремешком, оно бы поэффektivней было бы. Больше бы дней голодала – больше бы похудела, злопыхал я. Сестра боялась потолстеть. Съест чего-нибудь, и канючит, наступая всем домашним на пятки: «Толстая я? Ну скажи, толстая я». Бог миловал, и только в самое последнее время стали замечать, что, действительно, Катька начала и есть уж слишком много, и полнеть. Ломанёт кусок пирога, и бегаёт за всеми с приставаниями: «Толстая я? Ну скажи?». Мама мудро разубеждала: «Да ты ешь, что тот цыплёнок». Я – убеждал: «Да ты ешь, что тот цыплёнок – толстеть и перестанешь». А отец язвил: «Съела пряник, твой подарок Хансу, потому и толстая. Только он тебя такую и возьмёт замуж».

– Так хочешь лаптя?

– Нет. Не мешай, отдыхаю, – не выдержал я.

Промычала что-то с полным ртом, прицмякнула, – мне захотелось есть. Чтобы не дать сестре успеть дожевать и развязать язык, поспешно спросил:

– Что отмочила, за что штрафанули?

– Знаешь, я знаю, что с тобой в школе приключилось...

В скульптурной мастерской, – зашептала Катька в замочную скважину.

Вот, за тем ты и пришла. А то – «сестрёнка несчастна», братишке «лаптя» со спаржей и артишоками принесла.

– Марго дома за обедом рассказала, Мальвина мне позволила, пересказала... Больно было?

Началось! Дождался!

– Слушай, не хочу я сэндвича. Вали к себе! – отрезал я, и добавил звука в магнитоле. Звучала какая-то джазовая пьеса с солированием ударных. – Топай под барабаны!

– Ладно, я пойду, – сразу к моему удивлению согласилась Катька и добавила, спросив: – Сэндвич оставить... под дверью? Булка... С телятиной была, спаржа и артишоки остались.

– Убирайся со своей булкой! – разозлился я, без всякой веры в то, что уйдёт – затаится под дверью, подслушать с кем и о чём буду говорить по сотовому. Но за дверью слышались скорые шаги по ступенькам, Катька как будто спускалась с антресоли.

Посмотрел время. Часы над тахтой, вмонтированные мной в ячейку подвесного потолка вместо светильника, показывали:

20. 4

А это могло быть и так, но могло быть и 20.04, но и 20.14, и 20.24, и 20.54 – третий цифровой индикатор не работал. Часы старинные, произведённые ещё на заре внедрения электроники. Мама купила в антикварном магазине в подарок ко дню рождения отца, ещё до их свадьбы. Таких часов

теперь не делают. Прекрасная вещь: неисправность индикатора выручала, когда проволынивал с пробуждением утром в школу, или уклонялся что-то сделать ко времени. Мать потребовала, чтобы убрал эту архаику совсем и пользовался часами и будильником в сотофоне. Я на это среагировал пионерским заявлением: дескать, эти часы дороги мне как подарок первому строителю стройки веков. Отцу понравилось, и часы остались на месте. Как-то написал о них в сочинении на вольную тему. Со скрупулёзным разбором и анализом всех деталей и мелочей описал как старинные часы «ходят по потолку над тахтой». В заключение поправился, заметив, что не могут электронные часы «ходить» – могут только «хронометры механические». Получил отметку «два»: не понимает учитель русского языка и литературы шуток; кстати, он – сосед Вандевельдов по лестничной площадке, сын старика-чеченца.

Часы есть ещё в туалетной комнате при спальне, но вставать лень. А надо бы узнать точное время – в полночь разборка с Батыем, приготовиться предстояло. Все мои личные средства связи в спальне – викам и сотофон – отключены мной совсем: боялся, что позвонят с «соболезнованиями». С сотофоном сделал это ещё в момент связи с Плохишем. Позвонив мне, Стас промямлил «прости». Батый и он, дескать, признают свою неправоту и готовы публично принести свои извинения. На что я ответил шёпотом, отвернувшись от отца запускавшего двигатель парубка:

– Нет! Я вызываю Батыя! Разборка. Без оружия, на одних кулаках. Ни фиги! На условиях моего ультиматума: драться будем одними ногами со связанными за спиной руками! Понял, Плохиш?

– Я этого, Покрышкин, ожидал. В таком случае, Батый просил передать, от секунданта не отказываться. Пойми...

Договорить Плохишу я не дал – прервал на полуслове и заблокировал сотовый. А дома у себя в спальне отключил от питания и викам. Трезвонил с порога, но я не ответил. Теперь вот отрезан от мира, ни одна душа меня не потревожит. До понедельника.

Во всяком случае, прикинул я, до начала разборки не меньше трёх часов – можно часок другой отдохнуть. Сбросил кроссовки и вытянулся на тахте. Расслабился. Взгляд сконцентрировал в центр индикатора с чуть просматриваемыми – не горящими – палочками от цифр, сосредоточился на перемычках, руки и ноги налил свинцом... и отрешился от всякой мысли. Этому меня тоже научил дядя Франц.

Когда я уже «плыл» не чувствуя тела, с «чёртиками» в пудовой голове, и работавшую цифру «0» сменила «1», вдруг откуда не возьмись прозрение:

– А кто мне руки свяжет?!

Я напугался собственного вскрика, меня пробил холодный пот и я вскочил с тахты.

– Секунданта у меня нет! Стало быть, некому... Какой же я глупец! Батый – тот, должно быть, сразу сообразил.

Я лихорадочно думал. Вышагивал от тахты к двери и обратно, нервно срезал кулаком по ладони – поспевал за обрушивающимися на меня деталями озарения. Батый, конечно, в праве перед Комиссией и публично обвинить меня в заведомом умысле уклониться от поединка. Мне вменяют сознательную уловку невозможности выполнить мной же требуемые условия, дескать, специально – с целью «свинтить» – придумал колоться ногами и от секунданта отказался. Но это полбеды. Я вообще выйти на арену не смогу – рук мне связать некому: от секунданта отказался! В понедельник мой эксгибиционизм будет казаться мелочью в сравнении с тем позором, что меня ждёт. Ягодки как-то переживу, цветочки впереди маячили.

Я упёрся горячим лбом в стену и зажмурил глаза. Возникли предстоящие картины глумления: первоклашки и второклашки безнаказанно тычут указательным пальцем мне под вздох. Мелкота устроит бесконечную очередь по кругу: им развлечение и тренировка – мне позор. Никакого прохода от них не будет. Вот это будет стыд! Спасение одно: носить женские гипюровые перчатки. До тех пор, пока особым решением большинства комиссаров-наблюдателей это наказание с меня не будет снято. Надеяться же на то, что когда-нибудь это большинство наберётся, мне – Покрышкину, дуэлянту с рейтингом 47:4 в «благородных дуэлях», 28:2 в «разборках» и 8:1 в «разборках у Полярника», просто неразумно. Меня лишат прозвища, и обращаться станут исключительно

по фамилии. Сатисфакции требовать я буду не вправе! Актёром «кино» буду только на вторых-третьих ролях. Пассажирское место моего парубка ни одна девчонка не захочет занять. Не будет у меня напарницы и «купцом уважаемым» не стану.

Я метался по спальне:

– А ведь, наверное, многие из моделаторов допёрли! Истребитель, точно. Его туманное «его проблемы» в переговорах по сотовфону с Плохишом? Стоп-стот-стоп! Стас на вертолётной площадке что-то ещё хотел мне сказать, перед тем как я отключал сотовфон. Наверное, и сейчас трезвонит, да мой бездействует. И по викаму он звонил, предупредить хотел. С соседнего ведь хутора – мог бы и прибежать.

Я бросился к жилетке за сотовфоном, затем к магнитоле. Включил, громкость довернул до половины, чтобы Катька не подслушала и не мешала говорить со Стасом. Набирал номер, услышал стук в дверь.

Так и есть – не спускалась к себе. Промолотила ногами по ступенькам для вида, теперь, когда время Леночку укладывать, молотит по двери. А может быть, Стас прибежал, – предположил я и, оставив сотовфон на тахте, вернулся к магнитоле.

– Чего тебе? – спросил я, не отпирая двери.

Катька молотила методично – пятками. Задницу в ход не пускала – лаптем ранена. Скулила:

– Ну, Фра... Ну, Фра.

– Чего тебе? – громче повторил я.

– Ну, Фр... Сколько тебе стучать?! Мама уже снизу отругала. Леночку укладывает. Хорошо, отец на поливе. Батый тебе звонит. Твой сотофон сломан? Открой и возьми мой. Батый ждёт.

Я без звука провернул блокиратор замка и тихонько – на себя чуть – приотворил дверь. Стояла Катька ко мне спиной, в одной руке держала надкусанный ломоть яблочного пирога, в другой – сотофон. Пирог был повернут повидлом и «косячками» к полу, и удерживала этот «лапоть» двумя только пальцами, причём. опасно близко от бигудей в волосах. По обыкновению я бы дал ей лёгкого пинка под зад, нацеливая в сторону винтовой лестницы, но меня привлёк рисунок на её пижаме: по розовой атласной ткани нарисован не то слон, не то поросёнок, причём видом со стороны задницы задранной выше головы. Из-под поднятого хвоста вылезало наружу что-то схожее с сардельками и воздушными шариками – эти плоды художественной фантазии сестры простирались по рубашке очередью от поясницы через спину к плечу.

Врезавшись мягким местом мне в колени, Катька не сразу повернулась лицом – вскрикнула, почесала «штампы» лаптем на ягодицах и откусила от пирога. Я собрался сказать спасибо за беспокойство, пообещать ананас и прогнать, но благодарное слово было мной проглочено: и спереди на пижаме красовалась та же задранная задница, только видом со стороны морды. Не слона и не поросёнка, прозрел я, – бе-

гемота. Голова лежит на лапах, скрещённых под массивной челюстью в идиотской улыбке.

Катька взидала на меня снизу вверх выжидающим взглядом лупатых синих глаз.

– Я бы тебе по «умному дому» позвонила, но у меня викам сдох. Майского жука запустила под кожу, он и сдох. Жук тоже. Починишь? – быстро проговорила сестра явно заготовленную фразу. Протянула сотофон, откусила от пирога и жевала зычно цмякая – так подавляла, по всей видимости, распиравшие её позывы засмеяться.

Я тут же заподозрил, что Батый не звонит, а просто в очередной раз хочет меня достать. Уверенная в том, что сам я после случившегося в школе звонить Хизатуллину не буду, отвергнется: звонил, скажет, но не дождался моего подключения. Ананас ещё потребует за услугу.

– Мой сотофон отключён. Отдыхаю, мать. Викам твой починю, когда врать прекратишь: какие майские жуки на острове в мае. Хотела свои художества продемонстрировать? Потрясно. Конгениально. Навозу от... кабана море будет. Теперь топай отсюда. Ананаса не получишь, Батый мог со мной связаться и по викаму, – отшивал я сестру.

Закрывать дверь Катька не дала: была начеку, и опередила меня, ступив в дверной проем. Уверяла, всовывая мне в руки сотофон:

– Нет серьёзно, вот возьми, послушай!

Я не брал, скрестил руки на груди в полной уверенности в

том, что сейчас последует. Как и ожидалось, Катька, хмыкнув, приложила сотовый телефон к уху. Потрясла, дунула в трубку. Состроила для меня невинными глазки.

– Отключился! Не дождался, должно быть... Я наберу?

– Катись колбаской, сегодня ананасов не подаём. И привет майскому жуку!

С этими словами я попытался вытеснить дверью сестру на антресоли, но та, скорчив обиженную гримасу, упиралась и распалась:

– Да, правда! Звонил. Вот те крест! – Перекрестилась пирогами. С бигуди на чёлке свесилась, прикрыв глаз, веточка сельдерея от съеденного давеча сэндвича, Катька, пыхтя как паровоз, пыталась веточку сдуть. Не добившись этого, сняла, подцепив сотовым телефоном, и отёрла аппарат о пижамные штаны. – И про майского жука, правда! Марго разводит дома. Мальвина стащила и подарила мне двух. Одного я сегодня в школе засунула в рот, когда меня вызвали отвечать. Бактерию и замутило. Ты же знаешь Веру Павловну. Я немного сдрейфила и открыла рот, чтобы достать жука, а он возьми и вылети. Прямо – балда – в Бактерию врезался... В бюст ей.

Вера Павловна – завуч школы и преподаватель химии, ученики её звали Бактерией. Женщина с причудами: носила, не снимая, перчатки, руки при ходьбе и на уроке прятала в муфту на резинке по плечам, не прикасалась ни к чему в школе. Двери открывала ногой, а закрывала, ухватившись за дверной косяк, причём не за тот, на котором ручка,

а пристенный с навесными петлями; что удивительно, проделывала это без видимых усилий. На спор одному Батью входные в класс двери так вот удалось осилить. До стакана и графина на кафедре не дотрагивалась. До того была брезгливой, что в лица своим ученикам не смотрела – опасалась увидеть под носами сопли. Некоторые мальчишки специально их носили в надежде, что Бактерия всё же заметит. А тут, представил я себе, из Катькиного рта вылетает майский жук, мокрый от слюны, и слёту ей в бюст. Как и брезгливостью, бюстом своим Бактерия славилась на всю округу. Маленькая, худенькая, казалось, не ходила по школе, а носила эту свою удивительно несоразмерную часть тела. Иная женщина бахвалилась бы такой, Бактерия же стеснялась – прикрывала вологодскими кружевами. Что удивляло, юбки и платья носила короткие, чересчур, выше колена. Идёт, казалось, по школьному коридору старшеклассница-подросток, если бы не одна-одиошенька без подруг и не эта знаменитая грудь.

– Бактерию, прикинь, чуть не стошнило, – продолжила Катька. – А тут как раз Квартальный с отцом входят. Дядя Ваня прямо с порога на ходу: «Детки, вам понравились огурцы и помидоры господина Курта – папы вашей Катеньки? Эти овощи он выращивает с применением натурального навоза». Бактерия – перчатку ко рту, за носовым платком полезла. Дядя Ваня – к кафедре, и остановился прямо на жуке, не расслышав хруста. Этого Бактерия – она услышала – не выдержала, стошнило её через платок фонтаном.

Папа успел оттащить Дядю Ваню в сторону... Второго жука, прикинь, думала поселить в викаме, я тебе говорила. Сунула под кожух – там и закоротило. Помер. Жалко бедняжку. А за Мальвину боюсь: ей от Марго может влететь. Починишь? – И не дожидаясь моего ответа, уже шёпотом, заговорщицки, добавила: – У тебя будет разборка с Салом? Отделай его: он противный. Знаешь, Марго в него влюблена. А Батый от неё без ума. Представляешь, он через меня с Мальвиной ей послание передал. Конверта мы не вскрывали, но, похоже, там стихи были. Любовные. Чеслово.

Я перезаложил скрещённые на груди руки и опёрся спиной в косяк дверного проёма, предусмотрительно ногой преградив Катьке вход в спальню. Надо было дать ей выговориться и навраться, потом пообещать ананаса и выпроводить. Батый, может быть, действительно звонил; инцидент с майским жуком и Бактерией, надо полагать, всё же был – за это схлопотала от отца лаптем. Про то, что Марго в Батыя влюблена – врёт. А уж про то, что Батый без ума от юродивой и стихи там какие-то написал – давно врёт. Да случиться такое может, когда рак на горе свиснет, у суслика кит родится. Но кто другой додуматься бы до такого мог, представить себе такое! Восхищённый, я пожалел даже, что ананаса не осталось, за завтраком весь съел.

– А я не люблю толстых, – не унималась Катька, тут же откусывая от пирога, – ещё в детсаде Хансу говорила, если останется толстым, не выйду за него. Так он с каждым годом

все больше распухал. Мне на зло, так не хочет на мне жениться, как будто я всеми фибрами за замужество. Прикинь, в последнее время худеет – это от того, что влюблён в меня по уши. Хиреет бедняжка.

Катьке, несмотря на то, что была настоящим сорванцом, прочили завидное будущее. Чуть ли не с пелёнок рисовала кукол и наряды всякие им придумывала, сейчас моделированием одежды занималась, если не профессионально, то талантливо. Хотя ни одну, насколько я знал, «сочинённую тряпку» сама своими руками не материализовала – шила (ей и себе) Мальвина. Ходили по школе в нарядах одинаковых, как близняшки. Они и в самом деле очень похожи друг на друга, только одна – красавица-хохотушка, другая – милый пострельш. Рисовала тряпки не на компьютере – плакарами и цветными гелевыми ручками по бумаге. Особенно удавались ей эскизы лейблов и карлеток, по рисункам которых, уже на одежде, вышивала Мальвина. Я свою куртку – настоящую, военного вертолётчика (дядя Франц подарил) – доверил на полную её волю художественного воображения, так она с великолепной детализацией изобразила по спине несколько боевых вертушек самых последних моделей, летать на каких, я только мечтать мог. Изгалялась. Это уже и по тому видно, что вышивала те вертушки не Мальвина, а сама лично, и затребовала за работу аж двадцать ананасов. Я не соглашался, предлагал штуку, сошлись на трёх. Кстати, парубки на злополучных джинсах с фланелью – её вы-

шивка. Я возмутился, почему на места колен помещены. «А оригинально, на ягодицах банально» – ответила. Осень, зиму и весну вышивала, сегодня, чуть ли не летом, надел в первый раз – обновил, так сказать. Все, и родные, и поселчане, думали, если не известной, то, во всяком случае, знаменитой модельершей на Новой Земле станет. Если, конечно, вернётся сюда после учёбы на материке. Катька нисколько никого в том не разубеждала. А с месяц назад я случайно попал в её «закуток». Сестра с семи лет установила «заступ» перед дверью своего «закутка» – этого личного помещения в доме; сама виновата – дверь на веранду оставила открытой. Здесь я узнал, что все помыслы и устремления Катькины связаны вовсе не с «тряпками», с Космосом. Вместо обычного бедлама в спальне, в закутке царили порядок и необычайность в оформлении интерьера. Стены и потолок сокрыты чёрной тканью, натянутой от потолочного фонаря до полу по замкнутому от входа кругу. По ткани россыпь светодиодов – звёзды. Некоторые созвездия я узнал. С теми, что заглядывали через потолочный фонарь, они составили в интерьере закутка ночной небосвод, наблюдаемый где-нибудь среди поля. В центре помещения располагались стол с «НР-персоналкой», подключённой к ресурсам моего «РО ТУ», и станина с телескопом в тысячу крат. От экрана включённого монитора гуляли отсветы по никелированным частям кресла. К своему изумлению, в нём я узнал зубоврачебное кресло, которое прошлым летом при странных обстоятельствах исчез-

ло со склада сельпо. Катька украла? И как вообще смогла эту махину сюда в закуток тайно доставить? Предположил, дядя Франц купил и подарил. Словом, всё в закутке выдавало то, что интерьер Катька преобразила в космическое пространство с импровизированной рубкой управления звездолётом. Я ещё тогда подумал, что всё это так – детская забава-однодневка. Эйфория от побед в освоении землянами Марса и Венеры давно прошла, к звёздам ещё не летали. Да и никогда сестра на людях не проявляла внимания к чему-либо космическому. В спальне у неё по стенам ни одного портрета женщин-космонавтов, а только, как обычно, у девчонок её возраста, рип-певцы и стэп-гуру. Скоро случай закрепил моё открытие. Как-то сестра не вернулась со всеми домой в школьном автобусе (я в тот день последние уроки прогулял), маме позвонила предупредить, что будет на занятии в стэп-клубе, сама же оказалась в поселковом планетарии и просидела здесь до закрытия. Мне позвонили братья Карамазовы, они маму, служащую планетария, поджидали у ресепшена, Катьку и увидели. Мне звякнули, удивившись тому, что администратор выдал сестре пласткарту доступа в тренажёрный отдел космических полётов, туда не всякого лётчика пускали, вертолётчиков, разорителей Колизея, подавно. Я примчался и не без помощи братьев и их мамы договорился – дежурил за мониторами охранной сторожки старший брат Доцента – проследить за сестрёнкой. Затребовал тот же файл, что она заказала. Ни черта не понял. Тупо взирая на бесконеч-

ные колонки из цифр, я ещё засомневался – подумал, Катька с тренажёрным отделом всё подстроила – спровоцировала мою слежку и теперь водит за нос. Но, когда проследил её подключения к имитаторам, понаблюдал за тем, какие астро-навигаторские ребусы разрешала в пилотировании звездолётом, в тренажёрку к которым доступ не всякому курсанту Академии Роскосмоса возможен. Конечно, возникло подозрение в профанации всего происходящего – очередная Катькина афера, сотрудники планетария в сговоре с ней. Запросто могла совратить, как то, должно быть, случилось с товароведом и продавцом сельпо, что зубоветеринарное кресло для закутка ей добыли. С этими понятно, эскизами «тряпок» своих соблазнила, с сотрудниками планетария наверняка повозилась: все как одна – старушки-одуванчики, даже та что за стойкой ресепшена: им мода не интересна когда созвездиями, да пилотами звездолётов с юности увлечены. Я отмёл все сомнения и пришёл к выводу: Хансу с его скрипкой места в Катькиной жизни не будет, замужество было помехой в осуществлении сестриной мечты. Врёт. Я-то знаю – по другой совсем причине Ханс получил отворот.

Как только Катька закончила излагать «свои личные домыслы» по поводу того, почему подавляющее число разных животных худы, а, например, бегемоты – толсты, и открыла рот откусить от остатка пирога, я снова попытался её прогнать.

– Всё? Иди, жуй к себе. И подправь бегемота: в пасти у

них не лошадиные зубы, как ты нарисовала, а клыки... чтобы была возможность питаться салом своих собратьев-бегемотов. Мочат и солят их в болоте. Маршака помнишь: «Тащили бегемота из болота».

– Чайковский автор, браток, – уличила меня в ошибке Катька, – и писал он так:

– Ах, нелёгкая это работа из болота тащить бегемота.

На что я немедленно отреагировал:

– Автор – Корней Чуковский, а Чайковский – великий русский композитор. Классическую музыку надо знать, сестричка.

Не упуская интеллектуального превосходства, я вытолкал упиравшуюся Катьку на антресоль и закрылся на замок. К двери ближе, будучи уверенным в том, что сестра осталась подслушивать, придвинул магнитола. Добавив чуть громкости, покрутил рукоятку настройки каналов, проскочил и вернулся к звукам виртуозных каскадов фортепьянных опусов. «Может быть, музыка Брамса» – порадовался я такой удаче и ещё подвернул громкости.

Подключая в сотовом телефоне и викаме ячейки Батя и Плохиша, решил подождать пять минут и, если никто из них сам не выйдет со мной на связь, позвонить Стасу. Зуммер вызова зазвучал тут же, но звонили мне по «умному дому», домашней внутренней связи. Катька наверняка. Надоело слушать Брамса, вот и решила проделать очередную попытку заработать ананас. А возможно и мама: магнитола мешает Ленокке

уснуть. Но звонил отец. Сидел он за компьютером в тепличной конторке, увитой огуречником, щурился от дыма сигареты и бегал пальцами по клавиатуре.

– Ты слушаешь Брамса? – бросил он на меня взгляд из-под полей великолепной чешского фетра белой шляпы – подарка Дяди Вани в день и в знак их примирения, великолепней той английской, что преподнёс другу у ёлки в Рождество.

– А это Брамс? – спросил я и быстро придвинулся к викаму с намерением закрыть собой у отца на экране местонахождение источника фортепьянных звуков. Станным ему показалось бы не моё увлечение Брамсом, а магнитола у двери, хотя и не на всю мощь включённая, но прислонённая своей акустической панелью к двери – в час, когда Леночку укладывали спать.

– А разве не Брамс?.. Не громко? Мама Леночку присыпает... Ты не знаешь, где Катька могла достать майских жуков? – Отец, сосредоточено проводя какие-то расчёты, в экран викама не смотрел. – У неё их было два... Первый мне стоил в тысячу триста монет, не знаешь, – где второй?

– Помер, – лаконично ответил я. Мне стало не по себе: тысяча триста!

– Точно знаешь?

– Точно, – заверил я отца и про себя подумал, а жив, любой ценой у Катьки выманить и умертвить.

– Я тебе чего звоню... В понедельник по утрам – со школой я договорился – полетим в управление «гибэвэдэ»... Паруб-

ка персонализируют... Не ешь ничего острого и пахучего... Ногти почисть, придумай себе мину выражения лица... Запомни у зеркала. Ещё – экзамены... Готовься. За пилотирование я спокоен, но вот воздушные знаки... Вот она... Вот ошибка! Исправить как?

Обрадованный удаче в проверке расчётов, взволнованный, отец снял шляпу и почесал по тубетейке. Как и Дядя Ваня к шляпам, какие носил и после как сделал подсадку волос на лысину, отец за время ссоры с другом привык к этой самой тубетейке. Подчёркнуто её носил, выбросив все шляпы, ранее ему подаренные. На помойку угодили и галстуки от Дома Кроля, которые закупил впрок, дарить Дяде Ване.

– Поубавь звук, – напомнил мне родитель, отключаясь.

И тут же подключилась мама, она прошептала:

– Франц, нашёл время Брамса слушать. И зачем так громко? Леночка проснётся.

– Мама, я сейчас же убавлю звук, – пообещал я. Того, что и она могла увидеть магнитоу у двери, я не опасался: звонила на мой викам с сотофона, без функции видеоряда. Брамса музыку узнала, она может – в консерватории училась.

Отключилась. Я в полном недоумении поспешил к магнитоле. Звук мной был установлен не настолько сильным, чтобы с третьего этажа, да ещё через дверь, музыка была слышна в зимнем саду первого этажа. В фикусах птички поют, в фонтане вода журчит – должны отвлекать от звуков с антресоли. У меня возникло подозрение, и я, не трогая магнито-

лы, осторожно провернул щеколду замка и тихонько приотворил дверь. Так и есть, Катька.

У ног сестры прислонённым к порогу и ларингофоном прижатым к двери, предположительно в месте нахождения по ту её сторону магнитолы, лежал мегафон. Колоколом был направлен в сторону листьев фикуса, по колоннам антресоли «приползшего» из зимнего сада на мой третий этаж. Брамс, прилично усиленный мегафоном, устремлялся по фикусу вниз к фонтану, к целующейся в нём парочке Родена. Засранка! Просто пенделя дать – мало, и я снял решительно кроссовку.

Катька стояла ко мне спиной, чуть согнувшись и присев, придерживала колокол мегафона, в другой руке держала бутерброд. Тянулась к нему ртом, языком пытаюсь подхватить свисавшую поверх масла длинную филейную полоску осетрины. Ничего не слышала и не замечала. В пику медленным фортепьянным аккордам она пыталась выдать рэп: «Тим-трим-тум-бум». Мотала головой в бигудях и отбивала тапочкой по полу, совсем не в такт ритму. Другая нога в одном носке украшенном дыркой, явно специально вырезанной под большой палец. Позади сестры в листьях фикуса сидел Гоша с открытым клювом – слушал и запоминал. Взгляд отвёл в сторону, скосил глаза: попка недолюбливал меня за то, что в его разборке с бойцовским вороном Доцента занял сторону противника – успел открыть тому форточку.

Рубаха Катькиной пижамы теперь была надета задом на-

перёд, рисунок поправлен. У бегемота – а то был, несомненно, бегемот – глаза скрыты пенсне с черными стёклами, в широко раскрытой пасти – четыре клыка с распятой на них толстенной жабой. Нарисовано было так выразительно отталкивающе, что я поморщился. Катька задницей виляла, но я бы кроссовкой приложиться не промахнулся. Да вспомнил, что ещё предстояло дознаться о судьбе второго майского жука. С сожалением остановил себя. А какой бы этой «не каменной попе» был довесок кроссовкой против папиного лаптя! Гоша посмеялся бы. Недолго и не злобно: Катьку он обо-жал.

Я нагнулся и осторожно несколько раз нажал на одну из кнопок мегафона. Звук убавлялся, но сестра и этого не слышала: осетрина была вкусной, а классическую музыку она в упор не слышала.

Раздался зуммер сотофона. Я осторожно прикрыл дверь – так, чтобы щеколда замка не сработала, и устремился назад к тахте. На сей раз звонил Батый.

Я не сразу понял, что он так здоровался:– Добрый, – услышал я в трубке. Голос совсем не юноши, мужской.

– Ты это о чём?

– Вечер – добрый.

– А-а. Ну, это кому как.

– Я звонил тебе, потом твоей сестре. Ждал ответа, но пришлось на время отключиться: отец с Квартальным воспитывали. Ждём: на связь с нами выйдет моделатор нашей раз-

борки Истребитель... Ты догадался, сообразил?

– Конечно.

– Подляна, конечно. Но получилась случайно. Ты не думай чего, маху мы с Запрудным дали. Я хочу предложить тебе выход из положения.

– Если мировая – так это не выход.

– Я понимаю. Стас выдал идею. На поединок мы выйдем в костюме с пустыми рукавами, руки заведены за спину. Ладони склеим двусторонним скотчем. Сами склеим, как только наденем имитативные костюмы, и спать уляжемся – прежде чем войти в «поту». Истребитель, я думаю, поддержит.

– На этом и порешим.

Я согласился с изумлением: говорил Батый с интонацией, не вызывающей сомнений в том, что в подлости обвиняет самого себя. И даже обычной надменности не было в его голосе.

– Все у тебя?

– Ты говоришь тихо и шепотом: что случилось?

Я не только поздоровался с Батыем неловко, но ещё и говорил шёпотом, подсознательно опасаясь, что Катька за дверь услышит наш разговор. Смущённый, брякнул:

– Мама Леночку укладывает.

– А, так ты не у себя в спальне. Сестра уверяла, что там, а она под дверь и ты её не впускаешь.

Вот сморозил, отругал я себя и соврал:

– Поднимаюсь к себе, в низ сходил Леночке пожелать доб-

рой ночи. А Катьку ты знаешь, она и приврать может. Так всё у тебя?

– Давай поговорим.

Просьба последовала поспешно, вырвалась сразу за моим вопросом: Батый явно боялся, что не успеет, что отключусь.

– Ладно, давай.

– Подключимся к викамам?

– Давай.

Прежде чем подключить к связи викам, я к пульту дистанционного управления подсоединил сотовфон с установкой режима на запись и спрятал гаджет за боковым валиком кресла – так, чтобы Батыю была не виден. У меня оставалась возможность управлять устройством лучом, отражённым от потолка. Что мне в голову взбрело? Решил записать наш разговор. Замечу, этот поступок впоследствии отразится на судьбе героев моих воспоминаний.

Только я сел в кресло, как запахнулась дверь. Катька открыла задницей. На ногах устояла бы, если бы не магнитола. Поднялась резво, с возгласом: «Ой, упала!». Бутерброд, упущенный в падении, лежал на ковре, развалившись на две составляющие – булка с маслом и филейная полоса осетрины. Катька подняла булку – естественно, упавшую маслом вниз, – прилепила рыбу к маслу, отнесла и положила на стол. Убрала за собой! Что-то в лесе сдохло. Подошла, вытащила что-то изо рта и протянула мне. На ладошке лежал майский жук, вверх лапками, помятый с виду – брюшко в «бели».

– Оклемался?

– Фра, я солгала, в викам я жука не совала, – в захлёб со- знавалась Катька, – от папы в носке прятала. Дырку проде- лала, чтобы дышать мог, так выполз в неё. Балда. А я, по- нимаешь, рэп била – ну, и придавила нечаянно... Обещала Мальвине вернуть. Знаешь, какая Марго зверь? Она своих жучков-паучков – у неё даже тараканы есть – пересчитывает на ночь. Мальвина просила хотя бы этого вернуть... А он, видишь, концы отдаёт. Может, сможешь починить? А?

Слезы в лупатых глазах сестры неподдельные: с Мальви- ной они – подружки закадычные, подвести не могла.

Взял жука за лапку. Покрутив, осмотрел со всех сторон и, поцокав языком, заключил с компетентностью врача-реани- матора:

– Сожалею, мадам.

– Да он дышит.

– Концы отданы, мать.

– Но у него лапки шевелятся.

– От сквозняка, мать, от сквозняка. Дверь за собой надо закрывать... Какого чёрта на пороге твой мегафон валяется! Убери! И Гошу, попку, своего прогони, не фиг мне в спальню подсматривать.

Пока сестра убирала с порога мегафон, закрывала дверь и звала попугая, я воспользовался моментом – подошёл к окну и выбросил жука в форточку. Упал куда-то под окна. Оклемается в траве, подумал я и вспомнил, что обещал отцу

постричь этим вечером лужайку.

Салават в экране викама наблюдал за нами. С явным интересом, без своей всегдашней надменной ухмылки, что меня удивило: было бы к месту.

Увидев, что я отряхиваю руки, Катька всё поняла и набросилась с криком:

– Выбросил! Да жук ещё жив был, я чуть только придавила пальцем! Марго убьёт Мальвину!

Я представил себе картину происшествия: Катька откусывает от бутерброда, извивается в танце под «тим-трим-тум-бум», а в это время майский жук выползает из дырки в носке, падает на пол и попадает, несчастный, под рэп-притоп. Гоша, жука увидел, заорал что-то, типа «наших бьют», и Катька запустила в попугая тапком. Паникёр ловко увернулся, но заткнулся.

– Жалко птичку. Меньше надо было рипаться. Раздавила. Будде Шакьямуни и Ламе ты на заметку, мать, попала. Не завидую, – посочувствовал я сестре и, плюхнувшись в кресло, уже серьёзным голосом старшего брата, спросил: – Зачем тебе это? Одного жука угробила, этого в носок сунула и раздавленного, труп в соплях, во рту держала. Неужели не противно?

– Я характер вырабатываю! Мне это... – выпалила Катька в ответ и осеклась.

– Зачем?! – подхватил я. И соврал: – В «нассо» при тестировании будущих астронавтов есть испытание продержаться

некоторое время во рту живого тарантула. Тренируешься?

Глаза Катькины вспыхнули с подозрением. В тот случай тайного посещения мной её закуска я в помещение попал с веранды, а выйти решил через дверь в коридор, поднявшись по винтовой лестнице. Ступил на последнюю девятую ступеньку... и загремел вниз. Стойки лестницы оказались подпиленными с расчётом выдерживать только Катькин вес. Сама она и подпилила. Мне повезло и не повезло: на шум прибежал с веранды дог Цезарь. Пса кто-то звал, мне показалось, что Катька. Предательски я оставил дога одного в месте моего незаконного вторжения во владения сестры: став псу на спину, взобрался на площадку перед входом в закуток и выпрыгнул в окно на кустарник лужайки. Дог хоть и носил имя неглупого Цезаря, остался сидеть на площадке, где Катька его и застала. После от мамы я узнал, что сестра в спортзале, положив Цезаря под плойку, допрашивала: «А ну колись, Фра был в моём закутке? Он лестницу сломал? Или ты?». Замученный Цезарь уже скулил, когда она жалилась, погнав: «А ну марш на весы! И молись, спасёт тебя твой вес больше моего». Псу повезло: с весов сошёл живым. Из спортзала прибежал ко мне, ползал у ног, облизывал мои тапочки – жаловался и гавкал – бранил за предательство. Я же, не знавший про допрос с пристрастием, недоумевал: «Да что ты хочешь?».

– Ничего такого про «нассо» не знаю! – подбоченясь, заявила Катька. – Щекотку люблю, особенно между пальцами

НОГ В НОСКАХ.

– Ну-ну. А как щекотка лаптем пониже пояса, по мокрой попе – закаляет характер? Знаешь, сколько стоят твои снайперские упражнения в химической лаборатории? Знаешь, каков штраф?!

– Как будто... твой монометаллизм в скульптурной мастерской оценили меньшим, – буркнула Катька и, убрав руки с боков, одёрнула на себе рубаху с бегемотом.

– Забирай мегафон, попку и иди себе подобру-поздорову, – сказал я резко, и добавил: – Мальвине позвони, пусть передаст сестре моё предупреждение, если тронет, останется с ником «Марго».

Дело в чём, прозвища у девчонок – ники. Имели их те ученицы младших классов, кто обладал персональным «НР», подключённым к ресурсам комплекса «РО ТУ». Как, например, моя Катька: отмечалась она ником «Клеопатра». В «кино» малолетки, разумеется, не снимались, на «благородных дуэлях» заполняли зрительские трибуны. У старшеклассниц, персональных пользователей комплекса «РО ТУ», ник заменялся логином, являвшимся и актёрским псевдонимом и радиопозывным контрабандистки. Причём, ники с женскими именами заменялись логинами мужскими – именами монархов, учёных, деятелей искусства, революционеров, знаменитых преступников, прочих исторических личностей. Случалось это с момента первого полёта в парубке на стену Колизея и означало то, что девчонка теперь – ак-

триса и напарница купцу. После удавшегося полёта (испытания) напарница сама выбирала и предлагала мужское прозвище, которое утверждалось голосованием мальчишек-купцов. В моем классе с детскими никами оставались только несколько одноклассниц, в том числе Марго и Дама. Сумаркова требовала называть её Марго и в реальной жизни потому, что Бог надоумил её папашу назвать дитяти Пульхерией. А Дама себе ником взяла своё имя. Больше половины одноклассниц-никоносцев к концу учебного года получили мужские имена. Три подруги Лена Жёлудь, Глаша Волошина и Изабелла Баба – знаменитых литературных героев Д'Артаньяна, Атоса и Портоса. Имя Арамиса оставалось зарезервированным за Дамой. Её в напарницы купцы не приглашали – Квартального остерегались, да и меня – объекта воздыхания – боялись. Сумаркова уже была и актрисой, и контрабандисткой, но замену прозвища Марго на Кастро ей купцы не утверждали. И всё потому, что обижала Мальвину. Они были сёстрами от разных отцов. Марго – с черными, как смоль, волосами, серо-зелёными глазами, высокая, худая. В обращении со всеми была холодна и даже подчёркнуто зла, прозвище Марго ей очень подходило. Нервная злюка, но девчонка очень красивая – старшеклассники увивались за ней. Вживую. В «групповухах» поучаствовать она предложений не принимала, поэтому звали полететь на стену, и летали в порядке ею установленной очереди. Мальвина же – белокурая красавица-хохотушка, её синие глаза излу-

чали приветливость и просто влюблённость во всех и во всё кругом. Со сцены изумительно читала Цветаеву, других поэтов, и до удивления мастерски танцевала степ. Любимица – не только нашего Отрадного, но и соседних поселков. Свою неприязнь к Мальвине Марго никогда не скрывала, напротив, демонстрировала с какой-то нездоровой страстью. Случалось и рукоприкладство. Повзрослев, несколько поостыла, теперь своё нетерпение от присутствия сестры выдавала полным к ней безразличием. Но логина Кастро по-прежнему ей не утверждали. Многие её попросту побаивались: она прямо заявляла, что мальчишек ненавидит. Вызывала «паскудника» на «благородную дуэль» и шпагой, сев верхом на шею мальчишке, зажав в коленях его голову, укорачивала ему нос, отрезала уши. Голосовали купцы «против» ещё и потому, что каждый раз против голосовал Хизатуллин – он Сумаркову терпеть не мог. Но после того, как Марго стала отмечать, что мальчишки, заслышав смех Мальвины в коридоре, на перемену вылетают из классов и мастерских наперегонки, у неё появилась надежда. Спешила следом за сестрой и прямо пресекала попытки «преждевременных ухаживаний и приставаний»; вместе с тем давала понять и даже напрямую выказывала: проголосуйте только «за» и опеки не будет.

Катка повернулась ко мне и, сбив ногой – с видом, будто не заметила – магнитолау, направилась к выходу, но остановил Батый:

– Клёпа (Батый так издевательски уменьшительно производил ник «Клеопатра»), пожалуйста, позвони Марго и предупреди, ссылаясь и на моё, Батые, предупреждение.

Салават всё произнёс негромко, Катька даже растерялась поначалу – не поняла сразу, что из викама звук. Уставилась в экран... и подбоченилась.

– Я от двери битый час не отхожу, понимаешь. Голодная. Жука покалечила. Гошу им напугала – петух бедный с фидуса в фонтан упал, чихает теперь. Уговариваю, понимаешь, Франца позвонить Батыю, а они, ёлки-моталки, по викаму разговаривают! – Одёрнула пижамную рубаху, расправила бегемота (Засранка! Батыю показать). – И что-то я не поняла: это похоже на угрозу Марго. С твоей-то стороны?! Конечно, я позвоню ей, если ты того хочешь, но только ради Мальвины. Она боится, что сегодня ночью Марго ей в постель гусениц напустит, как уже было однажды. Ёшкин-кот.

– Клеопатра, – остановил Салават Катьку, сорвавшуюся было бежать выполнять поручение. Наверное, он впервые обратился к Катьке с полным произношением ника: глаза, и без того огромные и лупатые, у той стали пуговицами, как у кукол.

Я, поднявшись с кресла и скрестив руки на груди, с интересом ждал развития событий.

Но Салават почему-то смешался – как будто в последний миг пожалел, что остановил сестру. А та оттопырила ручкой себе ушко и, нацелив им в экран викама, пролепетала вкрад-

чиво:

– Что-что? Клеопатра у твоих ног, о блистательный Батый – потомок великого Чингиз-хана. Клеопатра – вся внимание.

Салават встал, отошёл назад на расстояние, с которого на экране виден был уже в полный рост. Оборотившись, с ладонью на груди в месте сердца, ещё раз, уже более решительно, произнёс:

– Клеопатра...

Я рот раскрыл и сел в кресло. Скосил глаза на индикаторы сотофона под валиком: проверил, идёт ли аудиозапись.

Катка, стоявшая к викаму в полуобороте, по-прежнему нацеленная в экран ухом, ничего не видела, поэтому на повторное обращение Салавата продолжала дурачиться. Слова произносила, растянуто, напыщенно:

– О-оо... Прости... Я оши-иблась!.. Слаба, о пото-омок Кочубея, в предмете исто-ории наро-одов и войн... Какими ещё слова-ами сахарные уста Батыя усла-адят квёлое ухо Клеопатры?

Салават склонил стриженую голову и совсем решительно, хотя и тихо в пол, изрёк:

– Соболезную гибели жука и прошу тебя... Катя... быть свахой.

Видели бы вы Каткины «пуговицы»! Не размером там в какой блузке, декоративные в пальто демисезонном, женском.

Резко повернув голову к викаму и увидев, в какой позе

стоит Салават, ладошку от уха перенесла к раскрытому рту и, ссузив веки, сквозь пальцы прошептала:

– Ёшки-морошки.

Померещилось. Нет. Батый на коленях, ладно скорбит по жуку, но и просит быть свахой. Ёшки-матрёшки!

Катка со звучным хлопком об кожу под задом плюхнулась в кресло. Я в нём сидел, но успел очухаться, встать и пересесть на стул. Строя шалашик из журнала «Авиация» над Каткиным бутербродом, всем видом показывал, что моя хата с краю, и искоса следил за обоими.

Катка запустила кончики пальцев в рот и выковыряла ещё одну «ёшку-морошку», за ягодой «ёшку-матрёшку» и «ёшкина-кота». У Салавата на темечке от волнения зарделось родимое пятно – багровым сердечком в ёжике.

– Ты предлагаешь мне... стать... свахой?

– Да, – помедлив, проронил Салават.

– Да?! – Катка привстала.

– Да, – теперь без промедления и твёрже, повторил Салават.

– Что-то я не пойму... Но всё равно согласна. Хотя, признаюсь, только ради Мальвины. – Сестра обернулась ко мне и попросила: – Фра, дай твой сотофон, мой Гоша выпросил.

– На подзарядке, – соврал я. – И зачем это Гоше твой понадобился?

– Ханс ему дружаном заделался, созваниваются. Косточки мне перемалывают.

– Ты серьёзно? Ханс слушает болтовню попки?

– Гоша слушает Ханса. Звонила ему, просила сыграть мне на скрипке, а сама, посадив к сотофону Гошу, бежала в степ-клуб. Теперь вот – друзья, дня не могут прожить без плача в жилетку и скрипа скрипки. Извини, Батый, меня отвлекли. Мамин стащу, звякну Будённому, чтобы внесла меня в реестр пажей.

Салават встал с колена, отошёл от места, на котором только что свершилось целое событие, уселся на коврик, скрестив и поджав под себя ноги. Шумно вздохнул и достал их халата пачку «L&M», но закуривать не стал, сидел каким-то отрешённым от всего, на нас не смотрел. Мне Батый сейчас казался намного старше своих лет.

– Пока, Салават, – прощалась Катька.

Салават посмотрел на неё, кивнул и улыбнулся.

– Так я звякну Будённому?

Катька проговорила это лилейным голоском, с нотками сомнения в происходящем. И, дождавшись очередного «да», выскочила из кресла, шаркнула ножкой и сделала прощальный жест ручкой. Оттягивая в сторону пижамную штанину, с поклонами головой и пальцев свободной руки, попятилась к двери. Реверансы её закончились, как только чуть было не завалилась навзничь, наткнувшись на магнитоу. Аппарат затих, Катька же, напоследок отстегнув нам по воздушному поцелую, стремглав выбежала из спальни. Подхватив на ходу мегафон, она, издав шёпотом истошный вопль «Уль-лю-лю-

ууу!»», зачастила по ступенькам в фойе к фонтану – позаимствовать мамин сотовый и позвонить Будённому. Её восторг был понятен: нежданно-негаданно спасла подружку и, став свахой, приобрела надёжного защитника с правом обращаться к нему по имени «Салават», и в потутошной тусовке, и вживую. Тот, соответственно, звать её теперь был обязан не Клёпой, Катей.

Я не мог поверить тому, что видел. Батый признался, что влюблён. Причём, в отношении предмета своего обожания имеет самые серьёзные намерения: попросит руки, женится. Назначил сваху! Роль, которой заключается в том, чтобы раскрывать, рекламировать достоинства и лучшие качества влюблённых; примирять тех, если случаться раздоры, и подводить дело к логическому концу, если любовь не заладится. На всеобщее внимание Катька может беспрепятственно вставлять куриное пёрышко в причёску всякой девчонке, если та положит глаз на жениха; петушиное перо – в причёску мальчишке, если тот без всякого на то интереса со стороны невесты лезет в соперники. Но главное, Батый, назначив сваху, давал тем самым обет верности и целомудрия, распространяемый, и на жизнь в «по ту», и на жизнь в реале. А это, безусловно, сказывалось на кармане, потому как актёрская деятельность с этого момента прекращалась, зарабатывать можно было только доставкой контрабанды, причём, без участия напарницы, присутствие невесты в парубке возбранялось. Сваха намечала на своё усмотрение лимит обще-

ния жениха и невесты, выбирала место и время свиданий, и – что самое главное – была обязана на них присутствовать. Ей не в тягость – все равно спать: свидания ведь виртуальные. А вот парочке – проблемы: сваха не сама собой явиться, а какой-нибудь вещью – почтовым ящиком в подъезде, например, торшером в гостиничном номере или пляжной кабинкой на Гавайях прикинется. Свидания наяву свахе вменялось пресекать, но тем влюблённые не грешили. Не утаить. Уволенной женихом со своего поста сваха ни под каким видом и предлогом быть не могла, пока роман продолжался. В помощь себе она набирала подружек и дружков. Жениху вменялось: сваху называть по имени, защищать и помогать материально; подружкам покупать мороженное, приглашать потанцевать в степ-клубе; дружков угощать пивом с солёными орешками и не отказывать быть секундантом в разборках у «Полярника»; в школе первоклашек и второклашек одаривать жвачкой.

Я смотрел на Батыя с некоторым злорадством, но и с подмешанным сочувствием. Не просто так все три его «да» прозвучали с видимым внутренним сопротивлением принимаемому решению – мою Катьку-Клеопатру Батый знал. Дело не в том, что наберёт в подружки и дружки дюжину пожирачительниц мороженого и пацанов-хлюпиков, разборки у «Полярника» с какими будут завершаться джебом. Карманные деньги не переводились, чьим-чьим, а его челюстям ни один кулак от секунданта противника не страшен. Батыю просто

это всё претило бы, потому как – прихоть девчонки. И конечно, с его самолюбием, боялся пасть в чужих глазах – в случае, если ему прилюдно вставят в причёску страусовое перо в знак того, что, дескать, мальчик «умылся» ты: теперь сердце предмета твоей любви занято другим воздыхателем. Участь не обязательная, но Катька – боялся внук Кочубея, был уверен я – случая не упустит.

Судьбой играли и назначали сваху ученики выпускных классов, Салават же учился в девятом, только был на два года старше одноклассников. Признание в любви... к кому... к Марго, которую на дух не переносил, а в финале «благородной дуэли» не она ему, он ей обрезал уши. Сенсация!

Вообще-то, Батый становился тринадцатым по счёту действующим в школе Русланом. Руслан – прозвище. Звали так всех назначивших себе сваху. А невест звали Людмилами, этим красивым, воспетым Пушкиным, именем русским.

Логин «Кастро» Марго обеспечен, подытожил я происшедшие на моих глазах в моей спальне.

Я закрыл дверь на замок, поднял с пола магнитоу и бросил на тахту. От удара – ложе моё спартанское, жёсткое, без подушек – в магнитоле прорвало фортепьянными каскадами.

– Тебе нравится Брамс? – спросил Салават.

Я не знал, что на это ответить – достали этим Брамсом! Ладно, отец: с некоторых пор вся классическая музыка у него ассоциируется с этим композитором. Мама признала,

так будущий муж увёз её на Новую Землю с последнего курса Сталинградской консерватории. Но чтобы теперь вот и Батый... На рождественском концерте (Мальвина на фортепьяно, мама на виолончели и Ханс на скрипке исполняли что-то Вивальди) в школе видел, как вдохновенно слушал он подобную музыку. Подивился ещё тогда, но в зале все слушали с восторгом.

– А это Брамс?

Салават смутился: видимо, в его расчёты не входило раскрывать передо мной познания в музыкальной классике.

– Да это... Бетховен...

Я согласился, кивнув: о случае с Катькиным пряником и подарком Ханса в посёлке все знали. То, что Батый на эту тему сейчас шутит, меня удивило и насторожило. А не водит ли он меня за нос? Тут прозвучали заключительные аккорды, я и Салават, притихнув, ожидали. Ведущая программы сообщила: «Вы прослушали фортепьянные концерты Брамса. Музыка прозвучала в исполнении молодого пианиста, лауреата международных фортепьянных конкурсов последних лет Алекса Бетховена».

Я выключил магнитоу.

– Ну-с, какие ещё грешки в плане познаний из области мировой культуры у тебя водятся, потомок Кочубея?

Салават заспешил:

– Я узнал музыку Брамса, но то, что звучала в исполнении Алекса Бетховена, поверь, не знал... Я же имел в виду вели-

кого Бетховена – композитора.

– Ага. По-твоему, Покрышкин – дебил: не отличит музыку великого Бетховена от фортепьянных концертов какого-то там Брамса?.. Слушай, а может, ты на клавиши давить умеешь? На уроках музыки никаких таких способностей за тобой не водилось. Разве что, как-то «Я люблю тебя, жизнь. И надеюсь что это взаимно» задом наперёд на фоно пробрямкал, – не отставал я от Салавата.

– На флейте играю, – признался и принял меня убеждать: – У отца коллекция записей классики, есть даже старинные – на магнитной плёнке и пластинках. Музыкальных энциклопедий всяких полно... в книгах – старых, букинистических. Почитывал от нечего делать.

– Подожди, подожди... К черту энциклопедии! Ты играешь на флейте?!

– Да так... балуюсь... В Рождественском концерте выступлю с отцом. Согласился. Он Квартальному пообещал. Пришёл к отцу протокол за сигарету – я доказал, что «лим» мой, а не Мэрилин Монро – подписать, а мы как раз музицировали. Пристал... Сыграли ему Бетховена. Отец – на бубне. Состав флейта с бубном Квартальный посчитал очень оригинальным... Предложил выступить квинтетом: я с отцом, твоя мама, Ханс и Мальвина. Прочит успех. Хочешь послушать? Записал.

Я утвердительно кивнул головой, и Салават включил музыкальный центр. Послышался отдалённый голос господи-

на Вандевельде, по сотовфону он просил домашних начинать ужинать без него.

И шёпот:

– Сыграем Бетховена «К Элизе»... Продуй флейту.

– Может, как-нибудь в другой раз... У меня губа распушшая.

– С девчонками целуйся. Да если бы ты не сознался и не настоял, что сигарета не учительницы, – с тебя снял бы штаны.

Начало фортепьяно, зазвучала флейта, и Салават прервал запись.

– Отец на фортепьяно играет, на бубне с восьмой цифры вступит, – пояснил смущённый Салават. Он, понял я, не предполагал того, что его диалог с отцом настолько громок и мной будет услышан. Вздохнул:

– Не хотелось бы, чтобы в школе это было неожиданностью.

Батый с флейтой на сцене, не переставал дивиться я. Поди, и ноты знает: «...с восьмой цифры вступит». Такого мне и не приснилось бы. Даже в «по ту».

– Слушай, может, ты и степ танцуешь? – спросил я его, с готовностью не удивиться утвердительному ответу.

– Нет, степ не танцую, – со вздохом и, как мне показалось, сокрушённо ответил Салават. Помедлив, тихо продолжил: – Стихи сочиняю. От нечего делать.

– Стихи пишешь!! – чем мог, тем и отреагировал я на это

очередное признание классного авторитета.

– Хочешь, прочту?

– Гони.

Моему удивлению не было предела. Хотелось бы мне сейчас увидеть реакцию пацанов, которым вдруг всё такое про Батыя рассказали.

Получив моё согласие слушать стихи, Салават замялся, но все же поднялся с коврика, подошёл к старинному красного дерева шкафу и вытащил... хомут.

Хизатуллин-старший любил лошадей, был совладельцем ипподромов и клубов верховой езды в курортных городах Новой Земли, увлекался коллекционированием конской сбруи и упряжи. Зиму проводил на материке в поисках экземпляров, собственноручно же и реставрировал. Бар-ресторан «Эх, тачанка!» в Отрадном – просто музей гужевого транспорта, где посетители за стойкой сидели в настоящих кавалерийских сёдлах, а заказы к телегам, арбам и к каретам (заменявшим столики и отдельные кабинки в ресторанном зале) официанты развозили верхом на осликах. В лаптях.

– Ты извини, Франц, я хомутом позанимаюсь... Это в наказание. Штраф отцу на руку: повод меня поторопить... Зачем только согласился учиться у него реставрации? Теперь вот пашу, как ишак... На материке где-то раскопал колхоз, привёз целую сотню этих хомутов. Думал стены ресторана украсить, – так они ж воняют. Там в «тачанке» с ослами уже на одном освежителе воздуха разориться можно, так, пред-

ставляешь, придумал эти хомуты преподносить в знак внимания постоянным посетителям.

Оставленная неплотно прикрытой дверца открылась и из шкафа на пол выпал ещё один хомут. Не обратив на это внимания, Батый сел на коврик, ловко заправил торчащий конский волос в дыру и стянул её с помощью шила и крючка узкой ременной нитью. Так ловко! Можно подумать, что у шкафа валяется сотый хомут, а чинил сейчас девяносто девятый.

– Братья в ужасе, – продолжал Салават (дети Хизатуллина от первого брака, управляли ресторанами по всей Новой Земле). – Сто хомутов! Только представь себя на месте какого-нибудь курортника: ходишь, ходишь в ресторан – а там не дёшево – и в последний день отдыха тебе в благодарность такой хомут. Вези домой на материк. И это в салоне вертолётта и дальше в купе поезда – с вонью невыносимой. Каково? Со ставками на скачках отцу в последнее время уж слишком везёт, вот он от удачи и придуливается... Подписал Квартальному протокол, сыграли ему элегию, а как тот ушёл, – ко мне: «Хомута починяешь? Поторопись, партию седел с Кубани жду». Ты не представляешь, какой здесь у меня смрад!

– Да постой ты, с хомутами и сёдлами! – вскинулся я. – Ты стихи свои собирался прочесть. Сам. Я тебя за язык не тянул. Так что читай. У меня тоже не черёмухой пахнет. Осетриной. Читай стих!

Салават с заметной досадой вонзил шило в войлочный от-

ворот хомута: понял, не отвертеться.

– Тогда... что-нибудь из последних?

Я кивнул. Спросил тоном, будто у него ранних на три тома. Ноты читает, на флейте играет, стихи пишет... А не ломает ли он комедию? Эта запись «К Элизе» Бетховена и голос Дяди Вани – элементарный монтаж!.. Если так, надо отдать должное Стасу – наверняка с его подачи. Но вспомнил: Салават назначил сваху. Катька уже и Будённого, и, поди, пол посёлка оповестила. А влюблённые – они все становятся на себя непохожими. Какие там комедии. Да и вообще, разве когда Батый на глазах у пацана принялся бы чинить хомут.

Читать мне стих Салават всё никак не решался. Встал, сел, достал сигарету, вложил обратно в пачку. Наконец, нашёлся: размеренно втыкая шилом и протаскивая крючком нить, и проронив: «Тогда, вот самое последнее», начал:

Ответь, пожалуйста, мне: «Нет».

Отними напрасную надежду этим словом,

И погаси любви – тот ясный свет,

Что в воображении моем горит прекрасным ореолом.

И лишь только – над тобой.

Ответь, пожалуйста, мне: «Нет».

Поверь, винить тебя не стану я ни в чём.

Лишь только, сердце, сжав от боли,

Я горько посмеюсь над ним, как смертник гордый

Над трусом-палачом.

Ответь, пожалуйста, мне: «Нет».

Но только так, прошу тебя преклонною мольбой,
Чтоб и потом – когда-нибудь, на склоне лет,
Лишь тенью следуя по жизни за тобой, – влюблённый!
Иного ждал, с надеждой.

Салават закончил декламировать и, отстранив от себя хомут, сидел, понутив голову.

Невольно я начал перебирать в памяти поэтов, чьими могли быть эти стихи. На уроках литературы Хизатуллин всегда отвечал, стихи же все выучивал наизусть полностью и зачитывал вдохновенно. Правда, закончив, смущался и по пути от доски к месту отвечивал кому-нибудь подзатыльника. Может быть, Стаса стихи, предположил я. Но, увидев отрешённую позу Салавата, устыдился: у самого то, только и способностей, что ногами махать, да желание одно – на вертушке всю жизнь пролетать.

Я молчал, не находясь, как себя дальше повести, пока не расслышал тихое:

– Ну, как?

– Влюблённые все пишут стихи... Марго понравятся.

Руку, которой потянулся, было, за хомутом, чтобы продолжить починку, Салават повесил в воздухе и тихо произнёс:

– Причём здесь Марго.

И эти же слова громче, с интонацией вопроса – мне:

– Причём здесь Марго?

Я решительно ничего не понимал.

– Причём здесь Марго?! – кричал уже мне Салават.

Вскочил на ноги и, давясь саркастическим смехом, раз за разом повторял:

– Ёшки-морошки... Ёшки-матрёшки... Ай, да Клёпа! Ай, да Катька!

Я не только ничего не понимал, но и разволновался: не поехал ли – с хомутом на шее – поэт крышей?

Вдруг Салават бросился к панели управления викамом. Так стремительно, что я невольно отпрянул от своего аппарата. Напугался: стриженная голова заняла вдруг зардевшимся родимым пятном весь экран.

Готовый манипулировать кнопками, кричал мне:

– Катькин сотофон у Гоши, быстро номер мамино! Катька ещё не успела связаться с Будённым!

Салават торопится остановить сестру – предупредить её звонок Будённому насчёт регистрации свахой, дошло до меня. Уверенно полагая, что уже поздно, назвал номер. Но ответила не Катька, а мама. Тогда я, предчувствуя неладное, назвал Салавату номер ячейки Катькиного викамофона, и у себя его набрал. Викам сестры работал! Но было занято. Мы сделали запрос подсоединиться к связи. Согласия не получали долго. Салават нервничал: сбросил хомут на пол и беспре-

станно, то одной рукой, то другой приглаживал свой ёжик. Блеск от перстней на пальцах и браслетов на запястьях соперничал с нетерпеливым блеском выпученных глаз.

Наконец Катька подсоединила нас – на экранах, у меня и у Салавата, возникло по второму окну. В последний момент я увидел, как сестра быстро перевернула заглавием вниз книгу, лежавшую на ковре у кресла. Узнал по обложке. Не с Хансом ли разговаривала? И откуда у неё «Брамс». Я же спрятал книгу. Наверное, сотофоном в Гошу запустила, а искала среди кадров пальмовых, нашла под фикусом.

Сестра полулежала в водяном кресле, почти утопала в нём. Узрев наши лица в окнах викама, подняла и закинула ногу за ногу. Большой палец в дырявом носке раз за разом потешно, с разворотом стопы к нам, то к одному, то к другому, сгибался. Кланялась нам.

Батья удостоила и голосовым приветствием:

– Сало-ва-а-ти-ик.

Батый, начав, было говорить, осёкся: его, порывавшегося узнать всё немедленно, всё же остановило то, что на девчонке не было рубахи – лежала в кресле в одних штанишках и в одном дырявом носке. Палец в поклонах сбил меня с толку: я не сразу просёк, что сконфузило Батю.

Ничего там определённого у Катьки ещё не было, но округлости под ключицами наметились – такие нельзя отнести даже насчёт некоторой её полноты.

– Набрось рубаху! – приказал я строгим голосом, тоном

старшего брата, не побоявшись ударить лицом в грязь перед Батыем: сестра могла и послушаться.

Катька хмыкнула и, прикрыв грудь руками крест-накрест, попыталась встать, но этого у неё не получилось: вода перекатилась на сторону и сестра вывалилась из кресла на ковёр.

– Ой! Выпала.

Раздвинув колени, глядя поверх скрещённых рук в просвет между ног на нас, приказала:

– Отвернитесь! Бесстыдники!

Салават отвернулся, я же не рискнул – опасался того, что, когда разрешит смотреть на себя, увидим что-нибудь и похлеще.

Катька поднялась с пола и, виляя задом, отдалилась к своей кровати. Проходила мимо клетки, Гоша её пропускал: «Тим-трим-тум-бум». «Завянь», – бросила ему, попугай не послушался. На голове у птицы белел колпак. Между прутьями клетки был заправлен лист бумаги с текстом: «Я уронил сотофон Клеопатры в фонтан, за что контужен. Гадом буду. А посему, с просьбой поговорить, меня лучше не трогать. Матом буду».

Порывшись под пуховиком на кровати, Катька достала комок рубахи. Резко обернулась и, увидев, что я не отвернулся, задёрнула балдахин.

Возвращалась к викаму, Гоша пропустил, вдогонку выдал: «Бумтумтримтим» и «Катькатолстая». Приостановилась, пощёлкала себя по носу – дескать, в клюв получишь –

и попка «завял».

Рубаху надела наизнанку, так что, рисунок виден не был. Умница сестрёнка, ананас заработала. Катька, будто услышав мою благодарность, выставила вперёд руку с двумя выпрямленными пальцами, оттопыренным от кулака большим пальцем другой руки показала себе на грудь и за спину: рисунок – два. Я согласился, показав ей большим и указательным «О», а про себя подумал: «Ни фига не уступлю: рисунков два, но изображён один бегемот – с морды и с заду».

Катька, по-видимому, уловила мой протест: растопырила пальцы обеих ладоней и добавила к ним ещё один – одиннадцать. Вот засранка!

Катька плюхнулась в кресло, забросила ногу за ногу и позвала:

– Сало-о-вати-ик. – Тут же, наверное, заметив валявшийся на полу за Батыем хомут, съязвила, – Ты к ярму примерялся? Ничего, мы приручим Марго. Она у нас не «погонщиком» будет, а «скаковой лошадкой».

– Кому ты звонила? – пришёл в себя Батый.

– Сейчас?.. Это мне звонили.

– Кому – ты – звонила?!

Катька почувствовала не совсем ладное, но, всё же, пытается не показать вида, ответила:

– Ну, кому, Будённому. А что?

– Что она?

– Что она. Свахой меня регистрирует, как только полу-

чит от тебя личное подтверждение. Представляешь, она не поверила: усомнилась в твоём авторитете! Ну, кто так осмелится с тобой шутить? Я бы и за сто одиннадцать ананасов не согласилась.

Салават с досады, но и с некоторым облегчением, рубанул себе кулаком по ладони и вопрошающе ждал.

– Ну, кому ещё?.. Мальвине, – призналась невинно.

Салават ждал.

– Неудачно. Отчим с вахты на выходные приехал, и сейчас они втроём по горам кросс мотают. Сотофоны братъ запрашивает.

– Ещё кому?!

– Ну, кому ещё?.. Никому больше.

Я был уверен, что это не так, и Салават, видимо не веря, буравил Катьку глазами, не забывая кулаком срезать ладонь. Сестра, окончательно уразумев неладное, ёрзала в кресле. Оттого, что в беспокойстве закидывала ногу за ногу, тут же их меняла, кресло «заволновалось». Катьку мотало из стороны в сторону, как поплавок на волне – вот-вот вывалится. Или нырнёт в кресло поплавком, как тот тонет в поклёвку.

Не выдержав, я вмешался:

– Да в чём дело?!

Салават молчал, а Катька подобрала ноги и съёжилась, нос в коленках зажав. Хлопала ресницами, глаза вылупив.

Поняла в чём дело, мелькнула у меня одна, тут же родилась другая догадка, и я спросил Салавата:

– Кому ты посвящал своё стихотворение?

Тот как-то потерянно взглянул на меня, повернулся, поднял с пола хомут и, стоя к нам спиной, сдавленно проронил:

– Да Мальвине же.

Я выскочил из кресла. Порывы расхохотаться распирали меня, и я, чтобы сдержаться, бросился к столу, порушил шалашик из журнала, отлепил от столешницы Катькин бутерброд и запихал в рот сразу целиком. Батый, этот классный авторитет, уже не подросток, а юноша с амбициями, знающий себе цену, стоял в позе со сгорбленной спиной, поникшими плечами, понурой головой, с хомутом в руках. Сознался в любви, назначил сваху, и такой облом. Вот это «кино»!

Катька попыталась встать, но опять не получилось, и она, высоко задрав ноги, выпала-таки из кресла. В сторону полетел кусок торта, который только что, в смятении от заявления Руслана, от своего прозрения насчёт действительной Людмилы, нашарила в тарелке. Оправилась всё же быстро. Найдя спиной сиденье, привстала, повисла на нём локтями, чуть только касаясь штанишками ковра, и поспешила успокоить Батю:

– Салаватик, я, правда, никому больше не звонила. Я только закончила говорить с мамой Мальвины, как позвонил Ханс. Чесслово. Всё время пока вы не сделали запрос подключиться, я только с ним и говорила... Ему, конечно, разболтала. Чесслово.

Толстуха! Рубаху сняла не прелести свои продемонстри-

ровать мальчишке, а измывалась по обыкновению: я вот тоже, как и ты, толстая, но замуж за тебя всё равно не пойду. Вывалилась из кресла с другого боку, угодила бы в торт, обругал я про себя сестру.

Салават передёрнул плечами и, со словами: «Называй меня, Клёпа, как подобает – Батыем! Ты пока не сваха. Моего подтверждения Будённый пока не получила », – вернулся к коврику. Здесь, упав на колени, принялся безудержно, с каким-то срывающимся остервенением дырять шилом хомут.

Чтобы как-то пресечь неловкость от такого проявления его неистовства и наступившего молчания, я спросил Катю:

– И о чём это – ты, в музыке настоящей не бельмеса, да и в рэпе со степом тоже, – с ним могла так долго говорить?

– С кем? – встрепенулась Катя.

– С Хансом. Ты же ни с кем больше не разговаривала.

– Да так, поболтали... Потом он лепил с меня. Я ему позировала. Женишок мой возжелал из Паганини в Бурвиля заделаться. Ну, хохма одна. Смычок на стек поменять. Шило – на мыло.

– Позировала?

– Ну да. Он заплатил мне, – заявила Катя. – По ставке профессиональной натурщицы, по четвертаку за час. Не то, что ты за оформление твоих знаменитых джинсов – ананасами. Я их терпеть не могу! Цезарю скармливаю.

А ведь не врёт, сразу поверил я. За завтраком сестра ананаса даже не пробовала, забирала свой, мой и, свистнув догу, уходила к себе. Она мне помогала делать домашние задания по алгебре, за что платил ананасами, тогда как сам их любил. Торговался долго, но часто неудачно. И вот, оказывается, Цезарю скармливала. Засранка.

– И как лепит, получается? – Спросив, поморщился от нахлынувшего на меня одного только ощущения от мерзкого запаха пластилина. И подумал, долго не подключала, не нагишом ли позировала.

– Нудно. Лепит в натуральную величину. Из пластилина. Руки пластилином вымажет, отмоег, на скрипке пропиликает и опять за пластилин. Цвет пластилина выбрал жёлто-красный. И жирный пластилин – слишком, лоснится весь. А я ж не такая: кожа у меня вся, даже после загара, белая, матовая.

Катька издевалась: раз за разом повторяла слово «пластилин», она знала о моей аллергии к нему. В азарте оплошала: сама себя выдала, ляпнув про всю белую, матовую, даже после загара, кожу. Не сомневался – позировала Катька Хансу обнажённой.

Проговорившись, сестра продолжала уже без обвиняков.

– И так без конца. А мне – лежи без одежды на холоде. С февраля лепит, начал детально прорабатывать. Получается, вылитая я. Вот только, если б не пластилин: блестит... как мокрая кожа у бегемота, и лоснится... как сало в тепло.

Я поморщился. Салават нервно провёл рукой по ёжику, он понял: про «сало» – намёк на его персону.

А Катька, как ни в чём небывало, тараторила:

– Но мне надоело. Требует: «Не двигайся», а сам бежит руки от пластилина мыть. Я подумала, пластилин воняет, Ханс запахов не переносит, мутит его, аллергия у него к всяким химическим запахам, а оказывается он руки мыл от пластилина, чтобы скрипку не запачкать. И то правда, не жирными же от пластилина руками на скрипке скрипеть. Она у него – ты знаешь, Фра, мама рассказывала – сделана каким-то старым итальянским мастером. Хансу, как особо одарённому вундеркинду, частный коллекционер подарил. Я женишка как-то воспитывала, так он не удирать бросился, упал на ковёр ничком и скрипку собою накрыл. Тоже мне – Паганини-Бурвиль-Матросов. Ой, вы не слышали, как он на ней пил! Тараканы Марго, услышали бы, – передохли бы. Чес-слово.

– Короче, натурщица, – попытался я остановить сестру.

– Так вот, руки помоешь от пластилина и тягает смычок туда-сюда. И всё смотрит, смотрит на скульптуру. Не на меня! И всё требует не двигаться. Ага, я голая, продрогшая, прикиньте, от зарядки откажусь. Фиг ему. Отказалась бы от позирования вообще, да гонорар истратила, и на Хансовы – пластилин ему покупала – торт купила в «тачанке», – сокрушалась Катька, посчитав, что окончательно достала меня «пластилином». – Торт «Жеребой кумыс». Вы чего не поду-

майте, я не одна съела, Мальвине, Марго задобрить, половинку отрезала, с Цезарем поделилась. Тебе, Фра, оставлю. СалОватик, «Жеребой кумыс» – мой любимый торт. А уж как подружки мои его любят... Да и мальчишки под пивко жуют.

И сдунула с рубахи крошки.

Я посмотрел в тарелку. Узнать «Жеребой кумыс» – самый вкусный торт, какой можно купить в Отрадном и только в ресторане «Эх, тачанка!» – было невозможно. Что она мне тут оставит? Крошево одно. Месиво. А торт дорогой, самый дорогой – к столику его заказавшему (вернее, тем в карете; те, кто за арбами или в санях сидят, торт не заказывают: не по карману), официант подавал не верхом на ослике, а на жеребце. Да не в лапти обутом, в сапожки сафьяновые. К тортам аллергии, как к пластилину, у меня не было, но я их не терпел. Стараясь не обидеть маму, любившую заниматься выпечкой, этого не показывал – ел нахваливая. Ни кто про то не знал, но только не Катька. За завтраком, отдавая ей свой ананас в уплату, не за алгебру, к примеру, за вынос мусора в её очередь, я требовал в компенсацию часть её доли торта. Забирал свой и её куски, наливал большую кружку горячего какао и уходил в свою комнату. Получасом позже в дверь стучал Цезарь, я впускал и скармливал псу оба куска. И вот теперь я знал: ко мне дог прибежал после того, как сожрёт мой ананас и Катькин в придачу. Частью своего торта жертвовала ради целого ананаса, которого сама-то и не ела – чтобы только не брату. Вот паскуда!.. А бедного пса мы замучи-

ли: не знаю, как там у Катьки с ананасами дело было, я, не дождавшись стука в дверь, криком звал Цезаря и торт съесть приказывал.

Ну, ничего, даром тебе это не пройдёт, грозился я, наблюдая за тем, как сестра смазывает пальцем кремовую розочку с единственного в тарелке кусочка ещё не обращённого в кашу. Теперь у меня забойный козырь есть: голой позировала! Теперь твой ананас – мой ананас. Обожрись!

Почувствовав неловкость оттого, что мы с Катькой как бы забыли про него, я ляпнул Салавату:

– Так что теперь будет?.. С Марго, с Мальвиной?

– Да, Саловатик. Надо определяться. Скоординировать наши действия, выработав прежде планы стратегические и тактические.

Катька, закатив глаза в потолок, губами, сомкнутыми в куриную «гузку», всосала палец с кремом, лукаво щурясь, картинно, медленно вынула изо рта. Локоть соскользнул с подлокотника, и сестра в очередной раз вывалилась из кресла. Уселась на полу, раскинув нуги по сторонам, чуть ли не в шпагате, и облизала ладошки.

Батый резко отстранил от себя хомут, вскочил и с шилом в руке бросился у себя к викаму поближе.

– Вспомни, как было дело! – кричал он. – Позавчера перед первой переменкой я вышел из класса покурить. Ты слонялась по коридору – наверное, выгнали за что-то. Ела булку с салом. Так было?!

Катька, не отрывая взгляда от шила, которым Батый размахивал перед экраном, забралась в кресло, кивнула и «утонула». Голова коленками зажатая меж ног, да щёки прессо-нувшие нос и остались.

Поесть ей захотелось, а ещё и первого урока не прошло, возмутился я. Астронавт будущий? Мышь обжорливая! Не ярости Батыя опасаясь, а мести Марго. Достанет тебе и Мальвине заодно. С Марго станет. Как-то, вспомнил, она заморила Портоса, напустив в её парту каких-то мерзких гусениц, за то, что эфиопка заступилась за Доцента.

– Во внутреннем кармане пиджака у меня лежал конверт с моим стихотворением Мальвине. Тем самым, что я прочёл тебе, Франц. И я, завидев тебя, повернул от туалета, чтобы попросить передать конверт ей. Мальвине. Чего ты тогда испугалась?.. Что сало твоё заберу? К подоконнику прижалась, руки с булкой и этим салом – за спину, стоит так и «яблоками» своими, вот, как сейчас, луп-луп. Да я сала не ем. Не потому, что не люблю, а просто отродясь в рот не брал. У нас в семье свинину не едят – татары мы! Лошадей едим!

Катька раздвинула колени и сбивчиво созналась:

– Это я... на двери твоего класса... пишу «Сало».

– Думаешь, из-за этого?.. Узнал Батый, секирбашка неминуема. Так вот, с первого раза уже я знал, чьих рук это дело. Кто ещё в школе напишет эти четыре буквы с такой отменной каллиграфией. – И Салават, не вдаваясь в разъяснения, почему Катька оставалась с башкой, продолжал рассказ для

меня, – Стоит, глазищами луп-луп. Сало упало на пол – она нагибается поднять. Сама дрожит, сало в руке тряслось, пока не разложила шматок по булке. В растерянности я передумал её просить, но уже подошёл близко, можно и впрямь было подумать, что отобрать бутерброд намеревался... Я достал и протянул конверт... Точно помню, как тебя, – перевёл Батый взгляд на Катьку, – просил. Я сказал: «Клёпа, передай Мальвине». Ты глазами луп-луп. Я добавил: «А она чтоб Марго – ни гу-гу». Слышишь, ты, у тебя что, тогда уши салом заплыли? Ни гу-гу! А вы с Мальвиной?! Эх, отдали конверт этой юродивой. Нарочно?!

Катька замотала головой так, что у меня возникло опасение – не удержится на плечах, отвалится от каракатицы, по ковру покатится.

– Салаватик, извини. Мне тогда показалось другое: «Клёпа, передай Мальвине, а она – чтоб Марго. И ни гу-гу».

– Да откуда ты это «И» взяла? Я по-русски выражаюсь не ясно? Как какой татарин?.. То есть... Я татарин, но обрусевший, на русском языке воспитали.

– Салаватик, ты не думай, это никакие не штучки мои с Мальвиной. Ты никогда никакого внимания на неё не обращал, не увивался вокруг на переменах, как другие, так отчего нам усомниться в том, что конверт не для Марго? Ей, как раз-то, больше всех уделял внимание – чуть ли не каждый день на неё по протоколу составлял... Но ходу бумаге, ведь, не давал. Так ведь. Мы с Мальвиной и посчитали, что

так расположения ведьмы хотел добиться. Подумали, сменил тактику – письмо шлѐшь. Потом, на конверте не написано кому послание, в самой маляве – тоже... Одно стихотворение... Пришлось заменить конверт – весь в пятнах был... Жирных от сала... Веришь? Чесслово.

– Прочли!.. И я тебя выбрал свахой!

– Мы честно закрыли глаза, перекладывая листок в другой конверт, а когда заметили, что в тексте только три столбика стихов и больше ничего, – прочли. Не удержались. Кто б удержался, самого Батыя стих. Прости, Салаватик-жан.

Салават медленно и твёрдо произнёс:

– Я от тебя, Клѐпа, требовал, не называть меня Салаватиком... и СалОватиком. Я Батый! Ты мне – ещё не сваха... Клѐпа! Чесслово!

Отчитав Катьку, Батый вернулся к коврику и в ярости бросил шило в хомут. Воткнулось.

– А я-то не мог уразуметь, почему вчера и сегодня так необычно смотрела на меня Мальвина. Обычно, безучастно. Зато Марго весь день мне глазки строила. Ведьма она! Подсмотрела, что ты в мастерской вылепил, не на грядки к девчонкам пошла, в буфет заявила. На второе взяла себе сардельку с рисом и села за стол напротив меня с Плохишом. Сардельку наполовину в кашу закопала и выгладила гарнир ложкой по тарелке, круги вокруг конца колбаски навела. Из рисовых крупинок скатала два катыша и... в голове сардельки прилепила. Подняла на нас зенки и вилкой катыши ско-

вырнула. Мы тогда с Плохишом не скумекали, чего хотела, подумали, придуривается юродивая. А в мастерской, фигурки на стеллаж собирали, допёрли. С поделки, что уже стояла на полке, сбросили тряпку – ворона. Знали чья. Марго и Дама только из всех выбрали для лепки брикету чёрного пластилина. Дама, видели, пантеру слепила, а Марго сидела, как и ты прохлаждалась, под конец урока только размяла брикет, но увидели птицу лепит. Поделка у ног вороны из пластилина охристого на отдельной дощечке, значит, просекли, не её, чья-то. Подписана: «бегемот в пруду». С виду на сардельку смахивает. Чей бегемот, Стас допёр. В общем, Марго, её идея преобразить бегемота, не моя, не Стаса. Поверишь, мы с Плохишом в трансе каком-то скovyрнули бегемоту глаза – по подсказке юродивой. А узрели, на что теперь зверь уподоблен, – больше даже не на сардельку – уши, хвост отлепили, пасть дырочкой заменили. Говорю, ведьма она – заворожила.

– Ну, это без сомнений. Мы, девчонки, так её и зовём. За глаза, конечно, – вставила Катька.

– После школы через каждые десять минут звонят, – продолжал Салават, – я спрошу кто, а в сотовфон только дышат, дышат. В догадках весь извёлся: не Мальвина ли? Нет – узнаю по дыханию, что Марго. Ведь можно было тогда самому всё понять! А я, болван, на седьмом небе себя почувствовал, когда ты, Клёпа, на другой день показала мне кружок из пальцев, «окей»... Свахой вот предложил стать...

– Салаватик, а давай оставим всё как есть.

Батый повернулся на Катькин робкий голос и, начав, было, сердитым голосом «Опять Салаватик!», осёкся. Постоял ещё и – не сел – шлёпнулся на коврик.

– Оставить, как есть?

– Послушай меня, – свела сестра ноги и подпёрла коленками подбородок, тёрла ладошкой об ладошку и говорила с всё растущей уверенностью, – о том, что ты влюблён в Мальвину, кто знает, Франц да я. Разумеется, ты сам – если только не очередное это твоё увлечение, на месяц-два. Я, звонила, всем говорила, что предмет твоего обожания – ой, как все изумлялись! – Марго. Машка – это родовое имя Мальвины, если ты не помнишь, – по горам сейчас бегаёт, ничего не знает. Да и вообще – она не в счёт, боком. Завтра ты подтвердишь Будённому мои полномочия свахи, и я примусь за обязанности устройства твоей любви... к Марго. А ты – люби себе на здоровье, хоть Машку, хоть кого из трёх мушкетёров, хоть Котовского, или того же Будённого.

Батый, подвесив руку в намерении отмахнуться, застыл. Катька же, забралась в кресло, развалилась в нём вольготно и продолжала:

– Ей мы на первое время ничего не скажем: она...

– Стоп! – вырвалось у меня. Я остановил сестру. – «Ей», это кому? «Она» – это кто? Ленка Жёлудь, Глашка Волошина, Изабелла Баба, Мальвина-Машка, подружка твоя? Не уточнишь, так завернёт, что Мальвина потом действительно

окажется «не в счёт», даже не боком, и тебе, Батый, ничего не останется как жениться-таки на Марго, – пояснил я Салавату.

– Мальвина. Подружка моя, Машка, конечно. Из тебя, братик, отменный начальник отдела кадров выйдет, на худой конец, бухгалтер. Машка – малолетка, у неё ещё ветер в голове. Цветаева, вышивание мулине, да степ. Подрастёт, всё в головушке поутрясётся, и ты ей, Батый, другое послание напишешь. Сейчас же будешь хранить верность Марго, а значит, и Мальвине. Ты знаешь, как она оценит это потом. Кстати, писать на двери класса «Сало» – её идея. Мне давно казалось, ты ей нравишься, но не признавалась мне. Живут Сумарковы небогато. Отец – простой подрывник льдин и айсбергов, поэтому ты для Мальвины жених завидный. Твой родитель тебе, мне кажется, в качестве свадебного подарка «тачанку» подкатит. Эх, и налопаемся же «Жеребого кумыса»! Подружки и дружки в предвкушении за обязанности свои ретиво возьмутся. Сделаем, Салаватик? Э-эх, сделаем!

Катька отщипнула от «каши», показала нам «гузку», облизала пальчики и навесила ногу на ногу. Её несло: говорила совсем как взрослая баба. Былого испуга у неё, каракатицы в кресле, уже не было ни в одном глазу. Неужели это та Катька, которая минутой раньше от страха чуть в торт не угодила, восхищался я сестрой.

Салават медленно вставал на корточки, он внимал каждому Катькиному слову.

– И потом... ты, и сейчас красавец, а мужчиной станешь, будешь хоть куда. И знаешь, ты себе искусственное ухо вместо наушника не делай – ты с наушником, кроме того, что... красивый, мужественным выглядишь, – распоясалась в «бабу рязанскую» Катька. Другого определения сестре, видя с каким апломбом себя вела, я дать не мог. – А Марго я полностью беру на себя. Свидания у тебя с ней будут нечастыми и непродолжительными. Встречаться будете раз в две недели. За ручки подержитесь, ты ей стишки Есенина считаешь, она тебе про тараканов с клопами расскажет – и по домам. Досыпать живую... Подружек и дружков много набирать не буду, с пяток-десяток, так что, тебе не сильно накладно будет. Марго остепенится – оставит Машку в покое. Знаете, уже сегодня за майского жука, контуженного бюстом Бактерии и раздавленного Квартальным, она ей ничего не сделала. Потрепала по чёлке и даже улыбнулась. Любовь – большая, я скажу вам, сила... Всё же Машка опасается, ночью Пульхерия ей в постель гусениц напустит, но если ты сейчас позвонишь Будённому и она регистрирует меня свахой, этого не случится... А, Салаватик-жан?

Салават – от Батыя у него уже ничего не оставалось, разве что серьга в ухе, перстни-печатки на пальцах, да багровая родимая отметина не темени – тем временем встал на корточки. И... утерял балансировку. Попятился и сел... в хомут «сотый», что выпал из шкафа. Уселся, будто на сидушку унитаза. На Катьку смотрел обалдело, и не отвечал, со сторо-

ны казался придурком на горшке, неспособным разобраться в её доводах.

– Ну, во-о-т, – продолжала Катька, так и не дождавшись согласия Салавата на её немедленное назначение свахой, – дальше проще. В очередное прошение Марго утвердить ей позывной «Кастро» купцы проголосуют «за» – Фра это обеспечит. Сбудется ведьмина мечта – оставит сестру в покое. Пройдёт тройка лет, Машку просквозит, остынет к мулине и степу и ты ей признаешься в любви. Трагикомедия будет ещё та... А прежде я за эту тройку лет подготовлю почву: на дискотеках начну повальное украшение волос пацанов петушиными перьями. Кстати, к этому времени подружек и дружков понадобится больше двух десятков, не меньше. Мы, девчонки, пиво с орешками не любим – «кумысом» угощать будешь. Опетушим всех из нашей школы и старшеклассников школ Мирного и Быково. Те волочатся за Марго, не зная какая она воображала и зануда... «Курочек» парочку определим, поправим и им причёски, так для правдоподобности... В тебя, Батый, девчонки влюблялись бы... если бы не уважали... Тебе обувь надо носить на высоких каблуках. Руки в перстнях – красивые, а вот ноги... удлинить не мешало бы. Ну во-о-т... Ты, поделав вида, что бешено ревнуешь, поквасишь соперникам носы... и всё – заявишь, что устал, что любовь прошла... А скорее всего Марго сама, первой, от тебя откажется.

Последние фразы Катька произнесла, делая выразитель-

ные паузы. С такой интонацией, что я и Салават, как небыли ошеломлены Катькиным «вояжом», уловили всю их двусмысленность. Придя, наконец, в себя, потенциально возможный Руслан, слез с «седушки», подобрал вислую губу, обнажившую нижний ряд крепких в мясистых красных дёснах зубов, и сказал:

– Гадюкой ты будешь не только в других жизнях, но и в этой. На гориллу с наушником я без высоких каблуков похож? Потому Марго сама от меня откажется? Эти что есть, короткие ноги, дай тебе волю, укоротила бы. Так?

– И не потому совсем откажется, – спешила найтись Катька, – Если даже предположить то, что она действительно в тебя влюблена, а не хитрит, чтобы заполучить невестино имя «Людмила», а после логин «Кастро», то и в этом случае рано или поздно откажется. Предел её мечтаний, все знают, – разводить в прериях Амазонки пингвинов и скармливать их пираньям. Это рыбки такие: нырнёшь к ним, – один скелет от тебя оставят. Ты же за ней в джунгли не поедешь?.. Ну а если всё-таки влюблена, я эту блажь из неё выблюю. Да так преуспею, я тебе обещаю, она первая заявит, что устала, прошла любовь. Будьспок.

– То есть, украсишь меня страусовым пером! – уточнил Катькины доводы Салават.

Ой, Гадюкой! Змеюкой станешь, соглашался я с Хансом и Батыем.

– Настоящая любовь требует жертв, – убеждала Катька. –

Да и чего ты хотел! Влюбился в малолетку, и не просто в красавицу, а в милашку, всеобщую любимицу... Да и какой здесь другой выход? Я не вижу. Забрать стишок у Марго и Мальвине отдать? Гусеницы в постели сожрут бедняжку! Да ты радуйся, что всё так приключилось. Машке одиннадцать лет, дать обет верности такой пацанке! Извини, Батый, это не просто поспешно – это неблагоприятно. Многие, знаю, влюблены в неё, но никто же до сих пор не объявил об этом всему свету, не назначил сваху. Даже тебя презрели бы за такую ретивость. А уж дуэлей и разборок сколько бы было! Будь-пок. Чесслово.

Салават окончательно пришёл в себя, молчал раздумывая. Предложения Катьки были необычными и, возможно, – выходом из создавшегося положения.

– Но ведь... это подло незаслуженно украшать петушины-ми перьями, – всё же выразил он сомнение.

Я понял так, Салават уже согласился с Катькиной идеей.

– Ты не знаешь Марго, – грациозно, оттопырив мизинец, большим пальцем вытирая крем в уголках рта, успокаивала Салавата сестра. – Ведьму обуревают одна страсть. Недавно с Мальвиной узнали... случайно... В полёт она берёт коробочку с клопами. Разводит этих вонючек...

– Марго летает!?! – перебил Катьку Батый.

– Не на метле – мальчишки, ошастливленные покупкой парубка, в «первый полёт» на стену берут. Так вот, разводя вонючек, ведьма приучает их к керосину. Пацаны, прикинь-

те, чем потом начинают вытраивать клопов из машины? Тем, что под рукой – керосином из бака. А с очередным своим воздыхателем Марго летит пожинать плоды предыдущего, вчерашнего, полёта. На стене, поодаль от популярных её мест, сидит одинокая вертушка без пассажира в кабине, а пилот с наружи и чего-то там копошиться. Ведьмин воздыхатель думает, что это лёгкое происшествие и вынужденный ремонт, запрашивает борт, нужна ли помощь. Не знает, дурень, что и он не минует такой же участи, так же – с такими же предосторожностями от чужих глаз, в своём парубке – будет вытраивать керосином лазутчиков Марго. Запросит борт, получит, естественно, в ответ благодарность и отказ в приёме помощи. А Пульхерия тем временем всё пишет на видеокамеру. Ну, кто из «укушенных» пожелает предъявить ей счёт? Несколько раз пытались выкрасть записи. Мальвину подговаривали. Меня не просили. А я б согласилась, и ох бы за дорого. Сделала бы копии с кассет, и всех-то делов. Прикинь.

Ничего такого я не знал! Салават, тот слушал сестру с не меньшим интересом.

– «Укушенные» очередных претендентов на полёт, естественно, не предупреждают, – продолжала Катька. – Пульхерия своё «...предназначение, выкреслять охоту у паскудников на корню – в младости» начала расчётливо, с умом. Сначала полетала с моделаторами и комиссарами, после – с классными авторитетами. Потом – с гордыми там всяки-

ми. Будет комиссар и авторитет кого предупреждать? Что смешно, «укушенные» всё друг о друге знают: они – дурни! – в одном списке на очередь полетать с Марго состояли. Но не сознаются, скрывают свою принадлежность к облапошенным. Мы с Мальвиной не один раз наблюдали, как вчерашний воздыхатель теперь «укушенный» встречает отказника в помощи и, так, будто между прочим, допытывается: «Что за поломка-то была? Хотел помочь». На что получает уже традиционно стандартный ответ: «Да так – пустяк. В сиденьях винты поослабли – дребезжали». У Марго компромата – целая коробка кассет. Как-то оставила свой закуток открытым, с заступом прибранным, мы с Машкой и обнаружили случайно. Кого только там нет: моделаторы из нашей школы – все поголовно, кроме Истребителя; все комиссары; из классных авторитетов только тебя, Салават, нет; из гордых там всяких... Франца нет. И не только из одной нашей школы: принялась ведьма за мальчишек из Мирного и Быково. Так вот, теперь, когда заполучит имя «Людмила» и логин «Кастро», а твои свидания с ней будут редкими, она снова поддастся своей страсти. Ты же знаешь, при желании невеста может прокатиться в парубке с любимым, в присутствии и с разрешения свахи, конечно. А я буду разрешать... Видеокамерой прикинусь. Только снимать буду не только виды из кабины, но и всё, всякое общение пилота с пассажиркой. Будет, будет у меня Марго на стену летать, рип мотать и глазки строить. А скажите, кто из «паскудников» не поведётся. А в

ступе с метлой, ты прав Салават, Марго летает. Слух прошёл, её за этим делом Глашка-головастая застукала... Да что ты, Салаватик? В инете. Но и живую Марго ведьма поряд-шная. Чесслово.

– Да, не боюсь я... Я с Мальвиной хотел бы встречаться.

– Ничем не интересней, – уверяла Катька. – О вышивании и степе трещать всё будет. Так что, лучше потерпеть. Всего-то, тройку лет. Пока о жаростойких пингвинах и пираньях слушаешь.

– Ты считаешь, я спешу, а меня ведь могут опередить – завтра кто-нибудь признается Мальвине в любви, сваху назначит. Из мирнянской или быковской школы.

– Да, медлить, пожалуй, не стоит. Тут один «бык» заявляется, вид делает, будто в нашей школе учится, а я точно знаю, живёт он в Быково. Здоровый. Кстати, ты с ним Фрадрался и проиграл. На глаза не попадается потому, что где он ошивается – а это там где Мальвина на переменках отдыхает – вас там не бывает. Петушиными перьями я немедленно запасусь... Подкинешь денегат, перьев закупить. Задание тебе, Салават: станцевать пару-тройку раз с подружками в клубе. Вальсировать не умеешь, на тур степа пригласишь. Попрыгаешь да постучишь каблуками, делов-то. Кумысом с тортом угостишь. Пивка с дружками попьёшь, орешков пощёлкаешь. Челюсти у тебя крепкие. И знай себе, раздаривай жвачку первоклашкам и второклашкам.

– Мальвина сама влюбится, – не отступал в своих сомне-

ниях Батый.

– Не влюбится, я тебя в этом заверяю. Пока Машка управляема.

Ох, змеюка, ой, гадюка, всё крутилось у меня в голове. Не астронавтом тебе быть – аферисткой станешь.

Салават молчал минуты две, наконец, вздохнул, мотнул головой, и, ни на кого не глядя, проронил:

– Денег я тебе дам.

Он ещё хотел что-то сказать, но тут загорелся индикатор и зазвучал зуммер: кто-то запрашивал подключения. Салават и я вспомнили, что должен позвонить Истребитель. Тут же подключили связь, отключив Катюку. Та ещё успела, помахивая ладошкой у ушка, попрощаться.

– Русла-анчик!

Истребитель пристально смотрел куда-то мимо нас, не поздоровался, а констатировал:

– Вечер... Добрый.

Мы поспешили отреагировать подобающе; у меня почему-то вырвалось «Добрый день».

Истребитель ещё некоторое время пристально смотрел мимо, – кажется, на хомут, – потом, уже и нас удостоив взглядом, авторитетно и компетентно констатировал:

– Переговоры. Не возбраняются.

Ухмыльнулся и, крутанувшись в кресле на колёсиках, откатил к столу, обратно к викаму вернулся с огурцом в руке. Откусил и выплюнул попку.

– Мировая, что ли? А то мою разборку отложили – вашу в программу включили.

– Уважаемый Коммандер, – начал Салават, – мы с Покрышкиным на твоё рассмотрение вносим идею: от секундентов мы отказались, связать руки нам будет некому, а раз так дерёмся в костюме с пустыми рукавами; руки будут заведены за спину и склеены в ладонях пластиной двухстороннего скотча. Перед запуском «по ту» сами склеимся.

Истребитель подбросил огурец высоко вверх. Молниеносный выброс руки... и огурец пронзён указательным пальцем точно в месте откушенной попки. Не без самодовольства сказав: «Учусь пока», вернулся к теме:

– Нет проблем. Появляетесь на Манежной в 23.58; Покрышкин с северной стороны площади, Батый – с южной. В костюмах... э-ээ... боксёров. Никаких приветствий, базаров, демонстраций силы и удали – сразу начнёте сходитьсь.

На этом, откусив от огурца, Истребитель отключился.

Мы долго молчали.

Я представил нас в костюмах боксёров, но без боксёрских перчаток, с руками склеенными за спиной... и ногами фехтующих. У боксёров-профессионалов форма – боксовки да трусы; есть майка – но у спортсменов-любителей. Но майка не кэйкоги – без рукавов. В общем, ни бокс тебе, ни каратэ – и с этого уже с трибун посмеются.

– Оденемся в форму боксёров – тех, что были первыми в этом виде спорта. Тогда маек ещё не было, в круг в рубахах

выходили, наденем навыпуск, – нашёл выход Батый.

– Идёт, – согласился я.

Молчали.

От неловкости посмотрели время, Салават у себя – на викаме, я – на «ходиках». По ним – 22. 9.

– Двадцать два, тридцать девять, – уточнил время Салават, видимо, узрев изъян в моих «ходиках» на потолке.

Он опустился на коврик у хомута, я собирал со стола крошки от булки. Наше молчание становилось гнетущим, и Салават торопливо прервал:

– Тебе сделали обрезание?

Вот уж о чём мне не хотелось говорить, но я все же, помедлив, ответил:

– Да... У отца в работниках одно время жил старик-еврей, прицепился – сделай да сделай. Для здоровья малыша полезно, в отрочестве и юности рукоблудством заниматься не сможет, а мужем станет – красавцем будет, уверял. Отец взял и послушал... Старик и обрезал... Жаль, могила его где-то на материке.

– Осквернил бы?

– Легко. Фотографию его произведения – в полной красе – положил бы на могилку. Кстати, что это за болезнь такая, Пейрони.

– У тебя её нет... Ну, это когда... «бегемот»... озверев, повернут боком в какую-либо из сторон, ближе к животу. У тебя стойка – безупречная.

– А-а.

– Франц, как бы дальше ни было, – наш поединок состоится, – но я хочу попросить у тебя прощения за прошлое... Признаюсь, давно ревновал тебя к Маше: она у Катьки в вашем доме так часто бывает. А сегодня? У меня эта неясность какая-то с ней, и... «быка» вчера Стас засёк. Ты Дамы сторишься, вот и попала вожжа под хвост. Мне тошно вспоминать, какими методами я добился авторитета. Но нам татарам иначе нельзя, нас в семьях с младенства учат быть на коне. А в душе я совсем другой... Теперь, когда признался в любви Маше, Марго то есть... да Мальвине же, черт, я стану другим. Вживую. Я этого хочу.

Послушав Салавата, я захотел пожать ему руку, и сделал, может быть, самое на сей момент важное в моей жизни заключение: люди – странные существа.

– Ладно, Салават... Чего уж там.

Батый смотрел выжидающе: ему, видимо, все же хотелось услышать от меня «Прощаю».

– Смешно со стороны было?.. Ну, с моим бегемотом? В мастерской? – не смог я найти ничего другого, чтобы прекратить заминку.

– А, ты... о бегемоте-инвалиде? Ну, забавно вышло. Если бы не штраф. Марго – дура эта истеричная...

– Когда в окно подсматривали? – уточнил я.

– Никто не смеялся. Пацаны как увидели, сразу от окна на землю попрыгали. Девчонки, те смотрели, но не долго, и

не смеялись... когда дивиться надо.

– Совсем забыл, что сегодня зоология, джинсы с жилеткой надел. Джинсы с фланелью, без плавок надел.

– Я на химии протоколы писал, на тебя заготовил, – думал сачканёшь зоологию. Из-за джинсов с жилеткой.

– А то, что Покрышкин свою «активность» продемонстрировать собрался, не подумал, – в джинсах оно заметней и выразительней, – съязвил я.

– Плохиш, как ты появился утром в классе, так и посчитал. Я твоего бегемота уродовал, а он придумывал, как добиться, чтобы тебя вызвали отвечать у доски. Дурку валяли. А, вообще-то, знаешь, Марго, ведьма эта, всё затеяла. Она, ведьма, «ноты написала» – как сочинила, так и сыграли. Ты не подумай, что на неё всё валю, оправдываюсь – сам хорош. О штрафе у меня и мысли не возникало, думал, развлечёмся твоим рассказом о любимом животном. И на Стаса не обижайся, он, ты видел, всё делал, что бы отцу твоему не платить штраф.

– Ладно, ерунда всё. Стас мне – друг с детсада. Я, он, Доцент и Дама с Пульхерией в одном ряду на горшках сидели. И если хочешь знать, Пуля – в садике Сумаркову так звали – не плохой девчонкой была. Я думаю, в душе такой и осталась, а ведьмой прикидывается. Мужиков и пацанов ненавидит, это у неё с того времени, как отец их бросил. В первый класс пошла за руку только с мамой, её и приняли как юродивую, она и замкнулась, в учёбу ударилась. Катька рассказала, видела

у неё в комнате фолианты по химии, биологии и медицине, а на экране компа – учебные программы по нейрохирургии и нанотехнологии.

– Лезу я с головой в омут... С этой Катькиной затеей?

– Брось. Мне Доцент рассказал как-то, что Марго на тебя глаз положила, но я тогда, то ли не понял, то ли значения не придавал, и забыл. А Доцент не ошибается. По Стамеске уже сох. Рыжая была под окном... когда подглядывали?

– Дама? Кажется, нет... Раз Портоса не было, значит и её тоже. Но видел бы ты нашу Мэрилин Монро! Очки сняла, глазищи выкатила, челюсть повесила – ну, лошадь! Слышал, как она Квартального с твоим отцом чистила? Ну, а когда увидела бегемота... ну, озверевшего... стояла, ну кобыла кобылой – ни «тпру», ни «но». Нас в окне заметила, давай закрывать... бегемота... Юбку в обе руки и, то передом к тебе станет, то задом. Ты отключился, а стоишь... ну и это... как встало, так и стояло. Училка подолом юбки – до того как бегемот совсем озверел – прикрыла, чистила Квартального с отцом, пока не осеклась – подол вдруг начал набухать. Казалось, тебе между ног – в юбку эту упором – оглоблю просовывают. Подол убрала, – девчонки ахнули. Ты на пол и скопытился. Лежишь, бегемот – в потолок. Квартальный, тоже мне нашёлся, снял шляпу прикрыть – на голову «зверю» надел, только на треть и укрыл... И тут в мастерскую входит Вера Павловна. Отец твой стоял, стоял, тёр уши, а тут как бросится джинсы тебе натягивать. Прежде лапти

зачем-то снял. Снял с бегемота шляпу, – завуч: «Ох!». То ли за сердце, то ли за грудь схватилась – не дышала. Отец тебе джинсы подтянул, а заправлял бегемота в ширинку, молнию застегнуть не успевал: заправит, только бегунок потянет – из джинсов зверь выскочит, как болванчик на пружине. А поторопился, защемил нечаянно. Кровь пошла, чуть ли не фонтаном. Квартальный бух на колени, пытался зажать рану, но где там. Давление же. «Что вы делаете с человеком, звери!» – кричит из кафедры Мэрилин Монро. «Пустите! Дайте мне!» – отталкивает отца и директора Бактерия. Приседает над твоими коленями, снимает свои перчатки, одной рукой берёт бегемота за голову, пальцами другой щелкает ему... под дых – тот и загнулся, скукожился, упал. Завуч срывает с себя кружева, расстёгивает платье, достаёт грудь и выдавливает молока на ранку. Я за окном не слышал, зашипело ли, но кровь свернулась – запеклась на глазах в закоричу. Прямо как в старых киноужастиках... Извини, может, тебе неприятно об этом слышать... Что с тобой такое стряслось – тебя будто парализовало? В первый раз, когда нас застукал Квартальный в стойках готовых к драке – подумал, струхнул ты и финтишь. А тут, – какие финты: без трусов и с этими... юбкой и шляпой на оглобле.

– Этот третий случай. В первый мы с дядей Францем в Рождество в спарке работали. Мой джеб – дядя с катушек, а меня вот так же сковало. Дядя встал, потрепал за волосы со словами: «У тебя страх прорезался? Ты становишься на-

стоящим мужчиной, малыш... Пойду опохмелюсь». Ушёл, а я так ещё минуты три стоял... Парадоксы переходного возраста, как думаешь?

– И не сомневайся даже. Один из моих братьев мочиться в постель начал, другой жаловался на головные боли. А я флейты из рук не выпускал... Шрамы ужасно чесались, и с новым ухом в наушник проклюнувшимся себя во сне видел. У братьев и у меня прошло – так что и у тебя пройдёт.

– Почитай, что-нибудь из своих стихов, – попросил я. И представил себе Батыя, играющего на флейте, чтобы не расчёсывать шрамы в месте уха, но все же елозившего головой по дверному косяку. Катьке заплачу, нарисует. Рядом изобразит Плохиша, подрисую ему болезнь Пейрони. Подговорю сестру, повесит до уроков на двери прибавочкой к «Сало». Не одним им дурку валять.

– Я тебе на флейте сыграю. Только она в гостиной, подожди минутку.

С уходом Салавата кто-то сделал запрос на подключение к связи. Катька заскучала, но номер оказался Сумарковых. Я его знал: иногда звонил по просьбе сестры передать, что Мальвина задерживается у нас. Если отвечали не родители, подходила Пульхерия, без подключения видео называлась: «Марго». Слушала и, ни слова больше не сказав, отключалась.

Я подключился. Как и ожидал, в возникшем третьем окне на экране викама ничьего изображения не появилось.

– Слушаю... Да слушаю же!.. Если с Батыем нужна связь, так он за флейтой вышел – сейчас будет, держи запрос, – предложил я, уверенный в том, что это Марго – она дышала. Видео я отключил.

Вошёл Салават.

Про флейту брякнул, олух, отругал я себя.

Услышав зуммер запроса у себя, Салават, спрятав флейту за спину, поспешил из гостиной. Спросил меня одними глазами, кто.

«Марго», вывел я в воздухе пальцем имя.

Салават засунул флейту за резинку шаровар на пояснице и подключил абонента.

– Да.

Молчали... и еле уловимый вздох.

Салават затравленно взглянул на меня, невпопад сказал:

– Извини, Покрышкин, – я заставил тебя ждать.

– Ерунда, – заверил я. – Ладно, в другой раз покажешь, как ты двумя пальцами перерубаешь флейту. С моим дядей все равно тебе не сравниться – он это проделывает одним. Пока.

Вот отмочил! Что, если Марго пристанет и ей показать, как под пальцами её героя флейта разлетается надвое.

Сотопфон, что в кресле за валиком записывал на аудио наш в спальне разговор, я отсоединил от пульта и подумал, что завтра эту тайную запись можно «поломать» на компьютере – обнаружить монтаж, наложения – но решил этого не

делать. Не врёт Батый. Раз есть флейта – играет. И запись «К Элизе» Бетховена никакой не монтаж. Может только, на флейте играл старший Хизатуллин, а Батый на бубне. Тогда, кто же на фортепьяно? Батый, выходит.

* * *

Я запер дверь на замок, принял в ванной комнате контрастный душ, повалился десять минут на тахте и, оставив спальню, поднялся в свой закуток. Включил «РО ТУ», просмотрел программу чемпионата и репертуар «культурного досуга» – наша с Батыем разборка значилась первым номером. Внимание в разделе «Новинки» привлёк «общак» с названием: «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина в снонизации Марго». Авторской снонизацией поэмы Пушкина смелые и счастливые Людмилы публично признавались в том, что влюблены в Руслана по гроб жизни. Участь Батыя и свахи – незавидная. Разволновался даже: Катька – сестра мне, а Салават вроде уже как друг.

Я сбросил с себя одежду и, усевшись в кресло перед плазоплеем, взвесился, снял параметрические и физические показания, по результатам внёс коррективы в базу данных. Затем принялся выбирать костюм боксёра. Полистав библиотеку всевозможного их облачения, остановился на костюме английского боксёра середины девятнадцатого века: кожаные бриджи на подтяжках, белая свободного кроя рубаха. Про моделировал предстоящий поединок с Батыем. У меня не было его параметрических и физических данных – с ним я

не дрался – поэтому, покопавшись в двадцати восьми «копидах» бывших соперников, отобрал двенадцатиклассника из Быково – того самого «быка» что за Мальвиной увивался и которому я уступил когда-то на дуэли. Тогда я проиграл, не потому, что «бык» был так же здоров, как и Батый – это был как раз тот самый упомянутый мной поединок с закладкой фугасов. Меня в ключья разнесло. Свой и «быка» «копиды» я облачил в выбранные костюмы, а руки склеил за спиной двусторонним скотчем. Моделер выдал 1286486 различных вариантов прохождения боя, только в ста тридцати одном проигрывал мой «копид». И это при моем решении не применять дядину секретную стойку. Правда, со сцепленными на ягодицах руками стать в неё не просто – все же «целик» и «мушка» служили противовесом в удержании тела на толчковой ноге.

Облачившись в имитативный костюм, склеив ладони скотчем за спиной, заказав побудку на шесть часов утра (газон покосить и жука найти), я влез в капсулу и, откинувшись в кресле на подголовник, за минуту до полуночи вошёл в «потутошнюю среду»...

Мне снилось:

Я в подъезде жилого дома. Попробовал развести ладони, но скотч не поддался. Утром хватило б сил разлепить. А не получится? Катьку попрошу – будет же за позором брата с трибун наблюдать. Впущу в закуток, скальпелем клей вырежет. Ё-моё! Я ж без плавок! Со скотчем из костюма сам не

вылезу, и плавки не надену. Придётся Плохиша ждать, а он, сурок, по субботам до полудня спит. Выходит, после побудки в шесть утра проваляюсь до обеда, пока Плохиш не освободит – газон не скошу и жука не найду.

Чуть было не прозевал время: часы над выходом показывали 23.59. Дверь я открыл ногой.

Трибуны заполнены. Узнал многих. Плохиш на «южной» у прохода к подъезду, из которого ждали выхода Батыя, жевал ириску, в руках держал транспарант с текстом: «ВРЕЖЬ ЕМУ КАК СЛЕД». Рядом сидит Доцент. Марго в русском сарафане с кокошником, с платочком по-бабьи у рта, одиноко стояла у заградительной сетки. В первых рядах восточной трибуны мушкетёры, все трое, подняли в приветствии шляпы с перьями. Дама в образе и костюме пажа сидела на коленях Портоса. На верхотуре нарисовалась Катька в цветастой косынке завязанной «рожками» на лбу, свистела в два пальца.

Трибуны ревели. Взрывались хлопушки и петарды, на площадь в цветной дым падало конфетти со снегом и лентами.

Наконец на крыльце подъезда появился Салават. В дыму мне трудно было его различить, отметил только, что одет во что-то красное и синее. Успокоившись, я спустился на брусчатку.

У подъездов установлены помосты – места секундантов во всё время поединка. Здесь они перед появлением со-

перников демонстрировали публике выбранное оружие, случалось, завязывали противникам глаза, если бились «втёмную». Помосты пустые. Нам с Батыем связать руки некому: от секундантов мы отказались, поэтому-то и применялся скотч.

Я взобрался на помост, отсюда полагалось поприветствовать публику. Поклонился на три стороны. Батый на свой помост почему-то не залез.

Следуя указанию Истребителя «никаких базаров – начинать сходитья сразу», я поспешил к центру площади.

Трибуны взревели ещё сильнее, но неожиданно сразу же и поутихли.

Присмотрелся и невольно замедлил шаг: навстречу мне Батый ...скакал. Не шёл, а скакал, прыгая вперёд – с места, сразу двумя ногами. Одет он был в красную с чёрным горошком атласную косоворотку и в синие с белой полоской портки, обут в лапти с онучами. Пустые рукава рубахи от прыжков смешно взлетали к плечам и падали на бедра. Но не костюм русского кулачного бойца восемнадцатого века удивил, на шее у Салавата висел хомут, а ноги были стреножены конскими путами. И даже не это всех поразило. К хомуту шилом примкнул лист белого картона с надписью:

ПОКРЫШКИН —

КЛАССНЫЙ

АВТОРИТЕТ!

Я приблизился. Салават, отдуваясь, улыбался. По центру

лба у него красовалось багровое пятно будущего синяка. Его дверь в подъезде была и шире и выше моей, я свою открыл ударом ноги, он свою, стреноженный, – лбом.

Трибуны взорвались...

...В понедельник я был утверждён Комиссией в должности классного авторитета 9-го «Б». В зарплату за главные роли в «кино» получил сумму, чуть ли не большую, чем выручил мой отец за огурцы и помидоры, поставленные им к школьному столу. И это я ещё не загрёб, как купец за контрабанду. Отец месяц – один единственный раз за всё время моего купечества – сэкономил на керосине для моего парубка.

Закончив читать, Хизатуллин под текстом повести вписал:

КЛЁПА, МНЕ ПОНРАВИЛОСЬ!

Подумав, писал:

Милая, хочу, чтобы ты знала, в Хрон я виделся с Марго.

Мальвина уверяла, что Марго по-прежнему меня любит, страдает. Просила сделать ей шаг навстречу – вернуть жену. Показала сертификат с разрешением сестре завести ребёнка, и убеждала, что хочет та его зачать только от меня. До развода я уже, и изгулялся, и спился, чуть из армии не выгнали. Не выразил согласия, но и не отказал. Пообещав через месяц в отпуск приехать в Ниццу провести время с Марго, я уехал.

В Пулково меня арестовали. В ночь моего вылета из Парижа погибла Мальвина. Марго в её смерти обвинила российского офицера ГРУ. Моё имя ею названо не было, и в Париж я приехал инкогнито. Прессе она заявила, что за смерть сестры будет мстить всеми средствами и способами. Из ГРУ меня перевели в армейскую разведку на Дальний Восток, входить в контакт с Марго запретили. Спустя год, я на свой «эмэйл» получил письмо в одну строчку: «Прости меня». Без обратного адреса, вместо подписи малая «ю». «Юродивая» – так в школе, помнишь, за глаза дразнили Марго. А ещё через год, случайно узнаю: к моему приезду в Париж Маша Сумаркова была обречена, у неё прогрессировал рак мозга, жить ей оставалось дни; Марго приезжала к сестре во Францию проститься. Маша, проводив меня в аэропорту, вернулась к себе домой, где якобы и была отравлена офицером ГРУ. Хоронить её Марго увезла в Штаты. Мне позвонила Мальвина и попросила пока Марго в Париже, приехать. Я приехал.

Я вспоминал Марго. Мне казалось, что и любил, что разрыв наш был ошибкой – и её и моей. Сколько горя я ей причинил: в первый год после свадьбы, и гулял, и пил. Месяцами не жил дома. Извёл незаслуженной ревностью. Одно время ревновал её даже к Францу. Они сошлись, как уверял меня твой брат, душами. Ночами болтали в Интернете. Теперь-то я понимаю: завидовал я её успехам, уже тогда мировой известности. Ревновал потому, что не мог сопровождать её в поездках, ни за границу, ни даже в пределах России. Ты как-

то заинтересовалась причиной нашего разлада, я отказался рассказать. Помнишь последнее Рождество у Вандевельдов и твоих стариков? Мы с Марго нагрязнули неожиданно – в час, когда под ёлкой обменивались подарками. Франц шутики ради подарил мне свой старый сотовый телефон, в котором, как оказалось, осталась запись нашего – моего, твоего и Франца – сговора в отношении Мальвины и Марго. Той аферы, что ты придумала под «Жеребой кумыс», а Франц твоё изложение идеи и плана записал в сотовый телефон тайком. По пути домой в часть Марго запись прослушала и осталась в Москве без всяких объяснений. Через день мне позвонил взволнованный Франц, он вспомнил о роковой записи, но уже было поздно. Марго приехала, но только затем, чтобы оформить развод. Сменила себе пол, эмигрировала в Штаты, и больше до встречи в Париже мы не виделись.

Хизатуллин закрыл файл с именем «pdl» и отключил связь с домашним компьютером.

Перекусив марсианским кораллом «крабовая палочка», запив горечь сладким кукурузным отваром, подполковник Хизатуллин пригласил адъютанта подменить на посту, пока отлучится по нужде. Вернувшись, окинул взглядом экраны контрольных викамов и открыл в ноутбуке папку с файлами служебных документов. До заступления на дежурство по штабу оставался час.

Сначала открыл и прочёл файлы с лучеграммами:

Тихий океан, борт дирижабля «Распутин»

*– Fri Aug 9 9:04:51 **32*

Русь, Твердыня, Коменданту Крепости

Радиодокладная «МОЛНИЯ»

Вьнужден прервать погоню за пиратскими шарами волков по причине трагического инцидента на острове Бабеешка. Произошло боевое столкновение полуроты марпехов ОВ-МР и взвода Вооружённых Сил Пруссии. Взвод полёг весь, потери полуроты – 5 чел. Жду указаний.

Капитан Кньиш

ЗемМария, Русь, Твердыня

*– Fri Aug 9 9:59:56 **32*

Радио «МОЛНИЯ». Борт дирижабля «Распутин», капитану Кньишу

Приказываю готовить похороны с почестями, полуроте возможность покинуть остров блокировать. Формируется к отправке комиссия альянса для выяснения обстоятельств и расследования инцидента.

Комендант Крепости

Тихий океан, борт дирижабля «Распутин»

– Fri Aug 9 10:42:06 **32

Русь, Твердыня, Коменданту Крепости
Радиодокладная «МОЛНИЯ»

Покинуть остров майору Вальтеру нет возможности: полурота откапывает повреждённую БММП. По трагической случайности погибли сельчане деревни Отрадное. И прибыл посол Президента Пруссии, он требует ареста виновников гибели граждан. Жду приказа.

Капитан Кныш

*

ЗемМария, Русь, Твердыня

– Fri Aug 12 1:16:24 **32

Радио «МОЛНИЯ». Борт дирижабля «Распутин», капитану Кнышу

Лучеграмма с приказом Командующего ОВМР: «До окончания расследования инцидента полуроте спецназа под командованием капитана Вальтера (майор Франц Курт понижен в звании) надлежит дислоцироваться на месте, на Бабешке в Отрадном. Приказываю ему, комиссару, офицеру-медику, сержантам и рядовым 1-вого взвода оставаться на Бабешке. Без вооружения, брони и оснащения, с задачей восстановить колхоз «Отрадный». Личному составу 2-рого взвода, всем офицерам, оруженосцам и денщикам вернуться в ЗемМарию, в Крепость».

Капитан Кныш, исполните в точности. Жду возвраще-

ния «Распутина» в Твердыню.

Комендант Крепости

*

Затем прочёл файл с рапортом на имя Помощника премьер-министра, коллежского асессора Иза Белла.

Рапорт:

Спецподразделения полковника Франца Курта и майора Франца Курта (последний в кампании на Земле под марсианским именем Вальтер) из частей задействованных в «миссии бин», исключены: первое – ввиду гибели по причине рокового истечения обстоятельств; второе – на основании оперативных сведений о неспособности выполнять даже обычную задачу кампаний на Земле. Подробности изложу позже, как только получу обстоятельную информацию.

Подполковник Хизатуллин

*

После прочитал свои доклады командующему:

Докладная:

Выяснены обстоятельства, какие явились причиной исключения подразделений полковника Франца Курта и капитана Вальтера из частей задействованных в «миссии бин». Вам известно, первый второму приходился родным дядей. Племянник Франц Курт – тёска дядин, на Землю отправлен под марсианским именем Вальтер.

После смены власти на Марсе рота полковника Курта подверглась аресту сохидами, содержалась на гарнизонной гауптвахте в Твердыне под надзором гвардейцев Сохрана Исхода. Полковник сумел бежать с 3-тмьм взводом на остров Бабешка, где пять лет восстанавливал колхоз «Отрадное», на шестом году основал Вооружённые Силы Пруссии, островного государства. Два взвода роты остались в ЗемМариш под арестом. Полковник Курт через завербованного нами менялю дал знать о месте нахождения Капитана бин Немо и о своей готовности исполнить «миссию бин», ликвидировать террориста. Попросил подкрепления и я отдал приказ майору Вальтеру срочно прибыть с полуротой (3-тмьй взвод, как Вы знаете, оставлен в полку на Марсе) на Бабешку под предлогом досмотра деревни Отрадное, где дядя и племянник должны были встретиться и объединить свои силы. Что-то не заладилось: их контакт возымел трагические последствия – полковник погиб, и погубил дядю племянник.

Возникла угроза межпланетного скандала, потому как, кроме инцидента уничтожения Вооружённых Сил Пруссии, в поле, на которое высадились спецназовцы Вальтера, по случайности погибли и жители деревни Отрадное. Но после похорон Президент Пруссии передал Правительству Марса своё решение о снятии обвинения в агрессии – на основании вывода, что командующий ВС Пруссии, первым открывший огонь по марпехам, принял десант за пиратов. Во избежа-

ние сокращения поставок лекарств Премьер-министр Марса попросил Президента Пруссии оставить один взвод на острове с задачей восстановить колхоз «Отрадный».

Разрешите личному составу 2-рого взвода полуроты капитана Вальтера (майор понижен в звании), всем ротным офицерам, оруженосцам и денщикам вернуться в Твердыню. Затем в часть к месту постоянной дислокации, в полк на Марсе.

Доложил подполковник Хизатуллин

*

Докладная:

Товарищ командующий, Вашему вниманию предлагаю запись-ком, скопированную с комлога майора Кагановича (зампотылу в роте полковника Курта), в инцидент он оставался в полевом лагере ВС Пруссии, после событий занимался организацией похорон. Авторское изложение записи-ком сохранено.

Хоронили погибших на третий день. Премьер-министр Марса Президенту Пруссии прислал соболезнование, попросил власти Альянса ЗемМария создать комиссию по расследованию инцидента.

Гробы сделать на острове не из чего, русский генерал доставил на вертолётё складные из цинкового листа – хватило похоронить комиссара с разведотделением полуроты Вальтера и полковника Курта с солдатами. Для сельчан Отрадного

капитан Кныш выделил погребальные и спальные мешки из оснащения дирижабля. Под могилы выкопали траншеи, надгробья готовили каждому в отдельности. Обелиски и кресты сделать тоже ничего сподручного не нашлось, но выручил прапорщик Лебедько: по его идее в форме из половинок разрезанной надвое трубы ракетницы налили из глины девяносто три столбика и обожгли огнебаллистой. Заодно сформовали ещё один – для первого председателя колхоза «Отрадный», умершего давно и захороненного у тропинки от Отрадного к соседней деревне Мирное. Рядом с его могилой я и определил место кладбищу «Крестьянскому». «Воинскому» же место отвёл у противоположной околицы Отрадного по сторонам тропинки в деревню Быково.

Островитяне помощи в похоронах не оказали, во все три траурных дня проститься с соседями не пришли, ни из Мирного, ни из Быково. Детей погибших, которые в день трагедии по счастью смотрели в Мирном кукольный спектакль, не привели. Прибыл только Президент Пруссии. Слепой, старик сидел с псом-поводырем в сторонке, никому не мешал.

Все дни до похорон погода стояла отвратительная, из-за пыли ничего не было видно за двадцать шагов, поэтому световая связь между деревнями на острове бездействовала, сигнальные фонари пылевую взвесь не пробивали. Капитан Вальтер послал вестового к председателю колхоза «Мирный» с приглашением на погребение, но вернулся марпех с запиской содержания членам комиссии не совсем понятно-

го:

Господа адмиралы и генерал!

Вы как прилетели, так и улетите в ЗемМарию. Нам же на острове оставаться по гроб жизни. Манна небесной с киселем здесь на головы не проливается – лично каждому приходится добывать хлеб и питьё. У меня в страду прополочную каждая пара рук на счёту! Нам больно, мёртвым все равно.

Председатель правления колхоза «Мирный»

Прочли Президенту, тот поскрёб в затылке, но ничего не сказал; достал из внутреннего кармана френча фляжку, отпил и попросил в Быково к председателю колхоза «Звёздный путь» вестового не посылать.

Надмогильные надписи крестьянам Лебедько нанёс клинковой резьбой по дну алюминиевых мисок, воинам – по дну солдатских котелков. К именам, датам рождения и смерти первым вырезал кресты и проставил в тексте «крестьянин», вторым – звёзды и «воин». Обработывал огнебаллистой столбики, на верхушки из подрасплавленного «стекла» надевал миски и котелки.

Надписи комиссару, командиру разведотделения, председателю колхоза «Отрадный», заодно и первому председателю, полковнику Курту прапорщик разнообразил дополнительными сведениями и чем-то вроде эпитафий. На котелке комиссару вырезал:

ВИЛЬГЕЛЬМ

15.05.*4 X 09.08.**32.**

**Небён, первый урождённый марсианин.
Воин, комиссар ОВМР.
Погиб при исполнении обязанностей.**

На котелке обелиска братской могилы солдат разведотделения:

МИЛОШ МИЛОШЕВИЧ

14.02.2059. X 09.08.32.**

Земляк, воин, сержант, марпех ОВМР.

А был профессором истории.

ЯНУШ, ДМИТРО, НИКОЛКА

Рядовые, марпехи ОВМР.

Небёны, а могли бы родиться на Земле.

На миске председателю колхоза «Отрадный» вырезал:

ДЕМИДОВИЧ ТАТЬЯНЫ

ИВАН ЕФИМОВ

15.11.2152. X 09.08.32.**

председатель колхоза «Отрадный».

Господи, за что ему такая доля.

С дощечки на кресте из мотыжных тятищ перенёс надпись на обелиск с миской:

ХАРИТОНОВИЧ АННЫ

ПАУЛЬ КАСТРО

01.01.2151. X 16.02.31.**

первый председатель колхоза «Отрадный».

В прошлом биохимик, нейрохирург, академик.

Надпись своему командиру Лебедько вырезал особенно аккуратной клинковой резьбой:

ФРАНЦ КУРТ

24.11.2034 X 09.08.32**

полковник, командующий ВС Пруссии.

Господи, упокой душу Бати.

Хрон в печень виновникам его гибели.

Вильгельм был первым из небёнов, родился на «Звезде». Вынули из крио-тубуса, дитя, прося грудь, верещало: «мут-тер», поэтому назвали немецким именем. «Немец» – национальность назначили.

Милош Милошевич – земляк: зачат и родился у мужчины с женщиной на Земле в Сербии до Хрона, сто лет спал в Анабиозарии Исхода.

У председателей колхоза «Отрадный», как у многих послехронных землян с презрением относящихся к марсианам (тем же землякам), в паспортах сделана правка: сначала прописано отчество, имя матери, только затем имя собственное и фамилия. Так и на погребальных обелисках обоим написали.

Полковник Курт – родной дядя капитану Вальтеру. Нака-

нуне земной кампании племянника майора Франца Геннадьевна Курта на «Звезде» официально сообщили о пропаже без вести роты ВДВ под командованием Франца Аскольдовича Курта, где-то на островах близ Кубы, но майор знал, что на самом деле дядя выполняет секретное задание. О том, что прусский комвзвода Вальтеру родственник знали только я, ротный старшина Балаян и прапорщик Лебедько. Первому майор приказал второго попросил о том молчать. У Лебедько попытался узнать, что произошло, почему взвод атаковал полуроту, при этом накрыв и крестьян. Спросил, не замечал ли прапорщик за полковником странностей и неадекватного поведения. Лебедько сплюнул и позже всем поведением показывал, что тема эта для него табу. Смягчился, после впроголодь прожитого года, как майор разжалованный в капитаны согласился проделать в Отрадном реформу, последовать дядиному примеру. Приказом были отменены воинские уставные отношения. Звания упразднили, имена и фамилии заменили прозвищем, обращаться друг к другу стали «мужик» или «хлопец». Збарек Крашевский назвал именем возлюбленной – Крыся; старший сержант Брумель в память о погибшем друге за прозвище себе взял его спецназовский позывной «Йосиф». Я, представившийся Коганом, Вальтера назвал Председателем, он не возразил. Других семерых старожиллов острова: Комиссарову, Хлебонасущенскому, Чону Ли, Селезеню и троем солдатам его разведотделения оставили прежние прозвища: Камса, Хлеб, Чонка, Селезень, Ме-

лех, Крынка, Пузо Красное. КП (командный пункт) переименовали в колхозное правление, казарму в спальный барак, каптёрку в продсклад, пищеблок в столовку, медчасть в больничку, галююн в нужник. Та оно было в бытность полковника Курта Председателем, Батей.

Сразу после прощального салюта Президент Пруссии изъясил желание отбыть в столицу. Снимая намордник с дога-поводыря, запряжённого в велосипед, он заручился обещанием адмиралов и генерала придать захоронениям статус «братских» и помнить его сограждан, лишённых теперь единственной защиты от пиратских набегов. А он лично готов оказать всякое содействие в расследовании трагического инцидента, до конца жизни останется в печали по хорошему товарищу, верному другу Францу Аскольдовичу Курту. Попросил должно помянуть командующего ВС Пруссии на поминках, на которых, к сожалению, присутствовать не сможет. Генерала ещё попросил передать Коменданту Крепости, что вся вина лежит на нём, пославшем на Бабешку спецназ по причине смехотворной – доноса. План по поставкам в Твердыню выполнен, а всё огнестрельное оружие в Отрадном – несколько дробовиков, которыми распугивали над колхозными полями чаек, налетавших на остров во время захода сюда судов менял; ружья в последнюю их швартовку были обменены на автомат «Кукольное представление Арлекин & Петрушка» и сладости детям.

Президент мне показался странным. Высокий воротник

френча всегда застёгнут выше подбородка под самый нос. Плаща с капюшоном и перчаток не снимал, хотя погода была не дождливой, довольно сносной, если бы ветер с океана не поднимал пыль. Ночь в отведённой ему палатке не спал – уединялся где-то с догом. Здоровался и прощался с адмиралами и генералом за руку, не сняв перчатки. Простившись с членами комиссии, подозвал комроты и сказал утешительное: «Не отчаивайтесь, майор». Растроганный, Вальтер распорядился доставить Президента в столицу на БММП по воздуху. Тот поправил очки слепца и отказал:

– Нет уж, спасибочки. Меня встречать выйдет вся столица, а у вас, насколько я осведомлён, щит у ветролёта глючит. Отстреливаться, даже резиновыми пулями, вам на дружественной территории запрещено. Не хотите же вы ещё одной трагедии? В Быково крестьянствуют бывшие горные проходчики, забойщики шахтные, бетонщики и монтажники – и со спецназом готовые схлестнуться. Нет уж, как-нибудь своим ходом.

Тогда я по распоряжению комроты помог старику сесть на велосипед и катил, удерживая под седло. На подъёме большой сопки старик меня остановил и сказал, что дальше дог сам справиться. Я поправил упряжь и пожелал счастливого пути. Слепой ноги держал не на педалях, а скрюченными на раме, подметив это, я опасался, что упадёт съезжая с перевала сопки. Попрощавшись, я поднялся следом на перевал. Каково же было моё удивление оттого, что увидел. Съехав по

склону, Президент неожиданно затормозил, слез с велосипеда, упал в песок на колени, снял капюшон, перчатки, сбросил плащ и френч, сорочку, брюки и начал энергично и безудержно чесаться. В этом ему, лениво лапой по спине, помог дог. Потом, спустив трусы, старик онанировал. Пёс улёгся с переду хозяина – ждал струю.

Президент Пруссии принял отставку у оставшихся в живых. Забрать уволенных со службы на дирижабль капитан Кныш приказа не получал, а сами те, к всеобщему удивлению, покинуть остров не устремились. Лебедько, когда Кныш всё же предложил улететь с ним, отрезал: «Куда нам с такими ушами? Людей смешить? И потом мы поклялись не покидать острова, пока могилы наших товарищей здесь». А надо сказать, у старожилов острова уши, действительно, были необычными – с набухшими хрящами и налившимися чем-то тяжёлым мочками. К тому же, покрыты по всему телу густой рыжей шерстью, редкой и жёлтой на груди, животе, ладонях и стопах ног. Меня одного минуло это безобразие, потому как в отличие от сослуживцев мало съедал островной ягоды-оскомины – у меня язва. Звал «чебурашками». И смешно, и оторопь забирала. Я о таком необычном недуге – а я тогда считал, что это болезнь – не знал, даже у мутантов на материках.

Довольствия на старожилов не было, поэтому Вальтер, теперь уже капитан, приказал своему разведотделению, каптенармусу, повару, ротному порученцу при комиссаре и ден-

щику убыть в ЗемМарию. Денщик, прощаясь со мной, сказал: «Китайца Чона Ли, нового денщика комроты, я проинструктировал – наказал пищу обильно не солить и сладкого много не давать... Хлебнёте вы здесь. Но послушай, старика: не только поднять колхоз вас здесь оставляют. Командующий, понятно, тем спасает от скорого суда: вернул бы в Твердыню, отправили бы на Марс – под трибунал. Но, сдаётся мне, именно здесь, на Бабешке, вы ему зачем-то нужны, иначе бы профессионалами так не рисковал. Земляки – бывшие горожане, не говорю уже о небёнах, – полоть не умеют, а вырастить пшеничку знать надо как. Попроси комроты оставить меня на острове, я до Хрона фермером был». К Вальтеру с этой просьбой я обратился, но тот отказал.

*

Товарищ командующий, выше приведённый фрагмент записи-ком майора Кагановича мне передан агентом Резчиком. Ниже привожу результаты расследования и мои соображения в развязке по «миссии бин»:

Вальтер, удручённый инцидентом, в похороны невнимательно прочёл надпись на кресте из тятищ, после – на обелиске первому председателю колхоза Отрадный. И позже, должно быть, навещивал только кладбище «Воинское», не посещал «Крестьянское». А ведь под именем и фамилией Кастро Пауля Харитоновича жила до Хрона и на Марсе после Хрона, а десять лет назад бежала на Землю, известная

нам Сумаркова Пульхерия Харитоновна – Марго, наша с Вами одноклассница и моя в прошлом жена. В пользу того, что Марго жила на Бабешке говорит за себя факт: три деревни на острове названы Отрадное, Мирное, Быково – так же как посёлки на нашей с Вами родине. Марго несомненно приложила руку, она вице-президент Пруссии. Организатор и вождь революции на острове. До революционных событий была известна как герой (в мужском образе) второго плана, снимавшегося на Бабешке исторического художественного фильма производства «Мосфильм»; представлялась сценическим по фильму именем Политрук Кастрица, под этим именем была избрана первым Президентом Пруссии.

Китаец Чон Ли – агент под прикрытием контрразведки Руси. Полковник Курт об этом не знал и, разумеется, не держал в курсе своих тайных дел на Бабешке. Задача Чона Ли – выследить Капитана бин Немо: в скоропостижную смерть террориста Комендант Крепости не верил. Смерть Немо, странная кончина первого председателя колхоза «Отрадный» и исчезновение с виду уже на то время самой приближённой сподвижницы бин Немо Сумарковой навело китайца на подозрения, и он эксгумировал могилу. Труп в саркофаге оказался бальзамированным. Ли задокументировал (запечатлел на микрокамеру) всё до мелочей: у трупа на животе, бёдрах и ягодицах есть татуировка с картиной пожирания пираньями пингвинов. Помните, в школьные годы Марго, увлекавшаяся биологией и зоологией, мечтала уехать на

Амазонку, выводить там жаростойких пингвинов и скармливать рыбе, пираньям? Одна из маленьких родинок в паху аккурат приходилась в месте глаза одной из рыбёшек, этот факт я включил в оперативку по «миссии бин» как опознавательную примету Сумарковой. Обследуя труп, Чон обнаружил характерные следы трепанации и в донесении Коменданту Крепости высказал предположение, что «камень» Сумарковой подсажен в тело – в мозг – умиравшего Капитана бин Немо. «Камнем сознания» Марго купировано сознание вождя Хрона, тем самым недуг его, рак мозга, был блокирован. Правда, возник рецидив – что-то вроде парапротезной инфекции, попросту чесотка.

Полковник ВДВ Курт бежал на Бабешку в год избрания Марго-бинНемо Президентом Пруссии. Майор ОВМР Вальтер прибыл из Твердыни на остров к перевыборам на второй срок. Все годы президентства Марго-бинНемо не проявляла себя как продолжательница идей и дел вождя Хрона, никак не вынуждала и не заинтересовывала нас в передаче крио-тубусов Колумбария Исхода. Президент Пруссии чесался и онанировал – и сейчас этим занимается. Полагаю, и впредь так будет. Моя бывшая жена, обитавшая на Бабешке под именем Политрук Кастрица, за нас таким необычным способом исполнила «миссию бин». Теперь помехой возвращения земляков на Землю остаются волки, мустанги и драконы; смею высказать свои опасения, что – и адмиралы с генералами Альянса ЗемМария.

Прошу дать приказ на отзыв капитана Вальтера – он нам нужен в полку на «Звезде».

Доложил полковник Хизатуллин

*

Открыл файл с ответом на донесение:

Подполковнику Хизатуллину к сведению:

Мне известны обстоятельства, какие явились причиной вывода двух подразделений спецназа из частей задействованных в «миссии бин». Комендант Крепости восторженный согласием майора Вальтера обменять лазерную пушку на пулемёт, забыл передать тому, что на пути к Бабешке встречный на паруснике меняла Зяма передаст запись-ком от командующего ВС Пруссии с оперативными инструкциями по высадке на остров. Полковник планировал в день прибытия подкрепления сразу обезвредить личную охрану Капитана бин Немо – андроидов-самура в Отрадном, после совместными силами и гиноидов-пираней в Быково. Пулемётная очередь по водокачке, произведённая Вальтером с целью припугнуть председателя колхоза «Отрадный», дабы добиться его согласия на досмотр деревни, стала началом в цепи трагических последствий. К несчастью Франц-Вальтер не знал, что ему предстояла встреча с родным дядей, а дядя не знал, что с подкреплением ждёт племянника – видать, к несчастью, ты заготовил им сюрприз. Из-за твоей безалаберности марпехов приняли за пиратов. Ведь командиру полу-

роты в инструкции предписывалось высадиться на остров по времени значительно позже, и не на колхозном поле, а в самой деревне на площади у ратуши при деактивированном куполе-ПпТ. Открывая артиллерийский огонь, как думал по пиратам, не заметил к несчастью полковник жителей Отрадного, одетых в рабочую спецовку с рисунком и в цветах всходов.

Сегодня я положил на стол Помощнику Коммандера Сохрана Исхода лучеграмму с Земли, в ней, угрожают атаковать с подлодки «Иркутск» Русь, Америку и Аладду, уничтожить одним махом всю ЗемМарию. Дабы того не случилось, требуют возобновления переговоров по возврату на Землю Колумбария Исхода. Ситуация архисерьёзная. Ты знаешь, Крепость, Форт и Рабат ЗемМарии в Антарктиде так скучены, что хватило бы трёхсот тяжёлых авиабомб.

Подписан ультиматум Капитаном бин Немо – слепым Президентом Пруссии. Предположительно – аналитики так считают – «камень» вождя Хрона со временем подавил «камень» Сумарковой-Кастро. Теперь – возрождённый и здоровый – Капитан бин Немо принялся за своё. Ублюдок закопал нашу Марго! Её я, получив задание от Коммандера Исхода уничтожить вождя Хрона, назначил фактическим ликвидатором. Ты и Курты, как и сама «миссия бин» – отвлекающий фактор, ширма. Потому-то операция не имела гриф «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО», только – «СЕКРЕТНО». Блеф. «Миссия бин» под твоим руководством, подполковник, по-

лагаю, провалена.

Взвод капитана Вальтера оставь на острове и жди указаний.

Истребитель

*

Наконец, открыл файл с именем «Ёшкин-кот». После прочтения отрывка из жениного романа, сбрасывал ей записи-ком Франца и его подчинённых, в архиве черновиков романа заинтересовал файл с этим именем, скопировал.

Эти записи-ком в переговорах Коммандера Сохрана Исхода с Помощником Премьер-министра Марса мне передали братья Карамазовы. Близнецы налаживали и ремонтировали телефонную и радиосвязь на «Звезде», ну, и подслушали «нечаянно».

– Докладывайте.

– На Земле появился необычный наркотик.

– В чем необычность?

– Благотворно воздействует на психическое и душевное состояние.

– Подавляет... Испытайте в «Печальных домах».

– Проведены опыты, результат положителен. Земляки, принявшие дозу, эвтаназии не требуют. Хохочут.

– Вот как. Попытки суицида?

– Не замечены.

– Долго... хохотали?

– Из тех испытуемых кому наркотик вводится регулярно, ни кто пока в депрессивное состояние не вернулся.

– Хохочут?

– Да.

– Смеются или хохочут?

– Смеются во время приёма пищи и сна, пока наркотик действует.

– На буйных испытывали?

– Испытуемые, впав в депрессивное состояние, требуют эвтаназии.

– Какого происхождения наркотик, где и кем на Земле производится?

– Искусственного. Технология производства нам пока неизвестна. Но знаем, от нас на Землю поступает сырьё-продукт, по форме и размерами схожий с лекарственными ректальными свечами, так «свечами» то сырьё и называют. Нам «свечи» возвращают уже «кондиционными» – приобретшими наркотическое свойство и новое название «валюта». Лабораторные исследования показали, что основной составляющий компонент «свечей» и «валюты» – марсианский коралл «белый с оттенком героина». В ЗемМарию сырьё-продукт, на «Звезду» «валюта» поступают контрабандно. Кем и как непосредственно «свечи» доводятся до кондиции наркотика, пока не знаем, по прикидке аналитиков где-то на тихоокеанских островах, по всей вероятности волками или дра-

конами. «Свечи» им, «валюту» в ЗемМарию доставляют менялы, на «Звезду» наши марсианские купцы. Ни те, ни другие про наркотик не знают. Везут в жестяных круглых баночках (до Хрона в таких красную и чёрную икру продавали) атлантический криль. Не знают, что к рачкам подмешан наркотик.

– Хохочут... А буйные успокаиваются и просят эвтаназии...

– Разрешите составить оперативный разведывательный и затратный проекты.

– Действуйте.

*

– Докладывайте.

– Информация по наркотику «валюта»... Оказалось, что сырьём используются респираторные фильтры специально разработанные и производимые на «Звезде» для оснащения спецназа ВДВ, теперь марпехов ОВМР. В применении заправляются в ноздри. Секретные, экспериментальные, потому маркировкой не отмечены, назывались изначально «свечами». Раз использованные, а это четыре часа дыхания через них, на спецназовском сленге называются уже «макариками» (внешне схожи и с пистолетными патронами системы Макарова), и откладываются в очистку. Испытание на Земле проводила рота ВДВ полковника Курта. Как подразделение спецназа, рота подвергалась – в составе одного только взво-

да – Испытанию штабному на выживаемость. «Свечи» роте переправляли регулярно, но с доставкой ко времени на остров случались перебои, а чаще попросту выпивался промывочный спирт. Тогда «макарики» использовались – повторно сверх нормы, по сути порченными, непригодными к применению. В конце концов, их вызывавших раздражение слизистой в носу переходящее в смех после в неудержимый хохот, списывали. Так «неучтённой», контрабандно, «валюта» попадает на Марс. Опробованная в «Печальных домах», подавляет галлюцинации, боль и страх. На «Звезде» земляки – конечно, таясь – с «валютой» в носу, попивая настойку из коралла «вино креплёное», и из баночки закусывая рачками криля атлантического, глушат хандру. Последнее время многие наркотик применяют ректально, потому как воздействие от такого способа приёма наиболее эффективно, наиболее многократно с промывками спиртом, да и дешевле обходится в покупке у наркодилеров. Хохочут в подушку. Домохозяйки днями – кода мужья на службе, а дети в интернате. Мужья по офисам и по ночам вместо здорового сна и дачи супружеского долга. Важное обстоятельство: взвод полковника Курта, а впоследствии и взвод капитана Вальтера, не получавшие на сельхозработах все годы необходимого урожая зерновых и овощей, питалась топинамбуром и земляной ягодой, прозванной «оскоминой», произрастающей только на Бабешке и только на одном «Дальнем поле». По докладу мне аналитиков этот рацион и наделяет фильтры наркоти-

ческим свойством. На данный момент производителем «валюты» объективно являются солдаты взвода капитана Вальтера.

– Что ж, такова их доля.

– Образовалась проблема. Время от времени, из сезона в сезон, урожайность топинамбура с ягодой-оскоминой резко снижается, потому потребление этих продуктов в пищу значительно уменьшается, соответственно объёмы поставок нам «валюты» падают. По заверению аналитиков выход один: как можно чаще дышать солдатам через респираторы. Причём, качество «валюты», её «забористость» как наркотического средства, будет достигаться в зависимости от того как дольше марпехи будут терпеть щекотку в носу, смеяться и хохотать.

– Подбросить идею? Соприте у них «миску».

– Выношу на рассмотрение предложение приказать капитану Вальтеру возвернуть колхозникам уставные отношения, снова призвать полеводов на воинскую службу. Расквартировать полевым лагерем в поле на воздухе под чистым небом, без купола Толкина. День заниматься производством «валюты», по вечерам – кино; показывать драмы из советского и индийского кинофондов, чтобы отдыхать от хохота. Из Твердыни вернуть на остров 2-рой взвод полуроты – ему заняться восстановлением колхоза «Отрадный», пропитанием 1-вый взвод обеспечат.

– Действуйте.

– Я знаю про цунами... Волной на Бабешке всё смыло. Островитяне, в том числе и взвод Вальтера, все спаслись... Невероятно, Бабешка оказалась островом-колоколом с космическим инопланетным кораблём на дне под ним. Инопланетяне и спасли, с островитянами на борту и улетели, взвод только и оставили. Что прискорбно, Землю покинули и с половиной крио-тубусов Колумбария Исхода. Мы потерпели поражение: Вера Павловна, наша завуч, химичка и, как оказалось, инопланетянка-смотрящая, нас перехитрила. «Миссия бин» не удалась, провалена. Майору Вальтеру – верните ему звание – оставаться на Бабешке с задачей заново отстроить Отрадное и поставлять нам «валюту».

– По последнему только что полученному от агента Кога на донесению, на Бабешке в инцидент остались в живых все селяне Отрадного и взвод вооружённых сил Пруссии. Полковник Курт жив. Крестьяне, им обстрелянные из «умок», были поражены дробью стопор-ядер, начинённой антине-критиком, погребены были в анабиозе без признаков жизни. Прусский взвод полёг не от укусов и высокочастотного жужжания «шмелей» из шмелетниц, а от удушья газами в окопах. В таком состоянии были погребены и пролежали в могилах, пока к кладбищам, «Крестьянскому» и «Воинскому», не были прорыты со дна под «колоколом» лазы, по которым усопших опустили в реанимацию звездолёта. Действитель-

но погибли ротный комиссар и разведотделение. От цунами взвод Вальтера спасся – были загнаны гиноидами-пирани и заперты в подлодке... Я не докладывал, под марсианским именем Вальтер на Бабешке... Франц.

– Что!.. Выполний указание.

– Дама... ты же любила... любишь его.

– Иза, прекрати.

– Мы столько потеряли. Мы погубили Марго.

– Подготовь приказ, и сегодня же отправь лучеграммой.

– Слушаюсь.

*

Муж собирался утром на службу, хотела показать ему, уже и записи-ком открыла, но... не дал Гоша. Попугай метался по клетке и орал: «Остановисьостановисьостановись».

Не решилась.

– Меня скоро не жди... Обязан не разглашать, да чего уж там – все знают... про начавшуюся в Метро революцию. Этой ночью ожидаем вылазок по всему периметру Уровня. Шатлы могут захватить и на «Звезду» прилететь. Здесь отобьёмся, на других спутниках Неба вряд ли.

– Как же мы допустили такое? И кого уничтожаем? Людей. Они, как и мы – земляне, дети людей.

– Да нет, себя они называют червями и марсианами, а нас давно уже не земляками и не небёнами, зовут – буржуями. Запудрили мозги деткам китайцы! Чтоб им и впредь пусто

было... Телефон может не работать, связь со мной держи по комлогу, что тебе Карамазовы подарили.

Муж ушёл, я встала от компьютера, сходить в кухонный закуток попить кукурузного отвару, перекусить «крабовыми палочками». Проходила мимо клетки, Гоша проводил. «Бумбумбумбум». Возвращалась, попугай, повиснув в кольце вниз головой, твердил:

– Бумбумбумбум.

– Завянь.

– Катькатолстаятолстаятолстая.

– Гоша, скажи Тим-трим-тум-бум.

– Бум-тум-трим-тим...

– Завянь.

– Покроши Гоше коралла-нить.

– Завянь!

Взглянула в иллюминатор с видом на Марс. Орбита «Звезды» отдалена от планеты настолько, что та видна вся целиком. Там, за этим красным шаром – далеко, далеко – Земля. Голубая.

Из кадушки фикуса достала мужью нычку – бутылку с настойкой и жестяную баночку с рачками. На лежаке взбила подушку.

Откупорила бутылку. Прежде чем лечь, открыть крыль и спустить пижамные штаны, позвонила, пока работал, по телефону. Набрала Центральный коммутатор служебных и деловых переговоров:

– Представляюсь, Екатерина Геннадьевна Хизатуллина. Мой кюар-код ЕК-2908, зарегистрирован под именем и фамилией девичьей Екатерина Геннадьевна Курт. Соедините с абонентом по адресу кольцо два, сегмент двести шестнадцать, коммерческая фирма «Лекарства Земли». Связь запрашиваю с завскладом Кагановичем.

Звонила напомнить, прапорщик обещался занести «валюту» – чтоб муж в нычке не обнаружил недостачи.

Хизатуллин нашёл в архиве файл с прощальной записью-ком майора Франца Курта. Покидая космодром «Звезды», друг сбросил ему на комлог это письмо, сопровождал паролем доступа и попросил прочесть текст только в случае плохих о нём вестей.

Открыл и перечёл, в который уже раз.

Заканчивая учёбу в военном училище, я скучал по дому. Дневая по роте, ночью садился за компьютер, распаковывал архив и запускал «авишки». Первыми всегда просматривал те, что с «Оградой». Гигантская конструкция из сот-генераторов держалась на плаву в трёх километрах от берега, стеной огибала и замыкала прибрежную акваторию острова. По замыслу создателей должна была преобразить Новую Землю в житницу России. Сооружение не только грандиозное, но и красивое. В шторм засмотришься. Стена, чтобы не быть разрушенной, опускается под воду – попросту тонет. Утонет –

только свет из-под воды пробивается. А кончится ненастье, всплывёт, растёт ввысь вся бело-голубая от пара и разрядных искр. Шум от сот-генераторов приближается и усиливается... и тебя обдаёт тёплым воздухом. А когда солнце тихим вечером и в штиль садится – это же восторг, ни с чем несравнимо! Диск светила закатывается краем за чёрную на фоне закатного багрянца ленту стены, один за другим через мембраны в сотах с неисправными кулерами возникают красные лучи. Солнце – ниже-ниже, и лучи – льнут к воде, стелятся по глади. И выстреливают в тебя!

Океан, побережье, горы, лес, дома... Дома – под куполами, как будто накрыты огромными мисками цвета и прозрачности молочной сыворотки, с сеткой чёрного горошка. Так воспринимается с высоты птичьего полёта полусфера купола-ПпТ с силовым полем профессора Толкина. «Мисками» те купола и прозвали. Три их группы укрывают посёлки Отрадное, Мирный и Быково, где проживают первые строители стены. Вокруг по склонам гор хутора под – малыми «мисками», с их появлением «Ограду» называли уже «Колизеем».

Вот тень от летящего вертолёта (я управляю машиной, я же и снимаю на видеокамеру) прочертила по куполу одного из хуторов, этот – дом моего отца. Под «миской» тепло и уютно – что летом, что зимой. Загорай вволю, купайся в бассейне. Впрочем, чуть ли не треть года и за её пределами не замёрзнешь: не возведённая до конца в высоту и местами разобранный стена – Колизей – все же функционирова-

ла. Противостояла натиску на остров океанским штормам, ветрам и стуже. Если и не случилось стать заполярной житницей, Новая Земля со временем преобразилась в знатное курортное место – сюда теперь, как в Крым когда-то, наезжали отпускники и люди праздные. У нас в Отрадном, Миронном и Быково осенью ягоды всякой, морошки особенно, только в лес зайди; чистым воздухом подышать – и в горы не надо; побегать трусцой – далеко не ходить. Чем не курорт? Но не построили здесь, как на юге острова, отелей и кемпингов: недолюбливали, как я понял с малых ещё лет, «новые бизнесмены» Новой Земли строителей Ограды. Признаться, и зачинателей преобразования её в Колизей. Но больше потому, что, потеряв в экономический кризис работу, не ехали те в города прислуживать в отелях и ресторанах. Содержали фермы, собирали ягоды, грибы, ловили рыбу и охотились.

В кадре «авишки» юноша демонстрирует оформление куртки и джинсов – это я, Франц Геннадьевич Курт в шестнадцать лет. Джинсы примечательны: на коленках брючин вышиты гладью боевые вертолёты, тогда в юности ими грезил, мечтал стать военным лётчиком-пилотом. А вышила «аллигаторов» сестра Катька – на коленках поприколу («А оригинально так, я так вижу»).

Я высок и крепко сложен не по годам. Может быть, потому, что любил полазить по горам, побегать по мелководью в отлив, заплыть далеко от берега – летом; стать на лыжи, искупаться в проруби – зимой. У меня чуть скуластое лицо,

высокий лоб, крепкий с ямочкой подбородок. Нос – греческого профиля, но излишне крупноватый. Уши – небольшие, правильной формы, как с рисунка в учебнике анатомии. С первым ничего поделаться не мог, а вот уши наполовину скрывал зачёсанными назад и забранными в косичку волосами цвета соломы. Не нравился мне цвет глаз и бугристо выступающий на шее кадык, хотя именно последний признак моего возмужания за каникулы выделили одноклассницы. Это в девятом классе, в восьмом они моё прозвище Истребитель заменили на Покрышкин. Полагал, по аналогии Истребитель – герой ВОВ лётчик-истребитель Покрышкин. Оказалось, у старшекласника из быковской школы было прозвище Истребитель, требовал от меня замены, в тёрках до кровавых драк доходило. Но придумали мне новое прозвище девчонки совсем из других соображений. Я не уточнял из каких-таких – сам догадался. С конца учёбы в седьмом уже классе физкультуру в бассейне я сачковал. После каникул на первом уроке физры в бассейне выходил из воды, мальчишки, подсучиваемые Батыем и Плохишом, кричали: «Девчонки, смотрите, какие у Франца плавки клёвые! Эй, не жмут?!»

А вот и они в кадре.

Высокая, рыжая Дама Вандевельде, в детсаде не разлей-вода были, в школе с первых классов за ручку ходили, ранец её носил, а в средних – обогнала меня в росте – сторонился, В старших классах бегала за мной, на дискотеках танцевать приглашала, в свои пушистые рыжие волосы носом

зарывала. Смущался и бросал её одну посреди зала, но танцевать всё же приглашала – случилось, и не только на «дамский танец» – пока я не забил на дискотеки. Родители её и мои поженили нас уже при рождении. В классе за рост, худобу и подростковую угловатость прозвали Стамеской, но после как подруга её Портос поправила чубы мальчишкам, и я приструнил, звали только по имени, Дамой.

Изабелла Баба – эфиопка, подруга Дамы. Чемпионка Северо-западного федерального округа РФ по боксу среди учебных заведений. Прозвище Портос. В студенчестве поменяет себе пол на мужской и женится на Даме. Кто мог предположить какой пост в правительстве займёт на Марсе!

Пульхерия Сумаркова – черноволосая и черноглазая красавица, с чертами лица и взглядом юной ведьмы. Мужененавистница: пацанам из соседних школ известная, как подвижница девиза «...выкреслять охотку у паскудников накорню – в младости». В классе её круглую отличницу и недотрогу держали за юродивую. Обозвать так в лицо, ни кто не смел, называли – с благосклонного её согласия – Марго. Боялись её сдачи. За ней не заржавеет: парту обидчика майскими жуками и гусеницами нашпиговывала. Это мальчишкам, девчонки с ней были тише воды ниже травы. В Хрон супруга моего друга Салавата Хизатуллина. Она сподвижница Капитана бин Немо! Обязан верить.

Глашка... – забыл её девичью фамилию. В Хрон сенатор Госдумы РФ. Потому, что головастая: задачки по математи-

ке и химии влёт решала; на русском и английском языках писала без ошибок, вообще; на уроках мировой политологии одна до звонка тараторила. Глашкой-головойстой и прозвали.

Ленка Жёлудь – не сходила с киноэкранов, со страниц глянца.

Катька Курт – моя сестра, Котёнок-пострелёнок у отца с матерью дома, Клёпа – во дворе и в школе, на переменках сорванец в юбке. Одноклассницы к ней зашли за эскизами новогодних костюмов.

Маша Сумаркова, звали Мальвиной – сестра Марго и Катькина закадычная подруга. Сидит в водяном кресле и дразнит дога Цезаря.

А вот и пацаны заявили. Эти – ко мне, звать репетировать в школе новогодний спектакль. А я на антресолях шкафа с камерой затаился – не найдут.

Салават Хизатуллин – Батый. Мой друг.

Стас Запрудный, Плохиш – вовсе не плохой, не дурной пацан. Толстяк башковитый, прикидывался шутом гороховым – это да.

Доцент, Саша Даничкин. Правильный пацан, дружил с ним, хоть и был в обиде на меня – раз предал, не желая того.

Братья Карамазовы – близнецы. На «Звезде» из одноклассников от анабиоза первыми были пробуждены, связь по спутнику и всему Небу налаживали.

Одноклассницам пацаны «здрате» не сказали, только Катьке кивнули. Догу тоже. Якобы. На самом деле, мимо со-

баки: Мальвине. Глаза у девчонки и курчавость её белокурых до сияния волос, ах, взгляда не отвести. А Цветаеву со сцены читает, на дискотеке степ бацает! Ученики соседних школ в нашу заявлялись послушать и посмотреть. Сестра Катька моя с ней дружила, на роль «некрасивой подружки» соглашалась, наряды ей сочиняла и обшивала с вышивкой гладью обалденной. Мои «аллигаторы» на коленках джинсов жалкая пародия на её мастерство – ясен пень, поиздевалась над братом.

Сейчас должен прозвучать зуммер вызова по викамофону. Ага... На экране завуч Вера Павловна с классной учительницей Маргаритой Астафьевной. Первую Бактерией прозвали, вторую – Мэрилин Монро. Попросили поспешить на репетицию, и Франца не забыть. Где сейчас брат, однокурсники у Клёпы не спросили и не искали по дому, зашли для отмазки: я играю «ёлку» – безмолвную, за весь спектакль только и надо раз простонать и вату с себя сбросить, когда рубить начнут. Что там репетировать.

А на антресоль я забрался заснять, как Катька обучала молодого попугая Гошу, подаренного ей на день рождения дядей Францем. У неё до этого уже был старый Гоша, но утонул, упав с фикуса в фонтан. Вниз головой, клювом тяжёлым в воду бултыхнулся, не успел, обжора, крылья расправить. Молодой Гоша – такой же, как и старый, обжора и вредина – про трагический случай с предшественником прознал, и на фикус ни ногой.

Ребята ушли, Мальвина убежала выгуливать Цезаря, Катька снова требовала от попки:

– Гоша, скажи Тим-трим-тум-бум.

– А покроши чо-нить.

– Завянь! Скажи.

– Бум-тум-трим-тим, – твердил попка своё.

Тогда в училище, просматривая видеозаписи, я не думал о том, как красивы места, где родился и вырос, каков я, юноша – атлет и недурён собой. Ту былую беззаботную и счастливую жизнь принимал как данность. Сейчас у меня седина в белёсых и коротких ёжиком волосах. Цвет глаз не голубой, а серый – с имплантированной чужой роговицей. Шея под кадыком обезображена: проткнули трубочкой, чтобы я, подавившийся с бодуна собственным языком, не задохнулся. У меня перебита переносица – так что нос не греческого теперь профиля, курносый стал. Верхушка одного уха порвана – отстреляна снайпером противника; у другого уха мочки нет – срезана в ножевой стычке. Прожил в новом – послехронном – мире я недолго, век в анабиозе проспал. Живу на Марсе не то чтобы в аду, но и не соотнесёшь послехронный, даже самый безоблачный, день с самым, казалось, безрадостным и скучным днём юности – дохронным. Мечтаю о глотке приморского воздуха и зелёной траве газона у родительского дома. Эх, как бы сейчас покосил лужайку, не накосился бы. И выстрелов хочу, только не пулями, не лучами лазеров – лучами солнца в Колизее. Не вечернего закатного

– утреннего, восходящего над миром...

Читать Хизатуллин не закончил, прервал зуммер комлога.
Вызывал Истребитель...

©Владимир Партолин *bobkyrt@mail.ru*